

Ж.Ф.
ШАМПОЛЬОН
И ДЕШИФРОВКА
ЕГИПЕТСКИХ
ИЕРОГЛИФОВ

KB

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ж. Ф. ШАМПОЛЬОН
И ДЕШИФРОВКА
ЕГИПЕТСКИХ
ИЕРОГЛИФОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Ответственный редактор
И. С. КАЦНЕЛЬСОН

ОТ РЕДАКТОРА

По решению Президиума Академии наук СССР 150-летие со дня гениального открытия Франсуа Шампольона было отмечено созывом Второй всесоюзной конференции египтологов. Дешифровкой иероглифической письменности древних египтян Шампольон не только заложил основу науки о великой цивилизации долины Нила, но и дал метод дешифровки забытых систем письма вообще.

Труды Ф. Шампольона привлекли к себе внимание в России. В декабре 1826 г. он был избран почетным членом Российской Академии наук. Нападки его противников неизменно встречали отпор со стороны русских ученых и общественности, а основополагающая работа «Précis du système hiéroglyphique» была издана в кратком изложении в России в год ее появления во Франции. С тех пор имя Ф. Шампольона неизменно пользуется в нашей стране заслуженной славой и уважением.

Сборник посвящен 150-летию дешифровки египетских иероглифов Ф. Шампольоном. Статьи затрагивают различные вопросы, связанные с дешифровкой иероглифов: история, наука о древнем Египте, история языка и культуры и т. п.

Ш 10602-235
013(02)-79 131-79. 0503000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

Б. Г. Гафуров

ГЕНИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ ФРАНСУА ШАМПОЛЬОНА

Сто пятьдесят лет тому назад французский ученый Жан Франсуа Шампольон нашел ключ к чтению древнеегипетских иероглифов. В наши дни мы можем в полной мере оценить значение этого открытия.

Исследуя древнюю историю различных народов, мы уделяем большое внимание изучению их вклада в развитие общечеловеческой цивилизации. Мы не мыслим изучения богатого прошлого народов нашей страны, истории других стран без исследования их связей с другими народами и странами, соседними и дальними.

В истории этих контактов и культурных взаимодействий на протяжении многих тысячелетий весьма велико было значение стран Востока. Исключительно велико историческое и культурное наследие, которым справедливо гордятся народы этих стран.

Изучение богатого прошлого различных народов, их плодотворных контактов укрепляет дружбу между народами и служит благородному делу упрочения и развития связей в нашу эпоху.

Открытие Ф. Шампольона раздвинуло горизонт гуманитарных наук — истории, лингвистики, филологии и др. Оно сделало доступным для изучения более тридцати веков истории древнего Египта, о котором ранее имелись лишь весьма смутные представления, основанные только на Библии и сочинениях античных авторов. Дальнейшие, ставшие возможными на этой основе исследования наглядно показали, насколько велик вклад древнеегипетской цивилизации в мировую культуру.

Исследования по истории древнего Египта, его культуре и искусству вызывают большой интерес и находят живой отклик у советских ученых и широкой общественности нашей страны.

Открытие Шампольона вдохновило многих ученых приложить еще большие усилия к расшифровке других древневосточных систем письма, и прежде всего клинописи, что в конечном итоге увенчалось успехом. Были открыты возможности документального исследования истории и культуры древнего Двуречья, Ирана,

Малой Азии и др. Как и Египет, эти страны сыграли огромную роль в развитии мировой культуры.

В Жана Франсуа Шампольоне благородство, самоотверженность и преданность науке сочетались с исключительным трудолюбием. Он заслуженно считается гениальным ученым. Но его гениальность — результат титанической работы, железной воли и целеустремленности.

К этому следует добавить, что на жизненном пути Шампольону пришлось преодолеть немало трудностей, перед которыми другой бы отступил: тяжелое материальное положение, слабое здоровье, зависть и недоброжелательство в научной среде, преследование со стороны властей.

Стремление разрешить научную проблему, которой Шампольон отдал себя без остатка, всю жизнь служило ему немеркнувшей путеводной звездой.

Жан Франсуа Шампольон родился в 1790 г., а умер в 1832 г. в возрасте 42 лет, т. е. в расцвете своих творческих сил и возможностей. Жизнь его была краткой, но необычайно яркой и плодотворной.

В марте 1831 г. специально для Шампольона в Коллеж де Франс была основана кафедра. Ныне ее возглавляет крупнейший французский египтолог — акад. Ж. Позенер.

Русские ученые своевременно оценили великое открытие Ф. Шампольона: он был избран почетным членом Петербургской Академии наук в январе 1827 г. вместе с известным историком Нибуром и великим Гете. На родине подобная честь ему была оказана лишь в 1830 г.

Две работы Ф. Шампольона — его знаменитый очерк «О египетском иероглифическом письме» и «Вступительная речь к курсу археологии» — изданы в русском переводе отдельной книгой Издательством Академии наук СССР. У нас написаны и опубликованы и научно-популярные очерки об открытии Франсуа Шампольона.

Продолжая дело Ж. Шампольона, русские ученые — В. С. Голенищев, Б. А. Тураев, В. В. Струве и др. — внесли значительный вклад в изучение истории и культурного наследия древнего Египта. Их труды получили признание как на родине, так и за рубежом.

М. А. Коростовцев

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ЕГИПТОЛОГИИ В СССР

В 1922 г. Т. Н. Козьмина-Бороздина писала: «Приступая к обзору развития египтологии в России, в связи с празднованием столетнего юбилея дешифровки иероглифов Шампольоном Младшим, надо же сразу отметить, что об египтологии, как таковой, в России можно говорить только с последней четверти прошлого столетия»¹. Она имела в виду последнюю четверть XIX в. Именно начиная с этого времени, вплоть до 1922 г., широко развернулась деятельность трех ученых, имена которых известны египтологам всего мира и которые внесли в свое время ценный вклад в мировую науку — О. Э. Лемми, Вл. С. Голенищев и Б. А. Тураев. Излишне комментировать эти имена. Но все же о Б. А. Тураеве я хотел бы добавить следующее. Возглавляя кафедру Истории древнего Востока университета в Санкт-Петербурге, Б. А. Тураев, талантливый педагог, создал школу русских египтологов и востоковедов. Это И. М. Волков, А. Коцейковский, А. В. Шмидт, Ф. Ф. Гессе, Т. Н. Козьмина-Бороздина, В. М. Викентьев, И. Г. Франк-Каменецкий, Н. Д. Флиттнер, В. В. Струве и ученик Биссинга Ф. В. Баллод. Волков, Гессе, Козьмина-Бороздина, Коцейковский и Шмидт опубликовали ряд интересных статей в разных журналах, но рано умерли или отошли от египтологии, не успев развернуть свои способности: Викентьев переселился в Египет, Франк-Каменецкий погиб в автомобильной катастрофе, Н. Д. Флиттнер долго и успешно работала в Эрмитаже. В. В. Струве, которого Б. А. Тураев считал своим самым одаренным и эрудированным учеником, возглавил после смерти Б. А. Тураева в 1921 г. кафедру Истории древнего Востока и заведовал ею вплоть до самой смерти. Именно В. В. Струве и было суждено создать советскую школу египтологов и историков древнего Востока.

Развитию и укреплению египтологии в Советском Союзе способствовала политика нашего правительства в вопросах науки и культуры, тесно связанная с общей политикой нашей страны в отношении Востока. Эту политику предначертал В. И. Ленин, и этот ленинский завет неукоснительно соблюдается и в наши дни.

В. В. Струве был самоотверженным, до конца преданным науке ученым, поставившим свою жизнь на службу советской науке. Он посвятил свою жизнь достижению двух целей: создания высокого уровня научно-исследовательской литературы, посвященной древневосточной, и в первую очередь древнеегипетской, проблематике, и воспитания высококвалифицированных специалистов в данной области.

В. В. Струве, обладая разносторонними знаниями, был не только египтологом, но владел шумерским, аккадским, древнееврейским, хеттским, урартским, древнеперсидским, греческим языками, что позволило ему непосредственно использовать первоисточники древних народов. Он оставил ряд ценных исследований по истории и культуре этих народов, однако египтология была у него на первом плане. Каковы же основные проблемы, которыми занимался В. В. Струве?

Во-первых, это капитальная монография «Манефон и его время» (ЗКВ, IV, 1930), историческое и источниковедческое исследование темы, можно сказать, до В. В. Струве в египтологии не разработанной. Если о позднем Египте времени Манефона и имеются отдельные статьи и исследования, то о самом Манефоне, по сути дела, ничего нет. Труд В. В. Струве по богатству собранного и анализированного материала занимает почетное место среди работ по этому периоду истории Египта и по оригинальности и тонкости выводов. Для египтолога, занимающегося историей Египта накануне эллинизма, труд В. В. Струве представляет и поныне несомненный интерес.

Во-вторых, капитальная монография В. В. Струве, представляющая собой издание и исследование Московского математического папируса. Она получила широкий отклик в зарубежной литературе, вызвав оживленную полемику, хотя такой крупный ученый, как Эрик Пит, расходился с В. В. Струве в оценке уровня египетской математики, однако, отдавая дань самому труду, подчеркивал, что монография В. В. Струве является большим вкладом в мировую науку. В следующей монографии В. В. Струве дал полный перевод «поучения» египетского мудреца Ипусера и показал, что этот текст — несомненное свидетельство подлинных событий ожесточенной классовой борьбы, событий, которые он датирует временем II переходного периода. А. Гардинер пишет: «Правдивость Лейденского папируса, как описания Египта в 1-й переходный период, оспариваема»². Таким образом, В. В. Струве первый констатировал, что Лейденский папирус 344 — описание реальных событий, а не литературная фикция, как это ранее утверждали Ланге, Вейль и др. Научные труды В. В. Струве далеко не истерпываются вышеупомянутыми исследованиями. Его перу принадлежат работы по египетской религии, литературе, истории и т. д.

Много внимания В. В. Струве уделял проблеме социально-экономических структур древневосточных обществ, в том числе

и древнему Египту. По сути дела, наука только-только приступила к разрешению данной проблемы в конкретных формах, которые, кстати сказать, не укладываются в наши традиционные представления. Во всяком случае, сейчас уже можно утверждать, что в древнем Египте не было ни феодализма, ни пресловутого «азиатского» способа производства, а рабство бытовало там в особых, специфических формах, весьма отличных от классического античного рабства, и играло значительную роль и в экономике, и в социальной жизни. Проблема специфических форм рабства и их удельного веса в жизни древневосточных обществах, и в частности в древнем Египте, разрабатывается в настоящее время учениками В. В. Струве.

Ученик В. В. Струве Ю. Я. Перепелкин многие годы своей жизни изучает Амарнский период истории Египта, точнее, реформы Эхнатона. Он автор трехтомного труда «Переворот Аменхотпа IV». Первый том (М., 1967) посвящен исследованию источников и известен за пределами нашей страны. Ю. Я. Перепелкиным написана история древнего Египта в I (1955) и II (1956) томах «Всемирной истории» Академии наук СССР. Труды Ю. Я. Перепелкина написаны на источниках, содержат интересные наблюдения и отличаются по своей направленности. Ему принадлежит и очень интересное исследование о частной собственности в Египте в эпоху Древнего царства.

И. С. Кацнельсон известен исследованиями по истории древнего Судана. Его монография «Напата и Мероэ — древние царства Судана» (М., 1970) охватывает историю древнего Судана с VIII в. до н. э. по IV в. н. э. Это самая подробная и богатая фактическим материалом работа на данную тему в научной литературе, опубликованной до настоящего времени. И. С. Кацнельсон руководит проблемной группой по мероистике при Отделе древнего Востока Института востоковедения АН СССР.

Имена И. М. Лурье и М. Э. Матве, к сожалению рано ушедших из жизни, несомненно, хорошо известны своими исследованиями в разных отраслях египтологии. Работая в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, они издавали и комментировали немало памятников этого музея. И. М. Лурье интересовался больше правовыми отношениями в древнем Египте, чему он посвятил специальный труд «Очерк древнеегипетского права XVI—X веков до н. э.» (Л., 1960). М. Э. Матве известна своими монографиями по искусству древнего Египта («Искусство древнего Египта». М., 1961).

В. В. Павлов был искусствоведом-египтологом. Ряд его специальных работ в этой отрасли науки внес много нового в изучение египетских памятников с точки зрения искусствоведения. Особенно интересно его исследование «Египетский портрет I—IV веков» (М., 1967). В течение многих лет он руководил Отделом древнего Востока в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Его ученица С. И. Ходжаш, в данное время заве-

дующая Отделом древнего Востока Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, является автором ряда исследований по разным вопросам египетского искусства (например, совместно с В. В. Павловым, «Художественное ремесло древнего Египта», М., 1959; она же. Египетское искусство в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1971 и др.).

Н. С. Петровский, историк и лингвист, известен своими трудами в области языкознания. Его перу принадлежит первая на русском языке грамматика классического египетского языка «Египетский язык» (М., 1958). В своем описании египетского языка автор исходит из принципов берлинской и английской школ египтологов, однако вносит ряд новых наблюдений и выводов, имеющих самостоятельное значение для лингвиста. Н. С. Петровскому принадлежит также крупная монография «Сочетание слов в египетском языке» (М., 1970). Считаю необходимым подчеркнуть, что термин «сочетание слов» вовсе не тождествен термину «словосочетание». «Сочетание слов» имеет значение синтаксическое и лексическое. Как указывает сам автор, его целью «явилось рассмотрение закономерностей сочетаемости слов на конкретном материале старинных египетских письменных источников». Это совершенно новая область исследования в языкознании.

Б. Б. Пиотровский — крупный востоковед нашей страны. Он начал свою научную деятельность как египтолог, переключившись потом на изучение Урарту. Б. Б. Пиотровский возглавлял советскую археологическую экспедицию в Египте. Результаты этой экспедиции представляют несомненный интерес как археологическими результатами раскопок, так и обнаруженным новым эпиграфическим материалом. Предварительный отчет опубликован в книге «Древняя Нубия» (Л., 1964). Б. Б. Пиотровскому принадлежит ряд археологических исследований о древнем Египте.

Нельзя обойти молчанием и других египтологов, работающих в основном над разными аспектами социально-экономической проблематики древней страны фараонов. Интересны работы Т. Н. Савельевой «Аграрный строй древнего Египта в период Древнего царства» (М., 1962) и «Как жили египтяне во времена строительства пирамид» (М., 1971), И. А. Стучевского «Зависимое население древнего Египта» (М., 1966), О. Д. Берлева «Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства» (М., 1972). Е. С. Богословский и И. В. Виноградов опубликовали ряд статей, близких по своему сюжету. Знакомясь с этими исследованиями, убеждаешься в том, насколько трудна тематика и какие препятствия стоят перед исследователями. Надо прямо сказать, что они еще далеки от преодоления, и поэтому между авторами возникают серьезные разногласия. Это, однако, нормальное явление на пути нового научного направления.

Необходимо отметить работу К. К. Зельина «Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей

эры» (М., 1960) и труд Н. И. Пикуса «Царские земледельцы и ремесленники в Египте III века до н. э.» (М., 1972). Интересно исследование И. Ф. Фихмана «Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—VII веках н. э.» (М., 1965), в котором рассматриваются сложные и трудные проблемы перехода от рабовладения к феодализму.

Х. А. Кинк в книге «Египет до фараонов» (М., 1964) исследует проблемы перехода от доклассового общества к становлению рабовладения. Р. И. Рубинштейн — автор многих статей по религии Египта, опубликовавшая также ряд популярных работ о древней стране пирамид для школьников. Н. М. Постовская, научные интересы которой сосредоточены на Древнем царстве, известна монографией «Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959)» (М., 1961), содержащей исчерпывающие данные об авторах в области египтологии и об их трудах за указанный срок.

Очень интересны систематически публикуемые в журнале «Вестник древней истории» библиографические аннотации по египтологии, составляемые Н. Семпер.

П. В. Эрнштедт, замечательный лингвист, знаток коптского и древнегреческого языков, опубликовал ряд работ в области коптологии, в том числе «Египетские заимствования в греческом языке» (М.—Л., 1955). Его ученица А. И. Еланская напечатала ряд работ, в которых содержатся новые наблюдения над языком и новые теоретические выводы, например «Коптский язык» (М., 1967).

Можно было бы назвать еще ряд ученых, которые внесли немалый вклад в дело изучения египтологии. Одни из них уже, к сожалению, ушли из жизни — И. Г. Лившиц, Г. П. Францев, вторые переключились на другие специальности — Д. А. Ольдерогге, Н. А. Мецкерский, Д. Г. Редер и др.

Центрами исследования египтологии в СССР являются: в Ленинграде — университет, Эрмитаж и Ленинградский филиал Института востоковедения СССР, в Москве — Институт востоковедения, Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, кафедра искусствоведения в МГУ.

Вот что очень коротко можно было бы сказать о развитии египтологии в СССР за пятьдесят лет.

¹ «Новый мир». 1923, № 3.

² А. Н. Gardiner. *Egypt of the Pharaohs*. Ox., 1961.

Ж. Познер

(член Института, Франция)

Ф. ШАМПОЛЬОН И РАСШИФРОВКА ИЕРАТИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Два года спустя после «Письма Дасье» (в 1824 г.) Шампольон публикует свое «Описание иероглифической системы древних египтян». Параграфы 112—116 этой работы посвящены иератическому письму, его возникновению и описанию.

«Египтяне, — пишет Шампольон, — должны были ощущать острую необходимость в более мобильной и более удобной системе письма (по сравнению с иероглификой). Поэтому, вместо того чтобы обратиться к системе письменности, которая полностью отличалась бы от уже изобретенной ранее и бесповоротно освященной религией в глазах всего народа, было решено значительно сократить начертание *собственно иероглифов*».

«112. Первым способом было сокращение *начертания собственно иероглифов*, изображавших реальные предметы зачастую до мельчайших подробностей, до их курсивной, часто линейной формы; при сохранении основных контуров каждого рисунка не воспроизводилась ни одна деталь, а характерные черты данного реального предмета иногда утрировались, и, таким образом, иероглиф, выраженный своего рода карикатурой или шаржем, было очень легко понять. Эта, первая модификация... встречается во всех известных на сегодняшний день иероглифических рукописях: я дал этим курсивным иероглифам название *линейных*».

«113. Этот важный шаг вел ко второму, а вместе с ним и к достижению поставленной цели, т. е. к сокращению и быстрому начертанию знаков... Благодаря этому сокращению они незаметно пришли к новому виду письма, которое мы встречаем в большей части рукописей, обнаруживаемых ежедневно в египетских катакомбах. Эти тексты существенно отличаются от рукописей с линейными иероглифами; они принадлежат к системе письма, которую я определил как египетское письмо, именуемое *иератическим* или *жреческим* письмом, по определению Климента Александрийского».

«114. Общие принципы *иератического* письма полностью тождественны тем, что управляют собственно иероглифическим линейным письмом. *Иератический* метод, которым пользовалась жреческая каста, и в особенности иерограмматы или священные писцы. . . по существу, был не чем иным, как подлинной *скорописью* метода иероглифического».

«115. Эта письменность теснейшим образом связана с иероглифическим письмом. Практически иератические знаки большей частью являются не чем иным, как сокращением подлинных или линейных иероглифов. . . Подавляющая часть иероглифических знаков имеет прямые аналоги в иератическом письме».

«116. Таким образом, иератическое и иероглифическое письмо, если абстрагироваться от их материальной формы, содержат точно соответствующие друг другу знаки *фонетические*, знаки *символические* и знаки *изобразительные*; но письмо иератическое отличается от священного письма постольку, поскольку оно признает меньшее количество знаков *изобразительных* и *символических*».

«Жреческое письмо, изобретенное с определенной целью — создания мобильного письма, с необходимостью отвергает все знаки, графическое изображение которых базируется на полном соответствии формам оригинала; таким образом, оказалось возможным сохранить в *иератическом* письме, которое является настоящей скорописью, те изобразительные знаки, которые в целях их адаптации воспроизводят со скрупулезной точностью основные контуры и главные детали предметов, на суть которых они указывают. Так же случилось и со многими очень сложными символическими знаками, например с такими, как изображения богов: в результате мы находим в иератических текстах лишь определенное количество изобразительных и *символических* знаков, и при этом только таких, которые легко поддавались сокращению и написанию небольшим числом линий, оставаясь в то же время распознаваемыми. Другие же, более сложные знаки были заменены или произвольными знаками, или группой знаков другого класса, которые выражали тот же смысл. Так как жреческое письмо имеет знаки, эквивалентные большей части фонетических иероглифических знаков и определенному количеству знаков двух других классов, то, несмотря на это вынужденное сокращение, количество *иератических* знаков было еще очень значительным. Моя таблица точно соответствующих друг другу знаков в этих двух системах насчитывает их уже более четырехсот».

Все вышесказанное могло бы быть воспроизведено почти дословно в современной грамматике. Спрашиваешь себя: каким образом Шампольон достиг такого знания первой египетской скорописи? Задача была не из легких, что хорошо известно всем тем, кто изучает египетский язык и кто, преодолев барьер иероглифики, впервые берется за рукопись иератическую; все им кажется странным и новым в этих знаках, которые, за редким исключением, не имеют больше ничего общего с монументальным пись-

мом. Затруднения, испытываемые сейчас, не идут ни в какое сравнение с трудностями, которые надо было преодолеть во времена Шампольона. В его случае можно говорить о настоящей расшифровке, заслуживающей быть прослеженной шаг за шагом, тем более что он участвовал в раскрытии тайны иероглифов.

Ученые, которые старались проникнуть в тайны египетского письма, знали благодаря классическим авторам и отцам церкви, что египтяне пользовались различными видами письма. Но сколькими? Первая трудность — несовпадение сведений. Геродот, Диодор и многие другие писали только об иероглифическом и демотическом письме, Климент Александрийский впервые сообщил об иератическом. Предполагают, что Порфирий различал четыре вида письма. В течение долгого времени ученые будут колебаться между этими противоречивыми свидетельствами, и Шампольон — подобно другим. Он, так же как и его предшественники, спутает иератическое и демотическое письмо.

Вторая трудность — древние не объясняли связей между видами египетского письма. В целях оправдания их одновременного существования в них пытаются увидеть совершенно разные системы записи, и Шампольон еще в 1818 г. думает, что иероглифы — это идеограммы, тогда как знаки курсива (скорописи) — это фонетические знаки. Двойная ошибка, от которой ему придется избавиться, чтобы прийти к правильному чтению египетского письма; сложное уточнение, так как оно должно производиться в направлении, обратном способу письма, и вынуждает его частично принять для иероглифики то, что он исключает частью для скорописи.

Конечно, правильные предположения уже появлялись начиная с середины XVIII в. Согласно Кайлю и Жиберу, курсив — это производное от иероглифики; для Гиня различные виды египетской письменности не представляли разные системы, а были едиными. Мнения эти не основывались на четких доказательствах; они терялись в море теорий, которые были одна фантастичнее другой, например родство китайского и египетского языков или чтение скорописи (курсива) по-финикийски. Как же отделить хорошее зерно от плевел?

Увлечение в детстве естественными науками привило Шампольону любовь к коллекционированию, привычку к классификации и потребность контакта с первоисточником. Эти качества впоследствии помогли ему в изысканиях, побуждая заниматься практическими исследованиями до обращения к теории и к работе над подлинниками, а в случае их отсутствия — над достоверными копиями; они направляли его к поиску множества знаков, из которых он не мог прочесть ни одного, к их организации по методу гербария. «В подобных изысканиях, — читаем мы в неизданной рукописи Шампольона, — можно продвигаться только с помощью фактов, а памятники являются единственными достоверными фактами. . .»

Подобная организация изысканий представляла тогда значительную сложность, так как доступных материалов было мало. В то время огромного интереса к Египту, вызванному экспедицией Бонапарта (стиль «Амбир» служит тому доказательством), когда большое число ученых и дилетантов увлекалось египетской письменностью, рукописей опубликовано было еще очень немного; музеи не имели папирусов. Обнаруженный незадолго до этого Розеттский камень, с иероглифическим, курсивным и греческим текстами, привлек всеобщее внимание, суля возможность дешифровки. Как и другие, Шампольон работает над ним, уделяя главное внимание демотической части надписи, которая сохранилась значительно лучше, чем иероглифическая.

Изучая в Школе восточных языков и в Коллеж де Франс (Академии) восточные языки — арабский, персидский, санскрит и китайский, особенно тщательно работая над коптским, Шампольон в возрасте 17 лет предпринял попытку на основании Розеттского камня воссоздать демотический алфавит из 25 букв, о котором сообщал Плутарх. Он представлял, что обнаружил ту же скоропись в папирусе, опубликованном Деноном, тогда как в действительности это была Книга мертвых.

Два года спустя, по возвращении в Гренобль, Шампольон исправляет свою ошибку; он ясно различает две скорописи — «вульгарный алфавит» и «священный алфавит». В 1813 г. он предугадывает связь между этими письменностями и иероглификой и в своих письмах высказывает мысли, к которым он вернется, опубликовав их через девять лет. Но в то время он дальше свой анализ не продвигает.

В последующие годы Шампольон уделяет мало времени изысканиям, которые не продвигаются далее. Он занят преподаванием и руководством школами. Шампольон сосредоточивает свои усилия на иератическом письме, интересуясь главным образом связью этого письма с иероглификой. Об этом свидетельствуют в Национальной библиотеке три больших фоллианта, которые содержат рукописи Шампольона об иератическом письме. Он вырезает в публикациях полосы, которые его интересуют, и наклеивает на отдельную страницу каждую колонку текста; он тщательно зарисовывает многочисленные факсимиле без чьей-либо помощи; он неукоснительно анализирует собранный материал; не дожидаясь появления ЭВМ, он составляет таблицы взаимосвязей между различными знаками и группами знаков, которые он еще не читает. Он составляет карточку, которая состоит из нескольких сотен листов. На каждом листе в верхней его части слева стоит иероглиф, а справа помещены различные формы, которые он принимает в иератическом письме. Ниже этот же знак представлен в группах, которые его содержат: сначала в иероглифике, затем в скорописи. Каждый пример снабжен справкой. Даже сегодня это не смогли бы сделать лучше.

Можно проследить продвижение этой долгой и упорной работы и ее результаты в памятке, названной «Об иератической письменности

древних египтян», представленной в Академию надписей в 1821 г. и всего семь таблиц которой были опубликованы с пояснениями. Сначала Шампольон анализирует все мнения, которые были высказаны по поводу скорописи, и объясняет, что он, как и его предшественники, поверил было в то, что это письмо — алфавитное. Затем он стал собирать различные знаки. Когда количество их превысило 300, он остановился. Вряд ли речь могла идти об алфавите.

Этот результат побудил его задать себе вопрос, не являются ли связи между иератикой и иероглифами, которые тоже разнообразны и многочисленны, более тесными, чем это принято полагать. В целях сравнения этих двух видов письменности, столь различных по внешнему виду, Шампольон использовал второй том «Описания Египта», вышедшего в 1812 г. и содержащего хорошее факсимиле того, что он называет Заупокойным ритуалом, а мы, следуя Лепсиусу, именуем Книгой мертвых. Эти рукописи, одни иероглифические, другие иератические, найдены в Фиванском некрополе и в целом датируются эпохой Птолемея. Таким образом, они содержат сходные версии текста, соответствие которых поможет расшифровке.

«Обнаружив, — пишет Шампольон, — что сцены (мы говорим виньетки), начерченные в верхней части страниц рукописей, называемых алфавитными, большей частью встречаются точно воспроизведенными в начале колонок иероглифического текста, мы захотели, сравнив оба вида текстов, выяснить, не существует ли между ними та аналогия, которую мы обнаруживаем между картинами, вокруг которых они расположены, и не имеют ли знаки одного текста определенных связей со знаками другого».

«То, что нам бросилось в глаза сразу же, — продолжает он, — это наличие нескольких знаков в обоих текстах, представляющих столь явные аналогии по форме, что мы не могли не отнести их к одной системе письма». (Речь идет о таких знаках, как *столб джед*, *сидение* и др.) «Знаки находятся, — констатирует Шампольон, — и в одном и в другом тексте в последовательном порядке и на одном и том же месте».

Опираясь на эти исходные положения, Шампольон сравнил знаки, которые различались в тексте, имея разные формы в иероглифическом и иератическом вариантах надписи. Очень быстро он понял, что они соответствуют друг другу «один к одному», если абстрагироваться от некоторых разночтений, которые, как он объясняет, вполне нормальны в дубликатах и которые он сам тщательно отмечает. Но, говорит он себе, если действительно имеется соответствие, мы везде, где фигурирует определенный иероглиф, всегда должны находить тот же курсивный знак в иератической рукописи. «Именно это и происходит постоянно», — после проведения сверки констатирует он. Чтобы обосновать свое утверждение, он составляет таблицу слов, групп, которые содержат тот же знак в различных сочетаниях. Таким образом он находит,

что простая дуга замещает знак «перепелка», а наклонная, заостренная черта заменяет в скорописи изображение умирающего человека и многие другие корреляции между знаками, которые внешне не имеют ничего общего.

Вот его вывод: «Письмо на папирусах является всего лишь простой модификацией иероглифической системы. . . которая появилась в связи с желанием сократить начертание знаков, ее можно назвать иероглифической скорописью».

Шампольон не остановился на этом фундаментальном открытии. Вдохновленный своим успехом, он начал группировать иератические знаки в три класса, в соответствии со степенью их сходства с иероглифическим прототипом, он исследует несколько лигатур, которые ему удалось разложить на компоненты, сравнивает различные способы расположения палочек множественного числа и связи между ними. Сравнение рукописей привело его к открытию существования знаков *амонимов*, что было ему в высшей степени полезно при расшифровке иероглифов.

Существенно было показать единство иероглифики и иератики, связать их с демотикой. Следовательно, все три системы египетского письма составляют единое целое и следуют одним и тем же правилам. Поскольку Акерблад, Юнг и Шампольон распознали на Розеттском камне демотическую транскрипцию собственных греческих имен, то иероглифическое письмо «также должно было иметь определенное количество этих знаков, обладающих способностью передавать звуки; короче говоря, существовал целый ряд *фонетических иероглифов*».

Это исходный момент «Письма к Дасье».

Продолжая изучение и дефиницию основных правил египетского письма и языка, Шампольон ведет непрерывные поиски новых документов. Глубокие знания иератики, которых он достиг при изучении поздних вариантов Книги мертвых, открыли для него широкое поле исследований, где он позднее сделает блистательные открытия. В 1824 г., приехав в Турин для изучения коллекции Дроветти, он занимается многочисленными папирусами, входящими в нее, рисует факсимиле, переписывает части текстов, особенно даты и имена правителей, и, таким образом, приобщается к скорописи времени Рамессидов. После недели интенсивной работы Шампольон случайно узнал, что большое количество фрагментов папируса было признано негодным к использованию и убрано в хранилища дворца Академии. Он настоял на разрешении ознакомиться с ними, и ему показали «стол длиной в десять футов, который был сплошь покрыт слоем обрывков папируса толщиной по крайней мере в полфута». Подобное зрелище навело его на меланхолические размышления: «В этих столь хрупких и поврежденных остатках не существующего больше мира я увидел, что в нем, как и в сегодняшнем мире, от возвышенного до смешного всего один шаг, что время сокращает с одинаковой силой и скоростью без всякого различия значение всего, как самого боль-

шого, так и самого малого, как самого важного, так и самого ничтожного, как самого грустного, так и самого веселого. . . Я философствовал утрируя».

Шампольон начал изучать обрывки фрагментов, обращаясь с ними с бесконечной осторожностью. Было бы слишком долгим делом перечислять все, что он увидел, и все, что он записал. Его внимание быстро привлекли фрагменты, имеющие виньетки, расположенные в виде колонок, за которыми следовало число лет. С той стремительной проницательностью, которая нас всегда поражает в нем, он сразу же понял неопределимое значение этих остатков «царского кодекса» — такое наименование, которым мы пользуемся до сих пор, он дал этим папирусам. Он сгруппировал 48 фрагментов текста и зарисовал их один за другим; в них он расшифровал много царских имен, до того не встречавшихся на памятниках.

Спустя четыре года, по дороге в Египет, Шампольон останавливается в Эксе, чтобы увидеть коллекцию Саввьер. За несколько часов до отъезда последний «дал ему в руки сверток папирусов». Один сверток привлек его внимание. Он «содержит, — пишет Шампольон своему брату, — восхваления и деяния Рамсеса — Сесостриса в библейском стиле, т. е. в форме оды. . . это настоящее историческое сокровище. Я извлек из них названия пятнадцати покоренных народов. . . написаны иератическим письмом и находится в прекрасном состоянии для чтения, они мне помогут узнать те же названия в иероглифических надписях на памятниках Фив и восстановить эти надписи, если они частично стерты».

Планы эти будут превзойдены. В нескольких обрывках строк, вырезанных на камнях в Карнаке, Шампольон узнал дубликат того же текста — знаменитого повествования о битве при Кадеше, повествования, которое он первым назвал «Поэмой»; это название сохранилось и по сегодняшний день.

Шампольон был гением. Это признает каждый. Но не интуиции он обязан своими открытиями. Они результат глубоких размышлений, неумолимой логики; они базируются на кропотливой и упорной работе, на терпеливом и скромном поиске источников, на огромной эрудиции, удвоенной выдающейся зрительной памятью.

Его открытие иератического письма, которое мы проследили шаг за шагом, позволяет нам увидеть этого человека живым и увлеченным методичными исследованиями, человека, который не отказывался от незаметных задач, что является необходимым условием всех великих открытий.

И. С. Кацнельсон

ФРАНСУА ШАМПОЛЬОН И РОССИЯ

«Сударь, возможно, Вы поразитесь, получив письмо из столь далекой страны, как Россия, и к тому же от человека, к сожалению для него, не имеющего чести быть лично знакомым с Вами, но который, по счастью, располагает в своей небольшой библиотеке первыми плодами Вашей проницательности. Письмо Ваше к г-ну Дасье может служить доказательством объема Ваших знаний и огромного количества терпения, которое Вы приложили, чтобы в конце концов завершить, несмотря на все трудности, очерк о письме древних египтян, как об этом сообщалось в одном из последних номеров „Монитера“. . .» И далее в заключение: «Разрешите. . . просить Вас, сударь, принять изъяснения моей признательности за любезность, с которой Вы соблаговолили ответить на мою статью, которую я имел удовольствие сообщить относительно Вас г-ну Сен-Флорану, придворному книгопродавцу в С.-Петербурге, в письме, где просил его приобретать для меня все труды, выпускаемые Вами относительно Египта и его иероглифов. Я с нетерпением ожидаю Ваш ультиматум, объявленный „Монитором“¹. Слава нации и особенно тому, кто прославляет ее выводами, столь непредвиденными, подобными тем, что увенчали Ваш огромный труд»².

Так писал А. Н. Оленин Ф. Шампольону в сохранившемся до наших дней черновике письма. Его должен был передать адресату известный в свое время синолог барон Шиллинг фон Капштадт³. По времени это письмо — самое раннее из всей донныне опубликованной переписки между Ф. Шампольоном и его русскими корреспондентами. Несмотря на то что эта переписка издана, по-видимому, далеко не полностью, как об этом можно судить по вышедшим отдельным письмам⁴, из нее достаточно наглядно и убедительно видно, сколь велик оказался интерес в России ко всему, что было связано со страной пирамид вообще и с дешифровкой египетской письменности в частности. Интерес этот был длительным, прочным и достаточно широким, чему имеется ряд очевидных свидетельств. Далеко не все могут быть приведены в настоящем кратком сообщении.

Еще за десять лет до открытия Розеттского камня в Петербурге вышли две небольшие книги И. И. Коха, выходя из Германии, директора учительской семинарии⁵. В первой из них автор пытается доказать, что еврейские и еврейсасамаритянские монеты, опубликованные профессором Клеммом из Тюбингена, имеют надписи, которые следует читать по-египетски; во второй предлагается читать высеченный на изображенных в атласе Кайлюса сфинксах иероглифический текст с помощью арабского языка⁶. Впрочем, И. И. Кох все же высказал рациональную мысль, что иероглифы передавали звуки, а не символы.

Экспедиция Наполеона в Египет и находка Розеттского декрета активизировали в России, как и в Европе, интерес к великой древней цивилизации долины Нила, ее памятникам и письму, что особенно наглядно проявилось в архитектуре и особенно в произведениях прикладного искусства⁷.

В те годы все чаще появляются книги, журнальные статьи и заметки о египетских древностях и иероглифической письменности, в том числе и переводные издания, например «Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, собранное из новейших и наилучших известий разных путешествий» (1795)⁸. «Вестник Европы» писал, что англичанин Гаммер нашел в Египте арабский манускрипт, который служит ключом для всех иероглифов, изображенных на пирамидах⁹. Особенно привлекало внимание искусство древних египтян¹⁰. В 1819 г. профессор Московского университета М. Т. Каченовский, читавший курс по теории изящных искусств и археологии, выступил на торжественном собрании университета с речью об «Обзрении художеств у древних народов», в которой значительное место уделено и Египту. Эта речь потом была напечатана¹¹. За год же до этого воспитанник М. Т. Каченовского П. В. Уланов был удостоен степени магистра словесных наук за представленную им работу о древнеегипетском искусстве¹².

Приобретаются египетские древности, как отдельные экземпляры, так и целые собрания. Известны небольшая коллекция Григория Руадзе, который вместе с князем Авиловым посетил Египет и вывез оттуда несколько мумий¹³, а также коллекция К. О. Кастильоне, включавшая около 900 памятников¹⁴. Последняя легла впоследствии в основу собрания египетских древностей Государственного Эрмитажа. В 1827 г. для Отдела рукописей Публичной библиотеки покупают папирусы из числа приобретенных в Египте Б. Дроветти¹⁵.

Образованным людям того времени, внимательно следившим за последними достижениями науки, имя Ф. Шампольона и его труды были известны еще до появления «Письма к господину Дасье», и исследования его вызвали живой интерес. Естественно, о спорах и беседах, которые тогда велись с глазу на глаз или в ограниченном кругу лиц, сведений не сохранилось. Приходится довольствоваться лишь случайными, обрывочными упоминаниями или

замечаниями. Но и они достаточно красноречивы и характерны. Так, К. С. Сербинович в своих воспоминаниях рассказывает, что в гостинице у Н. М. Карамзина 16 февраля 1822 г. «граф Сергей Петрович Румянцев сообщал любопытные сведения о нашем или, лучше сказать, греческом писателе Гульянове, правильное Гульяносе, который препирается с Шампольоном о египетских иероглифах. Отсюда перешли к рассуждению о всеобщей грамматике и о происхождении языков»¹⁶.

В списке книг, которые князь Ф. П. Шаховской хотел взять у графа Сухтелена, значится и «L'alphabet hiéroglyphique égyptien»¹⁷. Древним Египтом интересовались многие передовые люди того времени — Корнилович, Л. И. Борисов, П. Ф. Выговский и др.¹⁸.

«Письмо к господину Дасье» вышло 5 ноября 1822 г.¹⁹. И, как видно из приведенного выше черновика письма А. Н. Оленина, оно тотчас же попало в его библиотеку. А. Н. Оленин, директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств, человек всесторонне образованный, хорошо знавший и даже близкий наиболее выдающимся писателям своего времени, глубоко интересовался письменностью и культурой древних египтян, что дало ему основание еще в 1821 г. писать графу М. А. Милорадовичу, записавшему о подлинности мумий из собрания Руадзе: «Касательно меня я в чужих краях довольно число видел мумий и по этой части читал все, что писано было»²⁰.

Из переписки Ф. Шампольона с А. Н. Олениным и книгопродавцом Сен-Флораном видно, с каким нетерпением ожидал А. Н. Оленин выхода в свет «Очерка иероглифической системы», который автор послал ему в дар из числа первых отпечатанных экземпляров²¹. Книга привела А. Н. Оленина в восторг, и уже буквально через несколько дней (15/17 мая 1824 г., а «Очерк» вышел в свет, как известно, в апреле) после получения книги он обратился к Ф. Шампольону с длинным письмом, которое начиналось египетскими иероглифами: «Оленин оказывает тебе царские почести, Шампольон». Затем он продолжает уже по-французски: «С восхищением и восторгом ознакомился я с результатами, поистине замечательными, ваших долгих и трудных работ. Я только что закончил чтение «Précis du Systhème Hiéroglyphique des Anciens Egyptiens», и я не могу опомниться от изумления. Это не plus ultra мудрости и умения истолковывать, которые бог смог дать человеку. Вследствие этого я полагаю, что иероглифическое посвящение этого письма не является преувеличением»²². Далее, извиняясь за неаккуратность в переписке, А. Н. Оленин жалуется, что официальные обязанности оставляют ему мало времени для корреспонденции «даже о предметах, дорогих моему сердцу», подражая под последними занятиями египтологией. Вместе с письмом Ф. Шампольону были отправлены кальки и слепки отдельных египетских памятников, находившихся в Петербургских собраниях, правда не только подлинных, но и поддельных²³.

А. Н. Оленин пристально и нетерпеливо следил за всеми новыми трудами Ф. Шампольона, посылая о них запросы даже противникам его, как это следует, например, из письма И. А. Гульянова (от 9 сентября 1823 г.): «Милостивый государь Алексей Николаевич, старательность, приложенная Вашим Высокопревосходительством для приобретения письма (т. е. письма к г-ну Дасье. — И. К.) младшего Шамполиона о звучных иероглифах, побуждает меня думать, что дальнейшие сведения по существу сей книжки должны быть предметом Ваших ожиданий. Желая изъяснить Вашему Высокопревосходительству готовность мою ускорить свершения оных, я снабжаю сим письмом г-на Гуммельхауера, назначенного вторым секретарем Австрийского посольства при дворе нашем, и который, будучи в коротком знакомстве с г-ном Шамполионом, возможет удовлетворить запросам Вашим по поводу занятий сего сочинителя и войти даже в подробность предметов, им объемлемых»²⁴.

А. Н. Оленин и сам пытался заниматься исследованиями египетской письменности. Он хотел отождествить с иероглифами надпись, высеченную на камне, обнаруженном на Кубани. С запросами по поводу нее он обращался и к Ф. Шампольону и Томасу Юнгу²⁵. В мае 1837 г. он пишет на французском языке мемуар, посвященный царским картушам: «Lettre à Mr Köhler (du 14 Mai 1837) sur les formes et différentes positions des cartouches Royaux dans lesquelles les anciens Egyptiens plaçaient les noms, prénoms et les titres de leurs souverains»²⁶.

В Петербурге не только один А. Н. Оленин ждал выхода «Очерка иероглифической системы». М. М. Сперанский и декабрист Г. С. Батеньков²⁷, как указывает в своих воспоминаниях Н. И. Греч, занимались «изъяснением египетских иероглифов»²⁸, что впоследствии подтвердил на допросах и сам Г. С. Батеньков²⁹. Результаты трудов последнего остались не бесплодными. Летом 1824 г. в типографии Н. И. Греча была отпечатана брошюра «О египетских письменах», подписанная на последней странице инициалом «Б». Книга была разрешена к печати 8 июля. Одновременно текст ее в виде отдельных статей помещался в журнале «Сын отечества», в номерах, вышедших в свет между 12 июля и 30 августа.

Г. С. Батеньков предельно кратко, но очень четко изложил «существо открытия» Ф. Шампольона. Он сократил текст Ф. Шампольона в 400 страниц до 95 страниц в своей книжке значительно меньшего формата. Так как, по его мнению, буквальный перевод самого «Очерка» «не для всех читателей был бы удобен», то он предлагал широкой публике «извлечение с приличным пояснением по следующим предметам: 1) о состоянии наших познаний относительно египетских иероглифов прежде Шампольона; 2) краткое начертание системы Шампольона; 3) постепенное ее развитие, т. е. путь, которым открытие сделано и по которому надлежит следовать в дальнейших изысканиях; ближайшее приложение новой системы и существо доказательств; 4) следствие, истекающее

щее из сего открытия в других познаниях; 5) особенно краткие примечания на сие творение»³⁰.

Он разъяснил многие положения и добавил от себя общую оценку труда, отметив его достоинства: «Слог, язык Шампольона ясен и определен: редко встречаются книги, занимающиеся столь ученым предметом, как можно было бы читать с такою удобностью и таким удовольствием. . . точность. В первых главах наблюдается она на всем пространстве. Каждое заключение выведено из подробного и тщательного рассмотрения и сличения служащих к тому оснований, доказанные истины явственно отделены от предположений и догадок; нет и малейших признаков мечтательности; читая сие главы, можно подумать, что читаешь математическое творение»³¹.

Но вместе с тем Г. С. Батеньков подмечает отдельные неясности и спорные положения труда Ф. Шампольона, вполне объяснимые на этих, еще самых ранних этапах становления египтологии как науки. В частности, ему представляются менее убедительными две последние главы: «Не все содержащиеся в них заключения могут быть непосредственно выведенными из доказанных прежде истин, не все объяснены примерами или подкреплены ссылками на памятники, но тем не менее все заключения, очевидно, стоят в связи общей системы. . . однако долг справедливости требует заметить, что хотя настоящие открытия о свойствах египетских письмен весьма уже важны, но критика материалов еще не кончена, и извлечение системы предварило оную в некоторой мере. Впрочем, история наук представляет многочисленные тому примеры»³².

Книга Г. С. Батенькова была дополнена специально изготовленной для нее литографированной таблицей, иллюстрировавшей текст наглядными примерами.

Свидетельством широкого интереса к великому открытию Ф. Шампольона служат также статьи и заметки в журналах того времени. Так, например, в «Сыне отечества» было сказано: «В 1822 г. сделаны были важные открытия в Египте и о Египте. Самое драгоценное и обильное своими последствиями есть открытие г. Шамполиона Младшего касательно египетских иероглифов. Сочинитель изложил свою о том теорию в записках, читанных в академии, надписей, а потом в „Письме к г-ну Дасье“. После краткого изложения содержания последнего в заключение сказано: «С первого уже взгляда видна вся важность сего открытия, которое должно наполнить многие страницы в истории, остававшиеся в пусте»³³.

В журнале «Вестник Европы» М. Т. Каченовский изложил содержание «Очерка иероглифической системы» и признался, «что новые сравнения от часу более подтверждают справедливость его системы»³⁴.

Как раз в эти годы обостряется полемика между Ф. Шампольоном и его противниками. Одним из наиболее ожесточенных среди

последних был И. А. Гульянов, выпустивший в 1826 г. под псевдонимом Th. Ausonioli «Opusculs archéographiques». Здесь неуместно входить в существо этой полемики, изобиловавшей несправедливыми, вздорными и грубыми нападками на Ф. Шампольона. В «Московском телеграфе» появляется тогда (1826, т. VIII, с. 44—52) присланная из Парижа анонимная, направленная против Ф. Шампольона рецензия с небольшим послесловием. В этой рецензии в скрытой форме признаются заслуги Ф. Шампольона, который назван «столь знаменитым соперником» И. А. Гульянова. В 1827 г. в том же журнале появился ответ самого Ф. Шампольона, переведенный из «Bulletin Universelle» за 1826 г. (vol. V, № 229). Указав на то, что прежде «Московский телеграф» уделит место его критикам, издатель Н. Полевой заявляет: «Мы почитаем обязанностью поместить также и противное мнение. . . полагаем, что статья писана самим Шампольоном. Его изъяснение иероглифов теперь более и более занимает ученый свет. Мы давно хотели напечатать в Телеграфе краткое известие о сущности дела, но, беспрепятственно получая известия о новых спорах и новых открытиях, решили дожидаться дальнейших и более положительных выводов»³⁵.

Выводы эти и содержала приводимая статья Ф. Шампольона.

Через четыре года издатель «Московского телеграфа» Н. Полевой счел необходимым вернуться к этой же теме и в двух номерах за 1831 г. (ч. 37, № 2 и 3) уделит место обширному, переведенному с французского обзору под названием «О чтении египетских иероглифов», снабдив его следующим примечанием: «Доселе не было еще в Телеграфе полного известия о чтении иероглифов. Ныне, встретив в одном французском журнале ясное и довольно подробное изложение сего важного предмета, изображающее притом и настоящее состояние успехов Шамполионова открытия, спешим представить его нашим читателям. Не осмеливаясь быть судьями в деле столь важном и требующем больших приготовительных сведений, мы думаем, однако ж, что нельзя не согласиться с мнением сочинителя сией статьи»³⁶.

Ф. Шампольон, завершив работу над «Очерком иероглифической системы», весной 1825 г. отправился в Италию, наиболее богатую тогда египетскими памятниками. В марте, по пути в Турин, а затем в конце апреля он попал в Рим. Без всякого преувеличения можно утверждать, что проблема дешифровки египетского письма тогда была одним из наиболее животрепещущих научных вопросов, она обсуждалась не только в аудиториях академии и университетов или в тиши кабинетов ученых, но и во многих великосветских гостиницах и дипломатических салонах.

Приезд в Рим Шампольона, чье имя гремело тогда на всю Европу, не оставил безучастным и некоторых русских дипломатов. Посол при Ватикане граф А. Я. Италинский и советник посольства князь Г. И. Гагарин живо интересовались искусством, древними памятниками и восточными рукописями. А. Я. Италинский

в русском посольстве дал возможность выступить противникам Ф. Шампольона — немцу Зейфарту и итальянцу аббату Ванци. Он предложил им повторить свои доводы в присутствии уже самого Ф. Шампольона, от чего они оба под благовидными предложениями отказались. Собрание состоялось без их участия. Присутствовали все дипломаты, интересовавшиеся археологией³⁷.

Г. И. Гагарин, будучи человеком весьма образованным, ценя науку и зная о тяжелом материальном положении Ф. Шампольона, решил помочь ему и предложил ученому за каждую лекцию, которую тот собирался прочитать в португальском посольстве, гонорар 1000 франков. Дабы не оскорбить Ф. Шампольона, предложение это было передано ему конфиденциально. Но последний, охраняя свое достоинство ученого, категорически отказался от денег. «Или меня скверно поняли, или обо мне слишком скверно судят, — писал он брату, — предлагая мне плату, точно речь идет о каком-то представлении. . . Французский ученый, всегда стремящийся распространить немного знаний. . . никогда не помышляет о том, чтобы торговать ими. . . Я хочу думать, что во всем этом, конечно, какое-то недоразумение. . .»³⁸.

Очень близко в Риме Ф. Шампольон сошелся с секретарем посольства графом С. О. Коссаковским, человеком одаренным и всесторонне образованным, с очень широким кругом интересов, увлекала его и египтология. Прослушав несколько лекций Ф. Шампольона, С. О. Коссаковский в записке, предназначенной для графа А. Я. Италинского, изложил основные принципы дешифровки иероглифов. Ныне записка эта опубликована³⁹. Недаром Ф. Шампольон упоминал о нем как об «апостоле его системы в Риме»⁴⁰ и тотчас же по приезде во Флоренцию отправил ему дружеское письмо, заверяя, что переписка эта стала для него «подлинной потребностью» (*un véritable besoin pour moi*)⁴¹.

Всеобщее признание в России открытия Ф. Шампольона было официально признано избранием его 20 декабря 1826 г. старостилля в почетные члены Российской Академии наук. Сколь высоко были оценены его заслуги, доказывается тем, что одновременно с ним были избраны известный арктический мореплаватель капитан Пярри, химик Хэмфри Дэви, астроном Хершель, автор «Истории Рима» Нибур, Вольфганг Гете и др. У себя же на родине Ф. Шампольон стал членом Академии надписей лишь три года спустя. Сам Ф. Шампольон был хорошо осведомлен об интересе, проявляемом в Петербурге к древнему Египту, и о признании, которым пользуются его работы. Он прямо пишет об этом в предисловии ко второму изданию «Очерка иероглифической системы древних египтян»⁴².

На весть о преждевременной кончине Ф. Шампольона «Телескоп» откликнулся большой статьей, где ученый был назван «великим тружеником». Подробно описывались его заслуги и почести, оказанные ему при погребении, причем признавался бесспорным приоритет сделанного им открытия, который, как известно, неко-

торыми оспаривался: «Для беспристрастных судей известно, что Юнг только коснулся слегка задачи, коей решение принадлежит Шампольону. Важность открытий, сделанных обоими учеными, должна измеряться только результатами, а их имело место одно открытие Шампольона»⁴³.

В России нападки на Ф. Шампольона со стороны его противников или попытки приписать всю заслугу дешифровки Томасу Юнгу, как правило, сочувствия и поддержки не вызывали. Вот что писал, например, И. А. Гулянов в самом конце 1832 г. Ю. Клапроту в Париже: «Я намеревался дать отчет о Вашем „Рассмотрении“ в московских журналах. Это была моя первая мысль; но если, как Вы говорите, „акции г-на Шампольона значительно пали во Франции и никто не верит тому, что он читает иероглифы“, то в России обстоит все по-иному. Его вес доньше таков, что моя подпись под статьей или, что то же самое, статья, вышедшая из-под моего пера, не произведет никакого впечатления на наших ученых. Убеденный в таковом положении вещей, я избег до сего дня возможности переслать редактору „Телескопа“ присланный мне Вами в дар экземпляр»⁴⁴.

В 1833 г., через год после смерти ученого, О. И. Сенковский издал под псевдонимом Барон Брамбеус «Фантастическое путешествие». В этом произведении подверглись глумлению и осмеянию крупнейшие научные открытия, в их числе и дешифровка иероглифов Ф. Шампольоном. Этот цасквиль вызвал негодование всех, кому дороги были научные познания и прогресс. Первым выступил редактор «Телескопа» Н. И. Надеждин.

В статье «Барон Брамбеус и здравый смысл» он писал: «Его путешествие на Медвежий остров есть не что иное, как беспрерывное ругательство над геологическими открытиями Кювье, над иероглифической системой Шампольона, над сравнительной анатомией. . . Кювье и Шампольон! Мужики великие, достойные алтарей во храме науки!»⁴⁵. Затем последовала отповедь В. Г. Белинского в «Молве»⁴⁶, где он ядовито высмеивал Сенковского за то, что он «своею фантастическою книгою насмерть пришибнул Шампольона и Кювье — двух величайших шарлатанов и надувателей, которых невежественная Европа имела глупость почитать доселе великими учеными»⁴⁷. В. Г. Белинский и впоследствии возвращался к этому вопросу: «Надо сказать, что Поль де Кок, как плебей, не столь заносчив, как барон; он не пускается в ученость и не острит над Шампольонами и Кювье, помня пословицу: „Всяк сверчок знай свой шесток“»⁴⁸.

В «Современнике» появилась статья князя В. Ф. Одоевского: «Названия наук, неизвестных нашим сатирикам, служат для них обильным источником для шуток, словно для школьников, досаждающих на ученость своего школьного учителя; лучшие умы нашего и предшествующего времени: Шампольон, Шеллинг, Гегель, Гоммер. . . снискавшие признательность всего просвещенного мира, обращены в предметы лакейских насмешек, „лакейских“

говорим, ибо цинизм их таков, что может быть порожден лишь грубым, неблагодарным невежеством»⁴⁹.

Наконец, чтобы ограничиться этими примерами, лет двадцать спустя, подводя итог литературной деятельности О. И. Сенковского, Н. Г. Чернышевский упрекал его и за необоснованные нападки на Шампольона, называя их «лиллипутскими забавами», которые «морочат публику»⁵⁰.

И в последующие десятилетия имя Ф. Шампольона в России всегда окружалось ореолом глубокого уважения, а его вклад в сокровищницу мировой науки признавался бесспорным.

¹ Речь идет, по-видимому, о статье, появившейся 5 августа 1823 г. в газете «Монитор», в которой Ф. Шампольон утверждал, что по крайней мере в иероглифических надписях две трети знаков следует читать фонетически при помощи повсеместно сохраняющего свое значение букв установленного им алфавита.

² Отдел рукописей ГПБ, ф. 542, № 150. Черновик письма А. Н. Оленина Ф. Шампольону от 17/29 августа 1823 г.

³ Барон П. Л. Шиллинг фон Капштадт (1786—1837) занимался монгольским и китайским языками, его научные заслуги были признаны многими выдающимися востоковедами того времени, с которыми он находился в переписке и которые пригласили его в 1823 г. посетить Францию, Англию и Италию. Член Азиатского общества с 1822 г., корреспондент Британского общества азиатской литературы с 1823 г. и Петербургской Академии наук с 1837 г. (см.: А. В. Яроцкий. Деятельность П. Л. Шиллинга как востоковеда. — Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 6. М., 1963, с. 218—253).

⁴ А. В. Мачинский. Переписка Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Олениным. — «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934, № 4, с. 72—89. Письма Ф. Шампольона к А. Н. Оленину от 18 декабря 1823 г. и 27 апреля 1824 г. Его же письма к Сен-Флорану от 3 октября 1823 г. и 8 февраля 1824 г.; письмо (черновик) А. Н. Оленина к Ф. Шампольону 15/17 мая 1824 г.; И. С. Кацнельсон. Незданное письмо Ф. Шампольона. — ВДИ. 1947, № 2, с. 179—182. Письмо к Сен-Флорану от 13 сентября 1823 г.; он же. Материалы по истории египтологии в России, II. — Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2. М., 1956, с. 224—231. Письмо к графу С. Коссаковскому от 25 июня 1825 г. (повторено И. Г. Лившицем в «Палестинском сборнике». М.—Л., 1956, вып. 2, с. 115—121, и в «Sahiers d'Histoire Mondiale», année 6, 1960, № 3, с. 605—627).

⁵ И. И. Кох. Опыт исследования иероглифов и надписей, находящихся на некоторых древних монетах. СПб., 1788; он же. Опыт изъяснения сфингов. СПб., 1789.

⁶ *Compte de Caylus. Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques, romaines et gauloises.* Т. 1. Р., 1752, рис. XIII, XIV.

⁷ И. С. Кацнельсон. Встреча России с Египтом (первая треть XIX в.). — Тутанхамон и его время. М., 1976, с. 189—209.

⁸ Интерес этот проявился еще со второй половины XVIII в. В «Собрании лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия», ч. III, июль, сентябрь 1762 г. (№ 1, с. 1—45), издававшимся в Москве, публикуется перевод «Рассуждения графа Кайла (т. е. Caylus) о бальзамировании египтян», а в «Лекарстве от скуки и забот» за 1786 г. (№ 22, середина, ноябрь 22 дня) статья А. Б. Д. «О Египте, пирамидах, памятниках и редкостях оного и великого Каира». В ней говорится о «священно-таинственном языке, основанном на разных знаках, изображавших некий гадательный смысл или по просторечию загадки» (с. 237).

⁹ «Вестник Европы». 1802, ч. 1, № 3, с. 90.

¹⁰ О древних египтянах и об искусствах у сего народа. — «Вестник Европы». 1813, ч. 1, № 19, с. 183—197.

¹¹ «Вестник Европы». 1819, ч. 105, № 12, с. 249—274.

¹² П. В. Уланов. Рассуждение об отличительных свойствах памятников египетских и о том, почему знаменитейшие из новейших художников не берут их себе за образец, сочиненное Павлом Улановым для получения степени магистра при императорском Московском университете. М., 1818. См. также: И. С. Кацнельсон. Из истории египтологии в России. Первая русская диссертация по древнеегипетскому искусству. — ПС. М.—Л., 1959, вып. 4 (67), с. 182—185.

¹³ Н. Хитрово. Описание мумии, найденной в 1820 г. близ Мемфиса князем Г. И. Авиловым и ныне находящейся в Москве. М., 1826.

¹⁴ О прибытии этого собрания см. заметку О. И. Сенковского в «Северной пчеле» от 20 января 1825 г.

¹⁵ О В. Дроветти см.: G. Magg. Il corpo epistolare di B. Drovetti ordinato e illustrato. Vol. 1. Roma, 1940; G. Magg. B. Drovetti archeologo. — «Aegyptus». 1952, vol. XXXII, № 1, с. 121—130; E. Bressia, I. Rosellini e B. Drovetti, ibid, с. 139—142.

¹⁶ К. С. Сербинovich. Воспоминания. — «Русская старина». 1874, т. XI, с. 60.

¹⁷ Б. Л. Модзалевский. Декабрист Шаховской (Его записная книжка). — Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 400.

¹⁸ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1952, с. 153—155.

¹⁹ Н. Hartleben. Champollion, Sein Leben und Werk. Bd 1. В., 1906, с. 442.

²⁰ Отдел рукописей ГПБ, ф. 542. Черновик письма А. Н. Оленина графу М. А. Милорадовичу от 20.XI.1821 г.

²¹ Письмо Ф. Шампольона А. Н. Оленину от 13 апреля 1824 г. см.: А. В. Мачинский. Переписка... с. 86.

²² Там же, с. 86—89.

²³ Там же, с. 88, примеч. 1.

²⁴ Отдел рукописей ГПБ, ф. 542, ед. хр. 1036.

²⁵ См. неопубликованное письмо Т. Юнга к А. Н. Оленину от 30 декабря 1823 г. Отдел рукописей ГПБ, ф. 542.

²⁶ Опись бумаг и сочинений А. Н. Оленина, переданных в распоряжение Археологического общества. — Археологические труды А. Н. Оленина. Т. 1. СПб., 1881, с. XIII, № 51.

²⁷ И. С. Кацнельсон. Материалы по истории египтологии в России. Декабрист Г. С. Батеньков, автор первой русской книги о дешифровке иероглифов. — Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2. М., 1956, с. 207—224; А. Г. Яцевич. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 310—312.

²⁸ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Л., 1930, с. 504.

²⁹ Граф М. М. Сперанский и граф А. А. Аракчеев (по воспоминаниям Г. С. Батенькова, написанным 31 марта 1826 г.). — «Русская старина». 1897, № 10, с. 88. Подлинник показаний Г. С. Батенькова хранится в ЦГА, ф. 48, д. 11, л. 43.

³⁰ Г. С. Батеньков. О египетских письменах. СПб., 1824, с. 102.

³¹ Там же, с. 105—106.

³² Там же, с. 106—107.

³³ Взгляд на открытия и замечательнейшие произведения по части наук, искусств и словесности в 1822 г. во Франции. — «Сын отечества», 9.II.1824, с. 260, 264—265.

³⁴ М. Т. Каченовский. О иероглифах египетских и о новейших открытиях по сей части древностей. — «Вестник Европы». 1825, № 4, с. 292.

³⁵ «Московский телеграф». 1827, ч. 13, с. 298.

³⁶ «Московский телеграф». 1831, ч. 37, № 2, с. 167.

³⁷ Н. Hartleben. Champollion... Bd II, с. 43.

³⁸ Lettres de Champollion le jeune recueillies et annotées par H. Hartleben. T. I. P., 1905, c. 218.

³⁹ И. Г. Лившиц. Из истории русской египтологии. — ПС. М.—Л., 1956, вып. 3 (66), с. 151—170; I. G. Livchitz. Nouveaux documents sur l'histoire de l'Égyptologie. — «Cahiers d'Histoire Mondiale», année 6, 1960, № 3, с. 605—627.

⁴⁰ H. Hartleben. Champollion... Bd II, с. 39.

⁴¹ И. С. Кацнельсон. Материалы по истории египтологии в России, с. 229.

⁴² Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens... par M. Champollion le jeune. 2 éd. P., 1828, с. X, XIV.

⁴³ Воспоминания о Шампольоне Младшем. — «Телескоп». 1832, ч. 7, № 4, с. 608.

⁴⁴ Отдел рукописей Государственного Исторического музея, ф. 390, ед. хр. 34, л. 91. Черновик от 3 января 1833 г. Письмо приведено в переводе автора статьи и впервые.

⁴⁵ Н. И. Надеждин. Барон Брамбеус и здравый смысл. — «Телескоп». 1834, т. 21.

⁴⁶ «Телескоп». 1834, ч. 21, с. 253.

⁴⁷ «Литературные мечтания», цит. по: В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1900, с. 311.

⁴⁸ Там же, т. 12, Пг., 1928, с. 228.

⁴⁹ Цит. по: Сочинения князя В. Ф. Одоевского. Ч. III. СПб., 1844, с. 365, 370—371.

⁵⁰ Цит. по: Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. СПб., 1892, с. 61—62, 71.

A. I. Elanskaya

LA CONSTRUCTION DITE «CONSTRUCTION ADVERBIALE» ET LE RÔLE DE *ṣṭṛ*/*mṛ* EN COPTE¹

§ 1. Dans le paradigme général, les formes de la conjugaison copte se distinguent par une étonnante uniformité, découvrant la structure P+S+V, dans laquelle P est l'élément présujetif (on dit d'habitude «préformatif») de caractère prépronominal ou présubstantival (P₁/P₂), S — sujet, pronom ou substantif (S₁/S₂), et V — le verbe connotatif, exprimé par l'infinitif (V_i) ou par le qualitatif (V_q).

§ 2. Cette uniformité est, cependant, purement extérieure et, dans une certaine mesure, elle n'est pas seulement fortuite mais aussi artificielle, car au delà des limites du paradigme bien construit les grammairiens doivent se lancer dans des explications complémentaires qui détruisent toute cette harmonie. Ainsi, de ces explications, il ressort que toutes les formes qui admettent V sous l'aspect V_i et V_q, et notamment: praesens I et II, circumstantialis praesentis et imperfectum (par la suite — Pr. I, Pr. II, Circ. pr., Imp.), peuvent remplacer V par un adverbe ou la combinaison d'une préposition avec un substantif (nous l'appellerons Adv.). De plus, l'histoire de la langue enseigne que V lui aussi dans ce groupe de temps n'a pris que fortuitement, dans une variante de V_i, le même aspect que V (toujours V_i) des autres formes temporelles, apparaissant en fait comme une expression prépositionnelle de type adverbial, exprimé par la préposition *hr* (ou *m*) avec l'infinitif. En ce qui concerne sa variante V_q, le qualitatif est déjà en soi un adverbe verbal. Ainsi, V dans ces formes est faux, *falsum*, V_{fals}.

§ 3. Dans les formes Pr. II, Circ. pr., Imp. le noyau subjectif et prédicatif de la proposition est P+S. On considère que P est ici les formes conjuguées des verbes *ḵw*, *wnn*, *ḵrj*². Cependant, dans Pr. I, P ou bien n'est pas verbal si l'on prend pour P l'élément *t* qui est présent à la 1ère et 2ème personnes du pluriel et à la 1ère personne (genre commun) et à la 2ème personne du féminin singulier, ou bien est tout à fait absent si l'on ignore ce *t*. Et ceci est possible étant donné que dans S₂, P=O; quant à l'élément *t*, la grammaire historique

l'explique comme un formant d'une variante particulière de pronoms destinés à remplir exclusivement le rôle de sujet dans les propositions avec V_{fals} et avec des expressions prépositionnelles et adverbiales.

§ 4. Mais si dans Pr. I P est zéro, une question se pose: dans cette construction, que faut-il prendre pour le prédicat? A ceci on donnera une réponse précise: V_{fals} et Adv. Dans ce cas, Pr. I ne doit être considéré autrement que comme une construction avec un prédicat adverbial. La même construction, en fait, se trouve dans la forme du futurum I (par la suite — Fut. I): $P=O$ et $V-V_{\text{fals}}$. Cependant, V est ici une combinaison complexe: le qualificatif du verbe «aller» ($\text{na} < n'ju$), qui régit l'infinitif suivant au moyen de la préposition r , «allant pour faire telle chose» (c.-à-d. «se proposant de», «se préparant à» — pour l'expression du futur à travers la notion d'action imminente). C'est pourquoi V_{fals} ne peut être ici remplacé par Adv., mais il est aussi adverbial (qualificatif), et si nous considérons V_{fals} comme le prédicat, il est prédicat adverbial. Au contraire, dans les autres formes du futur — futurum II, circumstantialis futuri, imperfectum futuri, correspondants à Pr. II, Circ. pr. et Imp., il faut le comprendre comme une circonstance.

§ 5. Les constructions de Pr. I et Fut. I possédant un P zéro, étant donné que le sujet y est parfaitement dépouillé, ont encore une particularité: avec S_2 , $P=O$ uniquement dans le cas où S_2 est déterminé (avec précision) (S_2 dét.); avec S_2 indet. (détermination imprécise ou zéro), apparaît un élément præsujetif obligatoire: $\text{or}\bar{n}$ dans un sens positif et $\text{m}\bar{n}$ dans un sens négatif.

§ 6. $\text{m}\bar{n}$ remonte certainement à $nn\ wn$ et n'est rien de plus qu'une négation de wn , et ce wn est considéré comme le verbe wnn «être» dans la forme $sdm.f$. Ainsi, la construction avec un prédicat adverbial dans le cas particulier avec S_2 indet. est prise pour une forme verbale.

§ 7. Cependant, faire remonter $\text{or}\bar{n}/\text{m}\bar{n}$ à la forme $sdm.f$. crée toute une série de difficultés. Avant tout, l'absence des constructions $\text{or}\bar{n}/\text{m}\bar{n}$ + un nom déterminé ou un suffixe pronominal est une discrimination incompréhensible pour la forme $sdm.f$. L'explication selon laquelle ceci «results from the definiteness of the latter»³ (c.-à-d. les suffixes pronominaux) oblige de supposer dans la forme $sdm.f$ du verbe wnn une propriété particulière — l'intolérance des sujets déterminés au nombre desquels il faut rapporter aussi les suffixes pronominaux; cependant, la forme $sdm.f$ ne possède pas cette propriété. Ensuite, dans ce cas on ne peut expliquer la construction d'appartenance $\text{or}\bar{n}te$ -, $\text{or}\bar{n}ta$ - / $\text{m}\bar{n}te$ -, $\text{m}\bar{n}ta$ -, dans laquelle cette forme $sdm.f$ en général sans sujet doit alors se combiner avec la préposition $\bar{n}te$ -, $\bar{n}ta$ -. En outre, la forme négative $sdm.f$, et précisément $nn\ sdm.f$, a un sens futur⁴, tandis que $\text{m}\bar{n}$ ne l'a pas. Enfin, la construction adverbiale qui se transforme continuellement en construction verbale est très suspecte.

§ 8. Nous trouverons la clef de cette énigme en réfléchissant à la détermination de S_2 dans Pr. I et Fut. I. En effet, pourquoi

dans cette construction seul un sujet précisément déterminé peut être employé? Quel est le rôle de l'article défini? La réponse doit être suggérée justement par les cas où l'article défini manque. Par quoi est-il alors remplacé? Par le mot $\text{or}\bar{n}$, c'est-à-dire S_2 det. || $\text{or}\bar{n} + S_2$ indet.

Mais le mot $\text{or}\bar{n}$, quelle que soit l'explication que l'on donne de son origine, signifie la présence — «il y a». Par conséquent, S_2 det. aussi doit exprimer l'existence, la présence de l'objet donné et pour cela il est suffisant que S_2 ait un article défini, alors que pour affirmer l'existence de S_2 indet., il faut utiliser le mot «il y a».

Dans ce cas, si, de même que $\text{or}\bar{n} + S_2$ indet., S_2 det. signifie «il y a (est présent, assiste, se trouve) quelque chose», il n'est plus simplement un sujet lié à un prédicat quelconque, mais quelque chose existant en soi, une déclaration parfaitement indépendante douée d'une prédictivité interne.

§ 9. Ainsi, dans ce cas, le substantif avec un article défini assume une double fonction: premièrement, il nomme l'objet dont il s'agit; deuxièmement, au moyen de cette nomination, il informe de sa présence, autrement dit, il lui donne la prédication. Ainsi, nous avons ici le membre principal unique, sujet-prédicat. En d'autres termes, la simple nomination de l'objet témoigne de sa présence dans un certain contexte. Et s'il en est ainsi, V_{fals} et Adv. ne peuvent être autre chose que la description de ce contexte, une circonstance ordinaire. Dans Pr. I et Fut. I, nous avons à faire à une prédication purement nominative qui exprime la constatation de la présence (dans les propositions négatives, parallèlement, l'absence) de l'objet.

§ 10. Ainsi, V_{fals} et Adv. sont partout privés de prédictivité et jouent toujours le rôle de *circonstance*. Par conséquent, il n'y a pas de *prédication adverbiale en copte*⁵.

§ 11. Ce point étant éclairci, nous allons tenter d'expliquer le caractère de $\text{or}\bar{n}$ avec S_2 indet. Il est certain que nous n'avons pas à faire à la forme $sdm.f$ de wnn (qui ne peut pas discriminer S_2 det.) mais à un moyen d'indiquer la présence ou l'absence de l'objet. Étant donné que la prédication nominative, c'est-à-dire la communication de la présence d'un objet au moyen de sa simple nomination, ne peut avoir à faire qu'à un objet concret, défini, que l'on montre, la nomination prononcée oralement de l'objet, le substantif doit être précisément déterminé. Si la détermination est imprécise ou zéro, lorsqu'il s'agit d'un objet inconnu ou de n'importe quel objet parmi des objets d'un genre donné, ce moyen de prédication ne pouvait être directement appliqué. Dans ce cas, on avait recours à $\text{or}\bar{n}/\text{m}\bar{n}$.

§ 12. Dans le moyen égyptien classique, la présence de l'objet est exprimée par la combinaison $ju\ wn$, l'absence par $nn\ wn$, auxquelles on peut faire remonter sans difficulté les $\text{or}\bar{n}$ et $\text{m}\bar{n}$ copte⁶. On considérait habituellement ce wn comme un *verbum finitum*, mais dans une inscription du XX siècle avant notre ère (la stèle Hannover 2927) on a découvert une graphie complète du moyen d'exprimer l'absence de l'objet: $nn\ wnw$, avec une terminaison parti-

cipline nettement écrite⁷. Par conséquent, dans de telles constructions, *wn* est un participe *wn(w)* dont la terminaison comme cela est fréquent dans l'écriture égyptienne, n'est normalement pas écrite comme allant de soi. Le participe du verbe *wnn* était encore largement utilisé à l'époque qui a précédé le Nouvel Empire pour exprimer la présence. Dans la forme du féminin *wnt* «étant», «existant», «présent» (dans un sens général, étant donnée l'absence de la catégorie du neutre, on employait les formes du féminin), il servait aussi de conjonction⁸, parallèlement au pronom relatif *ntj* à la forme du féminin *ntt*⁹. En même temps, précisément à la forme du féminin, ce dernier exprimait la présence, l'existence — «présent», «existant», cf. le titre *jmj-r} ntt jwtt* «le chef de ce qui est et de ce qui n'est pas». Le parallélisme de *wnt* et de *ntt* explique la forme du nouvel égyptien *p} wn*, conjonction causale. En fait, le pronom *ntj* au féminin — *ntt* — en combinaison avec différentes prépositions et même indépendamment (*r ntt*, *dr ntt*, *n ntt*, *ntt*) était employé comme conjonction. Le sens conjonctif n'était possible qu'à travers la constatation d'une présence précise: «*wnt/ntt* („étant/existant“), à savoir cela» — dans le sens «que»; *ntt* en combinaison avec des prépositions — «à cause de ce qui existe», «vers ce qui existe» — dans le sens de «parce que».

§ 13. Ainsi, exprimant la constatation de la présence (de l'absence), *wn* (*wn*) pouvait être utilisé dans des constructions de présence — avec une prédication nominative — dans les cas où la nomination directe de l'objet était impossible dans la mesure où il n'avait pas de détermination précise (§ 11). Alors, c'était le participe qui devenait le membre principal possédant une prédictivité interne (au moyen de la nomination) — le participe *wn/wn* expliqué par une apposition, le substantif nommant l'objet dont il s'agit et ainsi découvrant le contenu concret sous-entendu dans la nomination de *wn/wn*: «ce qui est, (à savoir) un objet» (suit une description du contexte, *V_{fact}*, ou Adv., jouant le rôle de circonstance), «un certain objet présent». Par conséquent, si la construction de Pr. I *npwme cwtm <(p)} rmt hr sdm* «l'homme écoute» signifiait littéralement «l'homme (en présence) sur l'action d'écouter (c.-à-d. en train d'écouter)», conformément à ceci, *wn npwme cwtm* «un certain homme écoute» signifiait littéralement «ce qui est, (à savoir) un homme en train d'écouter». Ainsi, avec *wn/wn* également, la construction spécifique de Pr. I/Fut. I était conservée intégralement et elle ne s'est nullement transformée en construction verbale.

§ 14. Entre autre, notre explication des constructions de Pr. I et Fut. I permet enfin de tirer des conclusions sur la nature de *t* également. Que l'élément *t* doive être pris pour P, il semble que ce soit clair maintenant; en effet, ces constructions, se fondent sur le principe de la constatation de la présence. On avait tendance à considérer ce *t* comme un rudiment des combinaisons de suffixes pronominaux avec le pronom relatif *ntj* «qui». Nous voyons que ceci n'est pas accep-

table. Il faut des expressions de la présence et, dans ce cas, il faut aussi chercher une telle expression. Dans ce but, l'arsenal de l'égyptien moyen ne peut fournir que la particule *tj* avec le sens de «voici», «il y a» et ainsi de suite.¹⁰ Dans la langue classique, l'introduction de phrases d'accompagnement, leur réunion à la principale était sa spécialité. Mais en égyptien, tout élément de liaison sert également à séparer (par exemple, *jw*) et la liaison elle-même se fait sur la base de la séparation. Se confondant avec le suffixe suivant en un seul tout dès début du Nouvel Empire, elle seule pouvait aussi créer la construction de Pr. I et Fut. I avec un élément de pronom personnel.

⁷ Etant donné que le rapport d'A. I. Elanskaya «L'origine du formant prénominal *epe* dans le système de conjugaison copte» est publié dans le «Recueil palestinien», fasc. 25 («Палестинский сборник». М.—Л., 1974, вып. 25, c. 81—86), nous publions ici à sa place un article très proche de ce rapport par son sujet et abordant toute une série de problèmes communs.

⁸ En fait, il n'en est pas ainsi (cf. A. I. Elanskaya. L'origine du formant... p. 83—84), mais indépendamment de ceci il est essentiel pour nous maintenant que P+S soit le noyau subjectif et prédicatif de la proposition.

⁹ H. J. Polotsky. The Coptic Conjugation System, § 34. — *Orientalia* 40, 1966, c. 410.

¹⁰ A. H. Gardiner. The Egyptian Grammar³. L., 1957, § 105, 2; 144, 2; 457; Cf. H. Satzinger. Die negativen Konstruktionen im Alt- und Mittelägyptischen. B., 1968, S. 38, § 56.

¹¹ Cf. A. I. Elanskaya. La solution de la loi de Stern-Jernstedt. — «Les monuments écrits et les problèmes de l'histoire de la culture des peuples de l'Orient», М., 1970, p. 145—146 (А. И. Еланская. Разгадка закона Штерна-Ернштедта. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». М., 1970, с. 145—146).

¹² W. Westendorf. Koptisches Handwörterbuch. Lief. 2. Heidelberg, 1967, p. 93; H. Satzinger. Die negativen Konstruktionen... S. 38, § 56.

¹³ ÄZ 72, 1936, Taf. IV, 3; Cf. E. Edel. Altägyptische Grammatik. Bd. 2. Roma, 1964, § 964 bb.

¹⁴ A. H. Gardiner. The Egyptian Grammar³, § 233.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Cf. maintenant P. du Bourguet. Le pronom du présent I en néo-égyptien. — «Orientalia Lovaniensia Periodica», 6/7, 1975/1976, c. 43—51.

Y. N. Zawadowski

LES SYSTÈMES D'ÉCRITURE ÉGYPTIENNE ET MÉROÏTIQUE: PARALLÈLES ET CONCLUSIONS

1. Pour honorer nos amis de France, venus sur les bords de la Moscowa, afin de rendre hommage à leur brillant compatriote qui, il y a cent cinquante ans, avait percé le mystère des hiéroglyphes égyptiens, mes amis russes m'ont demandé de prendre aujourd'hui la parole en français.

Je l'exécute d'autant plus volontiers que je ne suis pas complètement étranger en cette langue.

L'écriture hiéroglyphique étant à l'ordre du jour, je vous entretiendrai de toutes dernières étapes de l'évolution de cette écriture.

2. Voici les faits.

L'écriture égyptienne a eu comme l'un de ses derniers aboutissements l'invention de l'écriture méroïtique. Cela a été établi de façon absolument certaine par le savant archéologue anglais Griffith vers 1911.

A sa suite, je suis venu aux études méroïtiques — comme tout le monde — avec l'idée préconçue que, bien qu'il existe des liens historiques et culturels entre l'Égypte et Méroé, les deux systèmes d'écriture demeurent foncièrement différents, qu'il y a un abîme entre les deux et que l'on ne voit pas très bien comment pourrait-on le franchir, quel pont construire pour faire disparaître cette solution de continuité.

En fait l'écriture égyptienne est d'un type hiéroglyphique classique et celle du méroïtique est alphabétique, comme l'écriture des Phéniciens, avec laquelle — remarquons le bien — elle n'a pas de contact originel.

3. De plus, l'écriture méroïtique comporte des voyelles. D'aucuns y voient un véritable miracle. Pour ne citer que le livre connu de Diringer («The Alphabet», London, 1949) sur l'écriture qui dit en substance que l'alphabet méroïtique ne peut être que l'œuvre d'un génie ou bien devait être constitué sous l'influence grecque — les Grecs étant considérés par cet auteur comme étant les inventeurs de voyelles.

Cette opinion est conforme à l'enseignement de l'ancienne école qui préconisait l'invention d'un alphabet consonantique par les Phéniciens lesquels auraient emprunté certains signes aux Égyptiens. Cette école était représentée chez nous par les travaux de l'académicien Vassili Vassiliévitch Struve et par ceux de de Rougé et de Marcel Cohen en France.

4. Mon but n'est autre que de remettre les choses en place et d'indiquer un nouveau principe qui va sensiblement à l'encontre de celui de l'école traditionnelle.

Gelb («A Study of Writing», Chicago, 1963), qui a beaucoup étudié les systèmes d'écriture sémitiques, a très bien montré qu'à ses débuts l'écriture était plutôt syllabique qu'alphabétique.

Il est parfaitement vrai que les voyelles brèves et même longues n'étaient pas notées par l'écriture sémitique ancienne. Le Coran — pour ne citer que cet exemple — en est témoin: le mot *kitāb* 'livre' y avait été noté KTB avec un alif ajouté après coup au-dessus du mot.

Aussi est-il supposé pour chaque lettre des écritures anciennes une correspondance CV, soit consonne + voyelle. Je crois pouvoir affirmer que même les alphabets de langues européennes, en usant fréquemment à leurs débuts de signes de contraction (*titla* — en slave) ne faisaient que continuer l'ancien système des Sémites. Jusqu'aux noms des lettres représentant les consonnes «be», «ce», «dé», etc. qui ont conservé cette double structure, C + V.

5. Dans le «Meroitic Newsletter», N° 10, paru en juillet dernier, j'ai déjà développé l'idée que chaque lettre de l'alphabet méroïtique, — tout comme dans le syllabaire éthiopien — avait reçu une signification implicite C + V où C est n'importe quelle consonne et V n'importe quelle voyelle, y compris C° (au degré zéro), c. a. d. zéro-consonne et V°, c. a. d. zéro-voyelle.

J'y ai même ajouté (p. 30—31) une liste de symboles pour notation de chaque lettre méroïtique, à savoir, si elle doit être notée en tant que CV nette, CV°, C°V ou bien — en cas de flottement — CV/CV°.

L'écriture méroïtique ne représente donc pas des C ou des V, c. a. d. ni des consonnes, ni des voyelles nettes et pures; mais des combinaisons CV, dont quelques-unes représentent des sons à partie constituante, C ou V, au degré zéro.

6. L'écriture égyptienne, de son côté, n'a jamais dû représenter des sons C purs. Le classement de l'exposé de N. Pétrovski (Léninegrad) ne fait qu'appuyer ma pensée.

Par ailleurs M. Korostovtzev (Moscou) dit dans un article («Fonologičeskaja sistema novoeġipetskogo jazyka», in «Ellinističesky Bližnij Vostok», etc., Moscou, 1967, p. 42): «Le caractère consonantique de l'écriture égyptienne est un fait bien établi, à l'exclusion des graphèmes, exprimant [i] et [w], à propos desquels il existe d'assez sérieuses divergences. On avait émis l'hypothèse que dans certains cas ceux-ci eussent pu représenter des phonèmes vocaliques».

L'écriture égyptienne a donc représenté soit des combinaisons de consonnes, soit des consonnes suivies de V ou de V°. Dans le rare cas de V plein, les voyelles égyptiennes pouvaient être obtenues par amuïssement de laryngales [h] ou [ʕ] et, peut-être, d'autres consonnes; les exemples n'en sont pas pertinents, en l'état de nos connaissances actuelles de l'égyptien.

7. Les langues s'usent comme des outils et nous voyons partout les laryngales périliter avec la marche des temps. On en arrive à un moment où celles — ci ne sont plus réalisées comme laryngales, mais comme C°.

Il est hors de doute pour nous que lorsque l'*aleph* et le *'ayn* phéniciens avaient été transcrits en tant que voyelles par les Grecs, ceux-ci l'avaient fait non pas parce qu'ils eussent inventé les voyelles en les séparant d'avec les consonnes, mais parce que ces sons n'étaient plus prononcés; autrement dit parce que ces combinaisons de signes dans le domaine de l'écriture sont passées de CV à C°V.

8. Ainsi que M. L. Galand l'a noté — le rapprochement de certains signes libyco-berbères que j'ai tenté dans le «Meroitic Newsletter», № 7, impliquerait que ces lettres ne résultent pas d'une évolution de l'écriture libyque, mais qu'elles représentent une tradition ancienne, bien que — pour une raison inconnue de nous — elles ne fussent pas attestées à haute époque.

9. Il est donc important pour nous de conclure que depuis ces derniers cent cinquante ans on n'avait pas songé — à ce que je le sache — à voir entre les deux systèmes d'écriture — l'égyptienne et la méroïtique — ce lien permanent qui en fait une continuation de l'écriture égyptienne et son développement normal sans y chercher une influence quelconque.

10. Vues sous cet aspect, les deux systèmes d'écriture ne paraissent plus séparées par un fossé d'un stade à l'autre, mais au contraire forment le prolongement naturel l'une de l'autre, prolongement issu d'une évolution, parfaitement logique et, partant, explicable, de l'écriture hiéroglyphique vers le système alphabétique.

11. Résumons donc les étapes de cette évolution:

sémitique : CV avec tendance vers V°

égyptien : $\left\{ \begin{array}{l} C \\ C^1 C^2 \\ C^1 C^2 C^3 \end{array} \right\} \begin{array}{l} > CV^0 \\ > CV \\ > C^1 V^0 C^3 \end{array}$

méroïtique : CV ou CV° ou C°V

М. А. Коростовцев

ПОПЫТКИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЛАСНЫХ В ПОЗДНЕЙ ЕГИПЕТСКОЙ ИЕРОГЛИФИКЕ

С тех пор как Фр. Шампольон открыл ключ к чтению иероглифов в 1822 г., прошло больше чем полтора века, и сам великий основатель египтологии составил не только грамматику, но и словарь египетского языка, и с того времени египетские иероглифические тексты не дешифруются, а читаются. Но это великое открытие породило целый ряд лингвистических проблем, в том числе одну из главных и окончательно еще не решенных — об огласовке египетских текстов. Фр. Шампольон и ближайшие к нему по времени египтологи, начиная с Р. Лепсиуса, считали, что иероглифические знаки, известные в науке под названиями *алеф*, *йод*, *аин*, *уау* и *двойной йод*, служат для обозначения гласных звуков египетского письма. В 1923 г. К. Зете опубликовал свое знаменитое исследование, ставшее вехой в египетской филологии. Он показал, что египетские иероглифические знаки — все без исключения — обозначают только согласные фонемы, а никак не гласные¹. Заблуждение же Фр. Шампольона, Р. Лепсиуса, Э. Навиля, У. Баджа и других происходит оттого, что дешифровка иероглифов началась с поздних иероглифических текстов, в которых перечисленные пять иероглифов действительно обозначали гласные, но это явление возникло уже после греко-римского времени, до этого данные пять иероглифов, как и все остальные, обозначали лишь согласные. Это свое открытие К. Зете обосновал очень аргументированно и логично, оно вошло в науку и надолго стало одной из основ египетской филологии.

Возникают вполне закономерные вопросы: как и почему знаки для согласных фонем стали служить знаками для гласных фонем на определенном этапе развития графики? Всегда ли пять названных знаков обозначали только согласные?

Со времени открытия К. Зете мировая лингвистика неизмеримо обогатилась, и в частности исследованиями Н. С. Трубецкого, создавшего очень важную дисциплину лингвистики — фонологию.

В свете новых достижений современной лингвистики открытие К. Зете и тезис об исключительной согласности египетской графики нуждаются в пересмотре.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что во времена К. Зете не было известно языкознанию: сфера согласных фонем не отделена от сферы гласных фонем непреходимой стеной. Фонология показала:

1. Если в соответствии с предложением Р. Якобсона определить гласные как фонемы, которые участвуют в оппозиции по степени раствора, а согласные — как фонемы, не способные участвовать в этой оппозиции, то данному определению не будет противоречить даже то обстоятельство, что согласные могут образовывать слоги, а гласные, напротив, могут их не образовывать².

2. Специфические особенности гласных могут быть связаны лишь с различными степенями раствора, поэтому такие признаки можно назвать признаками степени раствора³.

3. Основное отличие гласных от согласных состоит в том, что у гласных нет никаких преград при артикуляции, тогда как у согласных наблюдаются разные типы преград: наибольшая — взрывным, более слабая — фрикативным и совсем слабая — сонантам.

Из приведенных положений следует: между гласными нет непреодолимой стены, признаки раствора не являются очень устойчивыми, одна степень раствора может переходить в другую. Это показал уже К. Зете. Так, в египетском языке закономерны переходы /a/ > /ō/ и /i/ > /ē/; /ā/ > /a/ и /ā/ > /ō/⁴, а также /ā/ > /ō/⁵ и, наконец, /ē/ /i/ > /ā/⁶. Иначе говоря, установлены переходы одной гласной фонемы в другую в плане диахронии. Но если такие явления были закономерны в плане диахронии, то они вовсе не исключены и в плане синхронии при произнесении чуждых для египетского уха гласных греческого и других языков. Таким образом становится понятно, что одна и та же графема обозначает разные гласные фонемы, а одна гласная фонема изображается разными графемами.

Но как объяснить употребление древних графем, однозначно обозначавших согласные фонемы, в качестве гласных фонем? Это несколько более сложная проблема. В семитских языках, к которым в известной степени близок и египетский, имеются так называемые полугласные *йод* и *уау*. Имеются они и в арабском языке. Первая из этих фонем — препалатальный спирант, приблизительно соответствующий русскому *й*, вторая — билабиальный спирант *уау*. Эти фонемы функционируют то как согласные, то как второй элемент дифтонгов, иногда даже как гласные /i/ и /u/⁷. В качестве полугласных в арабском языке они могут комбинироваться с гласными /i/ и /u/ для придания этим гласным долготы. Иначе говоря, по своему акустическому эффекту полугласные *йод* и *уау* близки к гласным /i/ и /u/. Это, кстати, объясняется тем, что признак раствора у той и другой полугласной фонемы

минимальный⁸. Такое акустическое родство названных полугласных и гласных фонем чувствовал еще А. Эрман. Он допускал, что *йод* и *уау* могут в окончаниях слов обозначать именно гласные⁹.

На использование *йод* и *уау* для обозначения гласных указывал также и Т. Такер. «Мнение Эрмана (о гласном значении знаков *йод* и *уау* в ряде случаев. — М. К.), с некоторыми незначительными изменениями, мнение правильное, тогда как мнение К. Зете (об исключительно консонантной природе фонем *йод* и *уау*. — М. К.) ошибочное, так же как и мнение египтологов старшего поколения (о поголовной гласности этих фонем. — М. К.). Здесь не говорится о том, что, где бы ни встречались эти знаки, они всегда обозначают гласные. Каждый случай должен быть тщательно исследован в отдельности»¹⁰.

Так обстоит дело со знаками, называемыми *йод* и *уау*. Иначе говоря, полугласные *йод* и *уау* по своему акустическому эффекту близки к гласным фонемам /i/ и /u/.

То же самое надо сказать о согласных фонемах *алеф* и *аин*. По физиологическим условиям артикуляции *алеф* — единственная возможная глухая ларингальная фонема (взрыв). Ее акустический эффект близок эффекту гласной фонемы¹¹, более точно — фонемы /a/. Такое же акустическое впечатление производит и артикуляция *аин*¹².

Когда египтяне во времена греко-римского господства освоились с греческим алфавитом и убедились в удобстве и практичности огласованного текста, они, естественно, стремились огласовать и свое полностью консонантное иероглифическое письмо. Но как это было сделать? Введение каких-то новых графем лишь усложнило бы и без того трудное египетское письмо. Акустическая близость некоторых согласных фонем к гласным фонемам подсказала употребление таких согласных по природе фонем для обозначения гласных. Процесс этот происходил медленно, стихийно, начавшись еще задолго до греко-римского времени. С наступлением последнего он ускорился, но никем и никогда не регламентировался. Свидетельством служит факт, на который указали К. Зете¹³ и Э. Дриотон¹⁴: упомянутые знаки, обозначавшие, как правило, полугласные и согласные, стали применяться в качестве гласных произвольно, так сказать по слуховому восприятию любого писца, и здесь еще не успела выработаться и стабилизироваться какая-либо традиция. В основе этого лежала лишь акустическая близость некоторых согласных и полугласных фонем к гласным. Именно поэтому Фр. Шампольон и ближайшие к нему по времени египтологи приняли графемы *алеф*, *йод*, *аин*, *уау* и двойной *йод* за обозначение гласных, и лишь К. Зете рассеял это заблуждение, но в пылу полемики стал на крайнюю позицию и провозгласил в качестве абсолютной догмы полную и исключительную консонантность всех знаков иероглифического письма, догму, несостоятельность которой уже доказана.

- ¹ K. Sethe. Die Vokalisation des Ägyptischen. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». 1923, Bd 77, c. 145—207.
- ² B. Trnka. O fonologických číseltech v češtině. — Slovo a slovesnost. Praha, 1940, c. 204.
- ³ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, с. 104.
- ⁴ K. Sethe. Die Vokalisation des Ägyptischen. . . , c. 164—166.
- ⁵ Там же, с. 168.
- ⁶ Там же, с. 171.
- ⁷ J. Cantineau. Etudes de linguistique arabe. P., 1960, c. 85;
- G. Vergote. Phonétique historique de l'égyptien. Louvain, 1945, c. 11, 59.
- ⁸ J. Cantineau. Etudes de linguistique arabe, c. 90.
- ⁹ A. Erman. Die Flexion des ägyptischen Verbums. — SPAW. 1900.
- ¹⁰ T. W. Thacker. The Relationship of the Semitic and Egyptian Verbal Systems. Ox., 1954, c. 31.
- ¹¹ J. Vergote. Phonétique historique de l'égyptien, c. 79.
- ¹² Там же, с. 72—73, 93.
- ¹³ K. Sethe. Die Vokalisation des Ägyptischen.
- ¹⁴ E. Drioton. ΤΑ ΠΡΩΤΑ ΣΤΟΧΕΙΑ. — ASAE. t. 42, 1943, c. 172—173.

О. Д. Берлев

«ЗОЛОТОЕ ИМЯ» ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ

О том, что третий элемент многосоставной титулатуры — имени египетского царя, так называемое *gn nj nbw* «имя золота» (Berlin 15803) ¹, представляет собой область загадок, свидетельствует достаточно полный обзор сильно разросшейся литературы по вопросу в двух интересных этюдах Гриффитса ² и Барта ³. Неизвестны смысл имени, его назначение и даже, самое основное, его чтение. Эрман и Грапов отказывались транслитерировать символ — ядро третьего титула-имени — и в маленьком словаре (Hwb., 128) и в большом, вышедшем несколько лет спустя (Wb. II, 240, 1—4) ⁴. Гардинер ⁵, следуя Морэ, предложил транслитерировать символ как *hgw nbw* ⁶ «Хор золота», но предложение это — скорее удобная условность, прием. Доказать правильность этого чтения никто и не сумел ⁷.

Третье имя-титул зарождается уже при первых двух династиях, когда знак «золото» включается в титулатуру царей. Первый царь III династии, Тосор, еще пользуется иной раз этим знаком, так сказать, «по-древнему» ⁸, без всяких добавлений, но он впервые создает двузначное имя, имя-титул в полном смысле этого слова, помещая над знаком «золото» знак «солнце» ⁹. Его преемники, *h'j-b* ¹⁰ и Санфоре (Сорис) ¹¹, продолжают пользоваться двузначным третьим именем-титулом, заменяя, однако, знак «солнце» знаком «сокол». Видимо, символ и на закате древне-египетской культуры считался наиболее древней формой имени, потому что в указе-подделке, будто бы данном от имени Тосора, а на самом деле составленном при Птолемах, третье имя древнего царя пишется именно так ¹². То же и на поздней печати с именем Шуфе (Хеопс) ¹³.

Шуфе вводит впервые трехзначное имя: два сокола на знаке «золото» ¹⁴ — и трехзначное имя становится правилом (не без исключений, однако) для всего периода Древнего царства и последующего смутного времени.

Его преемник, Тетепфрэ ($\text{d}^{\text{d}}\text{.f-r}^{\text{c}}\text{w}$), ставит на знак «золото» трех соколов ¹⁵. Таким образом, исчерпываются все возможные комбинации со знаками «сокол» и «золото». Последующие цари смогут эти комбинации только повторить. Так, царю Шуфе будут подражать цари Сахурэ ¹⁶ и Ментемсоф I ¹⁷ (оба ставят знак «сокол» на насест, но Ментемсоф признает и написание без насеста), тогда как царю Тетепфрэ следовал Пйопе I (у него, однако, соколы без подставок) ¹⁸.

Преемник Тетепфрэ, царь Хафрэ (Хефрен), впервые ввел в трехзначное имя новый знак помимо знака «сокол». Его имя выглядит

¹⁹. Следующий царь, Менкерэ (Микерин), по образцу пред-

шественника создает имя ²⁰. Таким образом, кладется начало имени с неизменным ядром не в виде , как было от Тосора до Тетепфрэ, а в виде , с изменяемой частью, которая должна обязательно находиться на знаке «золото» и предшествовать знаку «сокол». Последнее обстоятельство принимают за указание на порядок чтения имени: изменяемая часть → ядро, — определенно наличествующий в некоторых (иные полагают, во всех) образцах второго имени и, возможно, в первом имени ²¹.

Позднее написание третьего имени Менкерэ ²², которое несомненно следует читать, исправляя ошибочную копию Питри, , интересно как показатель того, что под имели в виду «золото», а не что-либо другое (nbwtj «Златоградский», эпитет Сэта, например). Правда, слово «золото» написано так, как если бы ввиду имели богиню «Золото», Хатхор. Но богиня Хатхор явно не включалась в третье имя царей, а слово «золото» в позднюю эпоху писалось, так же как имя-эпитет богини, совершенно нормально (ср. Wb. II, 239, 4—5, 7).

Имена Хафрэ и Менкерэ интересны и в том отношении, что в виде изменяемого элемента в имя вводятся знаки практически одного порядка со знаком «сокол»: и знак ntr «бог», и shn «мощь», «мощный» ²³, определенно также в смысле, близком к по-

нятию «бог», как и знак , обозначают божественное.

В дальнейшем знаки и , как синонимы и , могли вы-

теснить эти последние совершенно: (Нефериркерэ) ²⁴ и (Ментхотп III) ²⁵, чем исчерпывались возможные варианты со знаками, символизирующими божественное. В дальнейшем цари,

склонявшиеся к построению третьего имени по принципу Хафрэ-Менкерэ, вынуждены были повторять эту редакцию. Так поступили Неусеррэ (по Менкерэ) ²⁶, Пйопе II ²⁷ и Ментхотп II ²⁸ (по Хафрэ).

Замена знака «сокол» знаками, близкими ему по значению, уже в самом конце XI династии (Ментхотп III) показывает, что на всем протяжении Древнего царства и эпохи смут ядром имени оставался все-таки знак «золото».

Неферефрэ ²⁹ впервые вводит в имя, по-прежнему трехзначное,

иероглиф, не связанный с идеей божества: . Впрочем, скры-

тая связь есть: знак взят из первого имени царя, характеризующего его как бога Хора: 1) nfr h'jw «прекрасный воссоединениями», 2) nfr-m-nbtj «прекрасный в Обои Владычицах (= венцах Обои

Египтов)» и 3) . Примеру Неферефрэ следуют его преем-

ники — Таткерэ ³⁰ () и Оннос ³¹ (). Иероглифы и

 равнозначны (ядро первого имени).

Принцип Неферефрэ не применяется при VI династии, но позже, в пору смут, им пользуются с некоторой поправкой. Так, царь IX или X династии Ахтой Мерабрэ ($\text{mrj-jb-r}^{\text{c}}\text{w}$), третье имя которого,

очевидно, выглядело ³², где mrj связывалось с первым

именем $\text{mrj-jb-t}^{\text{c}}\text{wj}$, как и у Неферефрэ, но второе имя просто повторяло первое. Конечно, следует учитывать, что протокол Ахтой до сих пор не издан должным образом и наше чтение может быть и ошибочным. Но от той же эпохи до нас дошла титулатура царя Какерэ Энийотефа, построенная по этому же образцу:

1) $\text{snfr-t}^{\text{c}}\text{wj.f}$; 2) $\text{snfr-t}^{\text{c}}\text{wj.f}$; 3) ³³.

Царь Атоте (VI династия) начинает новую «моду», вводя в трехсоставное имя знак, не связанный ни с понятием божества, ни с первым именем царя: ³⁴. Таким образом, складывается независи-

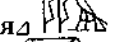
мое от других имен царя третье имя. Принцип Атоте продолжается Ментхотпом II: ³⁵, который одно время пользовался

третьим именем Хафрэ. Вся титулатура Атоте, и в том числе его третье имя, послужила образцом для царя Сехтепабрэ Аменемхэ,

очевидно тождественного Аменемхэ I () ³⁶. Но с этого царя

начинается уже новый этап развития третьего имени.

Заметим, что у царей XII династии был предшественник — Ментхотп I, отказавшийся от принципа трехзначности третьего

имени³⁷. Его редакция принадлежит уже к новой эпохе.

Разрыв с принципами Древнего царства явный. Вместе с тем его близкий преемник, Ментхотп III, еще может совершенно обходиться без знака «сокол» в третьем имени: . Только начиная с Аменемхэ I, знак «сокол» уже не может быть исключен из имени и, таким образом, вместе со знаком «золото» сливается в единый символ — ядро третьего имени.

Подытоживая наблюдения над развитием древнейших редакций имени, укажем, что стержнем имени в этот период был один знак «золото», вся же изменяемая часть имени должна была непременно размещаться на знаке «золото» и потому должна была обязательно быть предельно короткой (два знака, максимум три знака, если они одинаковые). Тогда же наметилась тенденция к формированию ядра имени в виде , причем изменяемая

часть имени, всегда в виде одного (первоначально обязательно высокого) знака, непременно предшествовала знаку «сокол», может быть указывая на последовательность чтения элементов, а может быть согласуясь с принципом староегипетской каллиграфии, требующим помещать высокие знаки перед знаками птиц и в том случае, если фактически они следуют за знаками птиц³⁸.

С Аменемхэ I начинается новая эпоха, в частности, и в истории третьего имени. Этот царь и его преемник вводят принцип одинаковости всех трех первых имен, и интересующие нас имена выглядят в их редакциях ³⁹ и ⁴⁰. От староегипетской

краткости здесь совершен переход к пространным характеристикам, которые нелегко было размещать на знаке «золото». Более того, не было нужды теперь ставить изменяемую часть имени перед птицей. И вот при Сенвосре I впервые изменяемую часть помещают

в конце имени, предваряя ее символом ⁴¹. И в эту эпоху древнее построение имени остается нормой, правилом и в то же время дает себя чувствовать новая тенденция, имеющая исключительное значение для понимания имени в целом. Ведь новая структура имени только что сменила староегипетский принцип, и вся разница между новым и старым сводится, по существу, к распространению изменяемой части, теперь лишь с трудом уместимой на знаке «золото». А как только эта часть «соскальзывает» со знака «золото», ее помещают после символа . Значит, и в чтении

изменяемая часть не предшествовала символу, в том числе и в староегипетских редакциях имени, которые были в ходу, можно сказать, только вчера.

Следующий царь XII династии, Аменемхэ II, отказывается от принципа тождества трех первых имен: третье имя у него особое и, конечно же, длинное: ⁴², которое удобно написать

 ⁴³. Такое же длинное имя и у Сенвосре II: ⁴⁴.

При Сенвосре III опять вводится краткое третье имя: , видимо связанное с первым, *ntj-hprw*⁴⁵. Оно, конечно, никогда не пишется по-новому, нужды в этом нет. Но у преемника его, Аменемхэ III, все три первых имени разные, а третье опять пространное: , которое могут написать и ⁴⁶. Важно отметить: третье имя именно этого царя называется *gn nj nbw*, «именем золота», и это подчеркивает, что только знак «золото» является центром, душой имени, а вовсе не символ . Поскольку

один знак «золото» был ядром имени в пору Древнего царства и даже еще при XI династии, очевидна традиционность этого наименования, показывающая, что и в эпоху Древнего царства знак «золото» символизировал драгоценный металл; в каком именно смысле — это уже другой вопрос.

Заканчивая обзор истории третьего имени при XII династии, укажем, что «имя золота» Аменемхэ IV имеет вид (ASAE 38, с. 546), последняя же царица XII династии, имя которой Манефон читал Скемиофрис, пишет третий элемент своей титулатуры так: ⁴⁷.

С XIII династии постпозиция пространной изменяемой части, как бы «титул+имя», становится нормой, правилом, из которого встречаются редкие исключения. С самого начала этой эпохи третье имя принимает вид, который лишь с небольшими изменениями сохранится до Флавиев, последних «фараонов», еще пользовавшихся архаическим третьим именем.

При XIII династии впервые встретилось написание ⁴⁸, показывающее, что иероглиф «золото» означал всего только металл «золото». Характерно, что теперь и знак «сокол» может соскальзывать со знака «золото», но это, впрочем, исключение.

Пояснение знака «золото» детерминативом «материалы» не единично в пору смутного времени перед воцарением XVIII династии. Это же написание отмечено и в двух надписях Тхутмосе I ⁴⁹.

В эпоху XIII — ранней XVIII династий изменяемая часть третьего имени, хотя и пространная, состоит из одной квалификации: *mn mgtw* «устойчивый любовью» (= тот, любовь к которому

устойчива). С Тхутмосе I первая квалификация дополняется и второй и даже третьей⁵⁰. Сказывается уже забвение принципа размещать все относящиеся к имени знаки обязательно на знаке «золото».

Отметим, что царица Хашепсове, рассказывая о своем будто бы имевшем место назначении ее соправителем своего отца Тхутмосе I, подражала аналогичному рассказу Аменемхэ III⁵¹, однако, говоря о составлении ее царской титулатуры, она не пользуется термином «имя золота», примененным Аменемхэ III. Трудно сказать, означает ли это, что «золото» потеряло уже к тому времени значение ядра третьего имени, уступив это значение символу .

При Аменхотпе IV в связи с гонением на культы богов с 6-го года царствования исчезает и символ , заменяемый сочетанием ⁵² «правитель красивый», т. е. «молодой». Поскольку во втором имени этого царя вместо стержневого выражения nbty «Обе владычицы» (богини венцов) пользуются близко звучащим термином nbw t3 «Владыка земли», логично заключить, что и термин hk3 nfr заменяет символ , собственно hrgw nbw, по созвучию⁵³. Если это так, то транслитерация hrgw nbw для этого времени получила бы известное основание. Более того, символ действительно как будто в это время (как и при Птолемеях) уже предшествовал изменяемой части в качестве титула имени.

Однако уже с XIX династии символ принимает вид ⁵⁴. Между тем — это bjkw⁵⁵ «сокол».

Представление о «соколе золота», т. е. золотом, хорошо засвидетельствованное при XVIII династии, восходит, во всяком случае, к началу Среднего царства⁵⁶.

Начиная с XIX династии в принципах построения третьего имени уже нет ничего нового. В пору архаизации (древнеегипетский ренессанс) это имя могли писать «по-древнему», по-староегипетски⁵⁷, но нормой были, конечно, всегда постпозитивные структуры.

При Птолемеях IV Филопаторе и V Эпифане их редакции третьего имени⁵⁸ были переведены на позднеегипетский (язык демотической письменности) и греческий языки. Но эти переводы лишь усложнили и без того запутанный вопрос, создав новую самостоятельную проблему — проблему самих переводов. Высказывались убеждения, что переводы эти: 1) позднее осмысление древнего имени; 2) нормальное, единое для всех эпох понимание; 3) возрожденная при Птолемеях исконная трактовка имени, за-

бытая уже если не в эпоху Древнего царства, то по крайней мере при XII династии. Кроме того, переводы эти представляют собой толкования, за которыми стоит целое мировоззрение. Таким образом, их приходится еще так или иначе истолковывать.

Вот толкования символа :

- Позднеегипетские переводы. Филопатор: № 4; Эпифан: № 1—3.
1. ntj hr p3j.f d3d3j «тот, который на своем враге» (Roset., дем. 1)⁵⁹.
  2. ntj... n3j.f d3d3jw «тот, который... своих врагов» (Philensis I, дем. 1)⁶⁰.
  3. [Очевидно, то же, что и в № 2] (Philensis II, 1 = Urk. II. 215, 4).
  4. p3 ntj hr n3j.f d3d3jw «тот, который на своих врагах»⁶¹.

Греческие переводы.

- Филопатор: 1. [ἀντιπάλω]ν ὑπερτέρου (СМ 31088, греч. 2).
2. [ἀντιπάλων] ὑπερτερος (папирус из Дендера)⁶².
Эпифан: 1. ἀντιπάλων ὑπερτέρου (Roset., греч. 3)⁶³.

Перевод целого третьего имени сохранился только из титулатуры Эпифана: «отказавший

жизнь (= давший жизнь) народу, владыка праздников-сед подобно Птаху Татенену» (СМ 22188, стк. 1); ntj hr p3j.f d3d3j i-ir dj.t n3-nfr p3 'nh n n3 rmt.w p3 nbw n n3 rnp.w n hbs m-kd Pth Tn «тот, кто на своем враге, улучшивший (букв. сделавший давание, чтобы была хорошей) жизнь людей, владыка годов праздника-сед, подобно Птаху-Тену» (Roset., дем. 1); ἀντιπάλων ὑπερτέρου τοῦ τὸν βίον τὸν ἀνθρώπων ἀπαρδύσαντος κυρίου τριακονταετηρίδων καθάπερ ὁ Ἥφαιστος ὁ μέγας «взявший верх над противниками, улучшивший жизнь людей, владыка тридцатилетних циклов, подобно Гефесту великому» (там же, греч. 3—4).

Эти переводы показывают следующее:

1. Постоянный и изменяемый элементы имени-титула соотносятся как титул + имя или основная постоянная характеристика + пояснение к ней, совершенно так же, как это, кажется, имело место при Аменхотпе IV.

2. Перевод символа на греческий постоянно единообразен и, видимо, установлен, как говорится, раз и навсегда.

3. Иначе обстоит дело с позднеегипетскими переводами, унификация которых не считалась важной: в 9-м и 21-м годах⁶⁴ царствования Эпифана переводы основной части имени (символ) значительно отличаются один от другого.

4. В основном различие состоит в числе врагов, побежденных царем: Rosettana имеет в виду одного врага царя, тогда как Philensis I и декрет Филопатора говорят о многих врагах, в полном соответствии и с греческой передачей.

5. Напротив, ключом ко всему переводу символа в Розеттской надписи является предлог hr «на»/«над», в Philensis I пока еще не разобранная группа знаков; между тем греческое ὑπερτερος не-

сомненно согласуется с Розеттской версией: $\text{ḥr}^{\prime}/\text{ḥr}^{\prime}$ — основа истолкования символа, своего рода доминанта.

В пероглифическом символе идея $\text{ḥr}^{\prime}/\text{ḥr}^{\prime}$, казалось бы, была выражена помещением «сокола» на знак «золото», но если так, то знак «золото» логично рассматривать как обозначение врагов или врага. Поскольку же сокол — бог Хор, а врагом Хора был бог Сэт, почитаемый в «Златом» (nbwt , Эмбб) городе и потому называемый «Златоградским» (nbwtj), Бругш⁶⁵ имел основание заключить, что интересующий нас символ выразил победу Хора над Сэтом.

Последующее использование переводов свелось к проверке гипотезы Бругша, к вопросу о ее применимости к толкованию древних редакций имени. Между тем существен не тот смысл, который вкладывал в символ Бругш на основе переводов, а сами переводы. Что не Сэта имели в виду переводчики имени, ясно из множественного числа «враги». Вариант «враг» в демотической версии Rosettana только показывает, что речь идет о такого рода противниках, которых можно было назвать и просто «врагом», и, более точно, «врагами». Но в таком случае кто эти «враги» или «враг»? На этот счет можно пока только высказывать догадки.

После Эпифана третьим именем-титолом пользовались владыки Египта из династии Птолемеев и римские императоры из дома Юлиев-Клавдиев и рода Флавиев. На последнем из Флавиев, Домициане⁶⁶, история этого имени заканчивается.

Подводя итог нашему обзору эволюции имени, мы должны подчеркнуть следующие правила его конструирования:

1. Все имя обязательно должно размещаться на знаке «золото», и только расширение имени, невозможность уместить его на этом знаке, приводит к тому, что изменяемая часть «соскальзывает» со знака «золото», оставляя на нем знак «сокол».

2. «Соскальзывая», изменяемая часть занимает место после символа «сокол» + «золото», и это доказывает, что помещение такой части перед знаком «сокол» над знаком «золото» не отражает последовательности чтения элементов, но связано скорее с каллиграфическими нормами.

3. Знак «сокол» начиная с XIX династии определенно пишется как $\text{ḥr}^{\prime}$ «сокол», а не Хор, хотя амарнский вариант (ср. с. 46) дает основание полагать, что первоначально имели в виду слово

 «Хор»⁶⁷.

4. Знак «золото» определенно означает металл «золото» и не связан ни с какими аллегориями.

5. Переводы имени в птолемеевское время разбивают его на «титул-символ» и имя, истолковывая этот символ как триумф царя над врагами.

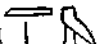
Учитывая эти особенности, мы можем перейти теперь к рас-

смотрению не выявленного до сих пор единственного случая полного написания имени.

Этот уникальный пока случай удалось обнаружить в надписи, давно уже привлекавшей внимание ученых. Это стела времен ранней XII династии, сохраняемая в Лейденском музее древностей. Она создана в короткую пору соправительства Сенвосре I и Аменемхэ II и помечена 44-м и 2-м годами соответствующих царствований⁶⁸.

На самом верху стелы во всю строку — огромный картуш, в котором увековечены имена этих царей. В полном соответствии с правилами увековечения соправительств, которыми руководствовались египтяне, как установил Симпсон⁶⁹, младшему царю выказывают предпочтение перед старшим: имя-титулатура Сенвосре I приводится с сокращением (выпущено третье имя-титул), а имя-титулатура Аменемхэ II дается полностью.

К сожалению, как раз титулатура Аменемхэ II, и притом именно в части третьего элемента, повреждена, и этим объясняется то обстоятельство, что значение свидетельства этой надписи до сих пор не было оценено. Между тем по прекрасной фотографии, опубликованной Бузером, совершенно ясно устанавливаются три особенности в трактовке этого имени:

1. Изменяемая часть имени, обыкновенно писавшаяся $\text{m}^{\prime}\text{-ḥr}^{\prime}\text{w}$ «правый голосом», признанный правым на суде богов, восторжествовавший над врагами, в данном случае несомненно имеет вид $\text{m}^{\prime}\text{-ḥr}^{\prime}\text{w}$ «правый голосом в».

2. Имя-титул начинается не знаком , как это бывало иной раз уже в царствование Сенвосре I (но не раньше), а знаком . Репродукция Бузера не оставляет в том ни малейшего сомнения: хотя низ знака и поврежден, но пропали, собственно, только лапы птицы, ноги же сохранились настолько, что совершенно ясно, что «сокол» занимал всю вертикаль строки (подобно целому знаку сокола в начале титулатуры Аменемхэ II) и места для знака «золото» под ним совсем нет.

3. Имя-титул заканчивается знаком «золото», и мы, таким образом, получаем впервые изменяемую часть втиснутой между знаками «сокол» и «золото»;

Еще одно: за третьим именем должно было следовать полностью исчезнувшее четвертое, открываемое знаками . В имени

Сенвосре I эти знаки занимают всю вертикаль строки, и, очевидно, и в имени Аменемхэ II их помещали также во всю высоту строки. Тогда под знаком «золото» остается пустота, которую можно за-

полнить детерминативом (сыпучие тела, материалы), сославшись на написание XIII и XVIII династий.

Вот как выглядит это имя: (?)

Его нетрудно достаточно точно транслитерировать и перевести: $hrgw^{70} m^{71} = hrgw m nbw$ «Хор (или Сокол), правый голос (=торжествующий) в золоте».

Прежде чем перейти к объяснению этого перевода, остановимся на чисто формальной стороне дела: перед нами единственное полное написание третьего имени Аменемхэ II. Помимо него известны

следующие написание третьего имени (сокращенные):

(CM 20541), (BH I, XXV).

Таким образом, Лейденская стела дает рецепт чтения средне-египетских редакций третьего имени-титла, написанных как по старому образцу (пре- и суперпозиция), так и по новому (постпозиция). Третье имя преемника Аменемхэ II, Сенвосре II,

, например, следует читать $hrgw-hrp(w)-ntrw-(m)-nbw$ «Хор/Сокол, умиротворяющий богов, в золоте». Соответствующее

имя предшественника этого же царя, Аменемхэ I, ,

опять-таки должно быть прочтено $hrgw-whm(w)-mswwt-(m)-nbw$ «Хор/Сокол, повторяющий рождения, в золоте», а вариант того же

имени , скопированный с имени-титла царя VI династии Атоте, необходимо прочесть $hrgw-zm^{72}(w)-(m)-nbw$ «Хор/Сокол, соединяющий (подразумеваются оба Египта), в золоте». Мы переходим, таким образом, уже к интерпретации староегипетских структур.

Имя близкого предшественника Аменемхэ II, последнего царя XI династии, Ментхотпа III, , в соответствии с показаниями

Лейденской стелы мы должны прочесть $nrgw-(m)-nbw$ «боги в золоте», но тогда соответственно приходится читать и имя Нефереркерэ (V династия)

$shmw-(m)-nbw$ «мощные (= боги) в золоте»,

и имя Тетефрэ и Пйоне I $nbww(?)-(m)-nbw$ «вла-

дыки (или подобное) в золоте», и имя Тосора $g'w-(m)-nbw$ «Солнце в золоте».

Интересно, что написание времен Аменемхэ II открыло нам такую же структуру третьего имени в пору Среднего и, несомненно, Древнего царств, какую в староегипетские времена определенно (а возможно, и позже) имело второе имя.

Сначала Шефер⁷¹, а затем и Зете⁷² обратили внимание на вторые имена, построенные по схеме: символ (nbtj Обе Владычицы, богини-венцы Обоих Египтов)+изменяемая часть (прилагательное или причастие)+предлог «m» [в одном случае «g», требуемый причастием mdd(w)], которые следует читать в порядке: изменяемая часть + «m» + nbtj⁷³. Полная аналогия с построением треть-

его имени. Скажем, начало титулатуры Овноса

 следует читать (первое имя мы опускаем): $w\}d-m-nbtj$ $hrgw-w\}d-(m)-nbw$ «Зеленый (свежий, молодой) в венцах, Хор зеленый (=молодой) в золоте».

Вырисовывается принцип: соединять изменяемую часть с основной титула имени через предлог «m» по схеме «изменяемая часть в основе», а так как основой третьего имени первоначально был один знак «золото», схема для этого имени принимает вид: изменяемая часть + «в золоте».

Шотт, высказавшийся за чтение всех староегипетских имен трех первых порядков в царской титулатуре по способу, указанному несколькими вторыми именами древних царей, в тех случаях, когда во втором имени предлог не выписан, связывает изменяемую часть имени с основой (nbtj) генитивом⁷⁴. Эту же связь по той же схеме — изменяемое + неизменное — видит он и в первом имени и в третьем. В третьем, мы видим, он ошибался: связь не генитивная, а предложная. Шефер полагал, что и во втором имени связь была той же всегда в эпоху Древнего царства, но вопроса о втором имени мы, конечно, не можем здесь касаться.

Как бы там ни было, объясняется староегипетский способ написания третьего имени: обязательное размещение знаков на «золоте» графически выражает идею предлога «в», делая излишним выписывание этого предлога, которое разрушило бы каллиграфическое совершенство композиции знаков. Разумеется, этот же графический образ мог передавать и идею предлога hr «на», но мы точно осведомлены, благодаря указанию надписи на Лейденской стеле, что в образовании имени участвовал предлог «m», а не «hr». Интересно, что и в тех случаях, когда основную часть третьего имени стали писать после знака «золото», идея предлога «m» продолжала выражаться графически помещением знака «сокол», первого элемента изменяемой части, на знаке «золото». Размещение остального практически уже не играло роли.

Нет никакого сомнения в употреблении этой структуры на всем протяжении Среднего царства. Собственно говоря, нет никаких

оснований считать, что и при Филопаторе и Эпифане это имя строилось иначе, хотя, конечно, мы не можем ручаться за то, что сим-

вол к тому времени не обособился в виде постоянного зачала имени. Переводы третьего имени, отделяющие символ от характеристики, в конце концов являются истолкованиями, не имеющими целью раскрыть нам внутреннюю структуру имени. Правда, Аменхотп IV заменяет символ титулом $\text{ḥk} \{ \text{nfr} \}$ «правитель красивый», как бы показывая, что символ — титул, обособленный от последующей характеристики, но и в этом случае нет уверенности, что замена эта не была чисто механической: взяли начальную

графему $\text{ḥrw} + \text{nḥw}$ (на самом деле раскрывающуюся как ḥrw-N-m-nḥw , где N — изменяемая часть имени), одиозную для Аменхотпа IV в связи с его гонением на богов Египта, и заменили ее сходно звучащим титулом.

Если символ действительно обособлялся как титул, он должен был опять-таки читаться $\text{ḥrw}(?)\text{-m-nḥw}$, но в египетском языке в устойчивых сочетаниях предлог, как правило, опускался, и сочетание могло упроститься в $\text{ḥrw}(?)\text{-nḥw}$; однако и без предлога это сочетание будет сохранять то же значение «Хор/Сокол в золоте»⁷⁵.

Также остается пока неясным и положение с удлинёнными редакциями третьего имени, которые становятся обычными с эпохи Тхутмосе I. По правилу порядок $\text{ḥrw}(?)\text{-N-m-nḥw}$ должен быть обязательным и для них, но нельзя исключить и такого положения, что N включало в себя только первую из двух или трех характеристик, а остальные выносились за рамки имени.

Все эти вопросы может решить, конечно, лишь находка новых случаев полного написания третьего имени-титула. Пока же ограничимся рассмотрением положения, вызванного обнаружением первого образца такого имени.

Этот образец определенно доказывает, что передачи символа птолемеевскими переводчиками являются либо истолкованиями первоначального значения имени, либо даже каким-то переосмыслением, ибо доминантой древних редакций был не предлог «ḥr» («перед»), а «m».

Таким образом, становится доказанным, что символ сам по себе не изображает никакого триумфа, а будто бы попираемый соколом знак определенно не обозначает врага или врагов сокола Хора, т. е. не имеет отношения к Сэту. Этот знак символизирует золото, как это и отмечают редакции имени времен XIII—XVIII династий, и мы, стало быть, впервые получаем доказатель-

ство того, что гипотеза Бругша, разъясняющего как триумф

Хора над nḥwtj «Златоградским» Сэтом, неверна⁷⁶, если только при Птолемах не имело места переосмысление имени. Эту возможность мы пока не можем исключить совершенно.

Остается сказать теперь о значении сочетания N-m-nḥw. Слово nḥw в данном случае только «золото», и ничего больше, и, конечно, так или иначе это имя связано с представлением о золотом соколе, как на это справедливо указывали Морэ⁷⁷, Гардинер и др. Конечно, верен и тезис Морэ относительно «золота» как синонима «прочности», «неистребимости», и все же это только аспект более сложной проблемы.

Золото — это субстанция божества, плоть любого бога⁷⁸. Такова «физика» божественной плоти, $\text{ḥ}^{\text{c}}\text{w ntr}$, что она есть золото, и фараон Сетой I даже в словах, обращенных к добывающим золото в Редезийе, разъясняет им это: «Что до золота, плоти богов ($\text{ḥ}^{\text{c}}\text{w ntrw}$), то. . .» (Redes. C, 3)⁷⁹ — и «напоминает» слова Солнца в начале мифа: «Подлинно, плоть (букв. кожа) моя из светлого золота чистого» (там же).

Это представление повсеместно и всепроникающе. Даже божество, персонаж сказки, обладает золотой кожей (Кораблекр., 64—65)⁸⁰. Покрываются золотом или окрашиваются в золотой (позднее — и в серебряный) цвет маски мумий⁸¹, «лица» саркофагов, саркофаги⁸², лица статуэток = šbtjw ⁸³, «плоть» статуй⁸⁴. В Дер эль-Медине в желтый цвет раскрашиваются все изображения людей в целом ряде гробниц⁸⁵. Это понятно. Ведь умерший — солнце, пребывающее в небосклоне своей гробницы.

Солнце-Атóm описывается так: «Плоть ($\text{ḥ}^{\text{c}}\text{w}$) его из золота, кости из [серебра]». При этом подчеркивается, что царь — «сын Атóма, наследник Солнца, подобие превосходное Сущего в Оне (город Солнца), который (царь) появился на свет, (будучи) одной плоти с ним (собственно, „одной плоти с которым он возник“)» (M. I, 117,1; 6). Таким образом и царь, сын Солнца от плоти его, единосущный с ним, должен быть золотым. В Текстах пирамид умерший царь — золотой телец, рожденный Небом (Pyr., 1029). Примеры эти можно было бы умножать до бесконечности, но и приведенных достаточно: Солнце и все боги, порожденные им, и в том числе все сменяющие один другого его «Сыны», царствующие над миром, который есть, собственно, Египет и какая-то враждебная, но всегда подавляемая периферия, обладают плотью-золотом.

И это не метафора, не символ, а реальность в глазах египтянина. Поэтому скульптурная мастерская, где изготовляют из дерева и камня статуи и статуэтки богов, царей, частных лиц (которые после смерти станут Солнцами, каждый в своей гробнице), называется «двором золота» (ḥwt nḥw)⁸⁶.

В титуле-имени египетского царя мы имеем, стало быть, обозначение его божественной золотой плоти⁸⁷. Первое имя называет его «двойника» (k³), второе — царя как обладателя венцов Обоих Египтов, третье же дает характеристику его золотой плоти: r'w-(m)-nbw «Солнце во плоти» (Тосор), ntrw-(m)-nbw «боги во плоти» (Ментхотп III) и т. д.

Царь — сам Солнце, сын Солнца (четвертое и пятое имена). Но Солнце — сокол, и притом золотой. Следовательно, и он та-

кой же⁸⁸. Знак мог потому обозначать и царя и Солнце.

Но Солнце, восходя каждый день на востоке, своим восходом торжествует над врагом (Апоп) или врагами в преисподней, которую оно проходит в течение ночи. Царь, воцаряясь, восходит как новое солнце. Это представление могло лежать в основе птолемеевских переводов третьего имени, но лежало ли в действительности, могут решить только новые случаи полного написания имени, если такое удастся обнаружить.

¹ [H. Schäfer, W. Wreszinski u. and.]. Aegyptische Inschriften aus den Königlichen Museen zu Berlin. 1. Lpz., 1913, c. 138, 268.

² J. Gwyn Griffiths. Remarks on the Horian Elements in the Royal Titulary. — ASAE 56, 1959, c. 63—86.

³ W. Barta. Zum Goldnamen der ägyptischen Könige im Alten Reich. — ÄZ 95, 1969, c. 80—88.

⁴ Зете также не указывает изучающему тексты его хрестоматии (K. Sethe. Aegyptische Lesestücke. Lpz., 1924; он же. Erläuterungen. Lpz., 1927), как следует читать это имя.

⁵ A. H. Gardiner. The Egyptian Grammar, 3d ed. Ox., 1956, c. 72—73.

⁶ Слова hrw и nbw я транслитерирую в соответствии с коптскими hōr и nūb, явно двусложными структурами.

⁷ Готье в LR (сокращение для H. Gauthier. Le livre des rois d'Égypte. T. 1—5. Le Caire, 1907—1922=MMFAO. T. 17—24) II, 214, IIIA, приводит написание титула *hrw nj nbw, но это, конечно, ошибка, см. примеч. 49.

⁸ LR I, 51, V; H. Müller. Die formale Entwicklung der Titulatur der ägyptischen Könige. Glückstadt—Hamburg—New York, 1938, c. 56. Ср., однако: P. Kaplony. Steingefäße mit Inschriften der Frühzeit und des alten Reichs. Bruxelles, 1968 (Monumenta aegyptiaca, 1), c. 68, примеч. 140.

⁹ H. Müller. Die formale Entwicklung... c. 56; H. Schäfer. Der Reliefschmuck der Berliner Tür aus der Stufenpyramide und der Königstempel Hr-nb. — MDAIK 4, 1933, c. 1—17.

¹⁰ R. Weill. La IIe et la IIIe dynasties (Annales du Musée Guimet, Bibliothèque d'étude, t. 25). P., 1908, c. 92; P. Kaplony. Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit (Ägyptische Abhandlungen, 8). III. Wiesbaden, 1964, табл. 132/805; W. Barta. Zum Goldnamen... c. 82.

¹¹ LR I, 63; M. Borchardt und M. Pieper. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. Lpz., 1912 (далее — Handb.), c. 10, 50; G. A. Reisner. Articles of Queen Hetep-heres I, the Mother of Cheops. —

BMFA 25, 1927, обложка. К имени (Снофру) см.: J. Černý. The True Form of the Name of King Snofru. — RSO 38, 1963, c. 89—92.

¹² LR I, 53, XVI; Handb., 8, 42; P. Barget. La stèle de la famine, à Séhel. Le Caire, 1953 (IFAO, Bibliothèque d'étude, t. 24), табл. III, 1. Ср. LR IV, 108, XII, B.

¹³ R. Weill. Monuments égyptiens divers. — Rec. 36, 1914, c. 84, табл. V, 1. Имя по Манефону — Sufis.

¹⁴ LR I, 72—78; Handb., 11, 51; H. Müller. Die formale Entwicklung... c. 58.

¹⁵ E. Chassinat. A propos d'une tête en grès rouge du roi Didoufré (IVe dynastie), conservée au Musée du Louvre, Monuments Piot. T. 25,

P., 1921—1922, c. 63. Сохранилось, собственно, лишь , но допол-

нение Шасина едва ли вызывает сомнение. Шасина в наборе передает

имя , но указывает, что в действительности соколы — на под-

ставке (там же, примеч. 2). Знаки и определенно равноценны,

ср., например, написание и в титулатуре Таткере.

¹⁶ Handb., 12, 57; S. Schott. Zur Krönungstitulatur der Pyramidenzeit. — «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen». Göttingen, 1956, I, № 4, c. 68—70.

¹⁷ LR I, 163—168; S. Schott. Zur Krönungstitulatur... c. 66. К имени nmtj-m-zj.f см. теперь: ВДИ. 1969, № 1, c. 25.

¹⁸ LR I, 151—161; Handb., 15, 68; H. Müller. Die formale Entwicklung... c. 60.

¹⁹ LR I, 89, 17; Handb., 11, 53; H. Müller. Die formale Entwicklung... c. 58—59. К чтению имени Хафре см.: Ranke, PN II, c. 257—258.

²⁰ LR I, 99, 21; Handb., 11, 54; H. Müller. Die formale Entwicklung... c. 59.

²¹ Ср.: S. Schott. Zur Krönungstitulatur...

²² W. M. Flinders Petrie. Historical Scarabs. L., 1889, c. 61.

²³ Ср. имя последнего царя II династии: «Вос-

сияли Оба мощных (или Обе мощи)», в котором упокоились Оба Владыки»

(Handb., 8, 41), где = , причем оба несомненно обозначают богов Хора и Сета. Ср.: P. Kaplony. Steingefäße... c. 65 и сл.

²⁴ LR I, 118, VII (ошибка); Handb., 12, 58; H. Müller. Die formale Entwicklung... c. 59; S. Schott. Zur Krönungstitulatur... c. 74.

²⁵ LR I, 222—223; Handb., 24, 118.

²⁶ LR I, 124—129; Handb., 13, 61; H. Müller. Die formale Entwicklung... c. 59; S. Schott. Zur Krönungstitulatur... c. 69.

²⁷ LR I, 169—176; Handb., 16, 70; H. Müller. Die formale Entwicklung... c. 62.

²⁸ LR I, 243, I; 245, IX (ошибка); Handb., 25, 119 (ошибка); J. Couyat, P. Montet. Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât. Le Caire, 1912, № 114 (MMFAO, 34). К сожалению, строка с титулатурой не воспроизведена на табл. XXXI в этом издании. Ср.: H. Gauthier. Quelques additions au Livre des rois d'Égypte. — Rec. 40, 1923, с. 186—187.

²⁹ Handb., 13, 60.

³⁰ LR I, 134—135; Handb., 14, 63; H. Müller. Die formale Entwicklung... с. 60; S. Schott. Zur Krönungstitulatur... с. 75.

³¹ LR I, 139—140; Handb., 14, 64; S. Schott. Zur Krönungstitulatur... табл. III.

³² H. Gauthier. Quelques additions... с. 185—186.

³³ Handb., 23, 114; H. Gauthier. Quelques additions... с. 187.

³⁴ H. Gauthier. Quelques additions... с. 184.

³⁵ Там же, с. 186. См. также: R. Bisson de la Roque, Tôd, 1934—1936. Le Caire, 1937 (FIFA O, XVIII), с. 98—99, рис. 52.

³⁶ J. von Beckerath. Zur Begründung der 12. Dynastie durch Ammenemes I. — AZ 92, 1965, с. 4—10. К доводам, приведенным Бекератом в пользу атрибуции этой титулатуры, увековеченной на жертвеннике, царю Аменемхэ I, добавим: форма жертвенника характерна для начала XII династии, когда царствовал Аменемхэ I, ср. жертвенник CM (см. примеч. 59) 23069, относящийся к тому же времени, что и Ханубекне надписи номарха nhrj I (к датировке последних см.: W. Schenkel. Frühmittel-ägyptische Studien. Bonn, 1962, § 31—35; E. Blumenthal. Die Datierung der Nhrj — Graffiti von Hatnub. — Aof 4, 1976, с. 35—621).

³⁷ LR I, 229, III; Handb., 24, 116.

³⁸ E. Edel. Altägyptische Grammatik. Roma, 1955, § 91.

³⁹ LR I, 253—263; Handb., 25, 120.

⁴⁰ LR I, 265—282; Handb., 26, 121.

⁴¹ P. E. Newberry. Beni Hasan (далее — BH). I. L., 1893, табл. VIII, 2. Надпись датирована 43-м годом царствования Сенвостре I.

⁴² LR I, 287, XIV; Handb., 26, 122.

⁴³ LR I, 285, II, III.

⁴⁴ LR I, 296—297.

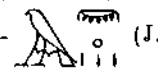
⁴⁵ LR I, 302—315; Handb., 27, 124.

⁴⁶ LR I, 319—336; Handb., 27—28, 125.

⁴⁷ LR I, 341, I; Handb., 29, 128.

⁴⁸ LR II, 40, I; 72, II; Handb., 35, 158, 50, 257.

⁴⁹ Urk. IV, 88, 13; LR II, 214, III, A. Готье читает ошибочно

 ; на деле — (J. de Morgan et al. Catalogue des

monuments et inscriptions de l'Égypte Antique. I. Vienne, 1894, с. 41, 185 (далее — M. I); PM V, 248; Texts containing royal names). Urk. IV, 80, 13; LR II, 212, I; CM 34006 (ср. примеч. 59); ср. также: Rec. 16, с. 68; LR III, 71, CLV.

⁵⁰ LR II, 217, XII, D.

⁵¹ Фотографическое воспроизведение обломков этой надписи (Берлинский музей) см.: И. М. Волков. Древнеегипетский бог Себек. Пг., 1917 (Зап. ист.-фил. фак-та Петрогр. ун-та, ч. CXL), табл. VI—VII. О соотношении рассказов Аменемхэ III и Хашепсут см.: S. Schott. Zum Krönungstag der Königin Hatschepsut. — «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen». Göttingen, 1955, I, № 6, с. 201, примеч. 20.

⁵² Ю. Я. Перепелкин. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 1. Кн. 1—2. М., 1967, с. 280—290.

⁵³ Там же, с. 288.

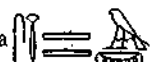
⁵⁴ Впервые при Рамсесе I: LR III, 4, IX.

⁵⁵ Транслитерация в соответствии с коптским 'b'ak.

⁵⁶ A. H. Gardiner. The Egyptian Grammar³, с. 73.

⁵⁷ Еще при XVIII династии встречаются структуры смешанного типа:

 (LR II, 200, XIV; ср. 255, VII; 256, XII, B; 265, XLVI, A). При

XXVI желание писать «по-древнему» приводит к написаниям типа

(Априй: LR IV, 105, V, A). «Сокол», предваряющий знак «золото», а не стоящий на нем, встретился уже при Аменемхэ III (LD II, 138, g=LR I, 322, XVI), изменяемая часть имени при этом была размещена на знаке «золото». В I тысячелетии зарегистрированы аналогичные написания, с той разницей, однако, что изменяемая часть следует за знаком «золото», а «сокол» предшествует ему; ср. LR IV, 75, XXXIV, B; 177, XXVII, C. Заслуживают быть отмеченными варианты лейденского папируса 348 в титулатуре Рамсеса II: дважды знак «золото» заменяется знаком «владыка» (те же согласные), ср. A. H. Gardiner. Late-Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937, с. 132—133 (Bibliotheca aegyptiaca, 7).

⁵⁸ См.: H. Brugsch. Uebereinstimmung einer hieroglyphischen Inschrift von Philae mit dem griechischen und demotischen Anfangstexte des Dekrets von Rosette. B., 1849 (мне недоступна). Ср.: K. Sethe. Urgeschichte und älteste Religion der Ägypten. Lpz., 1930 (Abh. für die Kunde des Morgenlandes, Bd XVIII, Nr. 4); F. Daumas. Les moyens d'expression du Grec et de l'Égyptien. Le Caire, 1952 (Suppl. aux ASAE, cahier № 16), с. 190.

⁵⁹ Urk. II, 170, 1. Утраченная в Розеттском камне строка с полным титулом-именем Эпифана (пероглифический текст) дополняется по дубликату из Нобайра: CM 22188. В настоящей работе мы ссылаемся на следующие номера общего каталога Каирского музея: 20001—20780 (H. O. Lange und H. Schäfer. Grab- und Denksteine des Mittleren Reiches. T. 1—4. B., 1902—1925); 23001—23246 (M. Kamal. Tables d'offrandes. T. 1—2. Le Caire, 1904—1905); 30601—31166; 50023—50165 (W. Spiegelberg. Die Demotischen Denkmäler. Bd 1—2. Lpz., 1904—1932); 34001—34189 (P. Lacau. Stèles du Nouvel Empire. T. 1—3. Le Caire, 1909—1957).

⁶⁰ Urk. II, 199, 11. К сожалению, воспроизведение декрета у Лепсиуса неудовлетворительно (LD VI, 28, 34), в гораздо же более тщательном издании В. Макса Мюллера первые строки декрета не учитываются вовсе. Ср. W. Max Müller. The Bilingual Decrees of Philae. — Egyptological Researches. Vol. III. Wash., 1920.

⁶¹ H. Gauthier et H. Sottas. Un décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV. Le Caire, 1925, с. 32, строка 2 демотической надписи.

⁶² H. Wilcken. Eine ägyptische Königstitulatur in griechischer Übersetzung. — «Archiv für Papyrusrorschung». Lpz., 1901, I, с. 480; L. Mitteis, U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde. I. Lpz., 1912, с. 138, № 109; Fr. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyrurkunden, Bd III. B., 1929, с. 35.

⁶³ Ср. LR, IV, 277, VIII.

⁶⁴ Даты декретов Эпифана: Rosettana — год 9-й, Philensis II — год 19-й, Philensis I — год 21-й, копия Rosettana из Нобайра — год 23.

⁶⁵ H. Brugsch. Die Ägyptologie. Lpz., 1891, с. 202.

⁶⁶ LR V, 101, C.

⁶⁷ См. примеч. 52.

⁶⁸ P. A. A. Boeser. Beschreibung der ägyptischen Sammlung des Niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden. [II]. Die Denkmäler der Zeit zwischen dem Alten und Mittleren Reich und des Mittleren Reiches, Abt. I. Stelen, табл. IV, № 5 (далее — Leid., 5). Стела и в особенности датировочное указание неоднократно издавались и изучались. Литературу см. в издании Бузера (с. 3), LR I, 285, II.

⁶⁹ W. K. Simpson. The Single-Dated Monuments of Sesostris I: an

Aspect of the Institution of Coregency in the 12th Dynasty. -- JNES 15, 1956, с. 214 и сл.

⁷⁰ Транслитерация все еще проблематична: с XIX династии его трактуют как bjkw «сокол».

⁷¹ Н. Schäfer. Zur Geschichte der Königstitulatur. — ÄZ 41, 1904, с. 87—88.

⁷² К. Sethe. Der Horus- und der nb.tj-Name des Königs Cheops. — ÄZ 62, 1927, с. 1—3.

⁷³ Шефер ссылается и на Лейденскую стелу как на пример аналогичной структуры в третьем имени, но лейденский протокол был доступен ему лишь в ошибочном воспроизведении Лепсиуса (C. R. Lepsius. Königsbuch der alten Ägypter. B., 1858, 180 с), и оценить его он поэтому не мог. Ср. ÄZ 41, с. 88.

⁷⁴ S. Schott. Zur Krönungstitulatur. . . , с. 55 и сл.

⁷⁵ Ranke, PN II, 48, примеч. 1.

⁷⁶ Н. Brugsch. Die Ägyptologie, с. 202.

⁷⁷ A. Moret. Le titre «Horus d'or» dans le protocole pharaonique. — Rec. 23, 1901, 23—32 (ср. Piehl, Sphinx 4, 59—60; 6, 185—186); он же.

Sur le titre . — «Sphinx» 11, 1908, с. 33—35; он же. Du caractère religieux de la royauté pharaonique. P., 1902 (Annales du Musée Guimet, Bibl. d'étude, t. 15), с. 21—22.

⁷⁸ Ср.: E. Vernier. L'or chez les anciens Egyptiens. — BIFAO 25, 1925, с. 167—173; F. Daumas. La valeur de l'or dans la pensée égyptienne. — RHR 149, 1956, с. 3 и сл.; он же. Les Mammisis des temples égyptiens. P., 1958, с. 157—158; он же. La scène de la résurrection au tombeau de Pésoiris. — BIFAO 59, 1960, с. 63—80 (ср. Chr. 89, 94); J. Vandier. Le papyrus Jumilhac. P., [1961], с. 65, 180, примеч. 370.

⁷⁹ C. E. Sander-Hansen. Historische Inschriften der 19. Dynastie. Bruxelles, 1933 (Bibl. aegypt. IV), с. 27; S. Schott. Kanais, der Tempel Sethos I, im Wädi Mia. — «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen». Göttingen, 1961, I, № 6.

⁸⁰ A. M. Blackman. Middle-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932 (Bibliotheca aegyptiaca, II).

⁸¹ Pap. Amherst 2, 5—6 (tp-wtj «маска»).

⁸² Там же (wt «саркофаг»).

⁸³ Золотым листом покрыто лицо статуэтки CM 48330.

⁸⁴ Рассказ Синухе, В 307—308: «А статуя моя покрыта золотом, набедренная повязка ее из светлого золота».

⁸⁵ В. Bruyère. Tombes thébaines de Deir el Médineh à décoration monochrome. Le Caire, 1952, с. 9.

⁸⁶ Wb. II, 238—239, III, 2, D.

⁸⁷ Позднее написание имени бога Nmtj (прежде читали 'ntj) объяс-

нено папирусом Жюмилляк как плоть (у бога она золотая), снятая с костей провинившегося бога и положенная у его ног (ср. ВДИ. 1969, № 1, с. 26). Второе имя богини Хатхор, «Золото», объясняется аналогичным образом. «Хатхор» значит «двор/дом Хора», т. е. то, в чем он находится, плоть, в которую облечено божество.

⁸⁸ Гардинер в статье «Horus the Behdetite» (JEA 30, 1944) высказал мнение, что солнце, изображаемое над царем, в том числе и крылатый диск, —

сам царь. Оба единичны, но египетские картины мира предполагают изображение двух владык мира: солнца и царя. Поэтому группу знаков

 надо толковать не только в смысле: сокол-царь есть солнце, но и в том,

что солнце есть сокол. Точно так же образ на знаменитых пекторальных из Дашура (J. De Morgan. Fouilles à Dahchour [1]. Vienne,

1895, табл. XV) означает, что солнце — золотой сокол. Знак в зна-

чении «солнце» см.: W. Needler. A Thirty-Square Draught-Board in the Royal Ontario-Museum. — JEA 39, 1953, с. 74—75. «Хор bḥdtj», кры-

латое солнце, было логично в поздней иероглифике обозначать .

И. В. Виноградов

ДАННЫЕ ПАПИРУСА ВИЛЬБУР О ХА-ТА ФАРАОНА

Изданный А. Х. Гардинером уникальный хозяйственный источник рамессидского времени — папирус Вильбур¹ состоит из двух документов — текстов А и В.

Текст А является списком значительной части земель, расположенных по левобережью Нила в пределах XVII, XX и XXII верхнеегипетских номов. Подавляющая часть зафиксированных в нем земель находилась в распоряжении храмов, остальная земля состояла под контролем светской администрации, причем среди последней преобладала категория, обозначенная термином «ха-та фараона» ($\text{ḥt}-\text{t} \text{ pr}^{\text{c}}$). Этой категории земли были посвящены 18 из 279 параграфов текста А, и именно ими завершились первые три из четырех секторов документа².

Расположенный на оборотной стороне папируса текст В целиком посвящен ха-та фараона.

Установлено, что оба текста были объединены не механически, между ними существует органическая связь, причем в известной мере она была выявлена еще издателем. По определению Гардинера, земли текста В располагались примерно в том же районе, что и земли текста А³, а лица, записанные в заглавных строках параграфов текста В, нередко встречаются и в тексте А, строки же локализации участков земли часто совпадают в обоих текстах⁴.

Однако характер этой связи до сих пор остается неясным, а попытки его объяснения неубедительными.

Этимология слова «ха-та» ($\text{ḥt}-\text{t}$) известна. Этот термин в Древнем и Среднем царствах служил эквивалентом для обозначения земельного участка площадью 10 арур⁵ (1000 земельных локтей)⁶. Применение термина в сочетании с метонимическим обозначением живущего царя pr^{c} (фараон) требует дальнейшего изучения.

Шпигельберг был первым, кто указал на специфическое употребление этого термина в качестве категории земли, являющейся достоянием царя⁷. При определении значения этой категории

ученый опирался на папирус Салье I, где ха-та фараона встречается при перечислении нескольких разновидностей царской земли⁸.

Взгляд на ха-та фараона как на одну из категорий царской земли с тех пор, по существу, оставался неизменным⁹. Однако новые материалы, естественно, заставляли вносить коррективы в это определение. Оказалось, что земли, обозначенные этим термином, располагались в основном на полях, закрепленных за храмами, о чем свидетельствует в первую очередь обширный материал папируса Вильбур. Определив, что ха-та фараона располагалась, в основном, на землях храмов, Гардинер вместе с тем замечает, что эта категория отличается от подлинной храмовой земли¹⁰. Как совместить тот факт, что ха-та фараона, располагаясь на землях храмов, в то же время противопоставляется им в египетских хозяйственных источниках? Пытаясь сгладить эти противоречия, Гардинер считает ха-та фараона достоянием царя, находящимся тем не менее в распоряжении храмов и частных лиц, от которых она периодически возвращается короне¹¹.

Близок к мнению Гардинера относительно ха-та фараона Хельк. Он полагал, что ха-та фараона является категорией царской земли, участками которой вместе с тем владеют частные лица. В случае смерти последних, если они не имели наследников, эти участки переходят в ведение царской администрации до нового их распределения другим лицам¹².

Оба положения, выведенные преимущественно на основе материала папируса Вильбур, представляются, однако, неубедительными, поскольку оставляют без объяснения как статут ха-та фараона в системе храмовой земли, так и причину передачи ее храмам и последующего возвращения в ведение царской администрации; указание же на то, что ха-та фараона находилась в пользовании частных лиц, вообще крайне сомнительно¹³.

Вместе с тем представляется, что именно папирус Вильбур дает ответ на вопрос о статуте ха-та фараона.

Прежде всего необходимо остановиться на параграфах, посвященных ха-та фараона, в системе записей текста А. По своему содержанию параграфы текста А распадаются на два вида — недолевые и долевы. В недолевых параграфах с зафиксированных в них земель исчислялся урожай по нормам 5, 7 1/2 и 10 хар¹⁴ с 1 аруры, по-видимому, с целью отчуждения¹⁵. Назначение долевым параграфов состояло в выделении доли урожая отдельным лицам, в том числе и представителям храмового персонала¹⁶. Характерно, что только храмы располагали землей, фиксируемой одновременно в обоих видах записанных друг за другом параграфов.

В этом отношении следует отметить известное противопоставление параграфов, посвященных ха-та фараона, параграфам, фиксирующим землю, числящуюся за храмами. В отличие от земли,

находящейся в распоряжении храмов, все комплексы ха-та фараона группируются исключительно в недолевых параграфах. Не следует забывать и о самом расположении параграфов ха-та фараона в тексте А; как уже говорилось, именно они замыкают каждый завершённый сектор документа.

Вместе с тем не вызывает сомнений тесная связь этих противостоящих друг другу частей документа. Эта связь выявляется благодаря долевым записям типа А и В. Назначение этих согласующихся записей состоит в следующем. Долевая запись типа А фиксирует отчисление доли урожая с определенного участка земли, записанного в недолевом параграфе, названному в этой записи храму. Она же фиксируется вторично в соответствующем долевым параграфе храма, которому отчисляется.

Например:

§ 207. 74,34. Ха-та фараона § 171. 64,35. Урожай доли этого
под началом жреца [до- дома¹⁸.
ма] Амона-Чаифа в по-
селении Чаиф.
74,35. Измерено к югу
от Сапа.
74,36. Его участок земли
(^{cht}-f) 10 мз¹⁷ 5 мз 50.

74,37. Доля Амона-Чаи-
фа в поселении Чаиф
3³/₄ хара.

В цитируемом слева недолевом параграфе долевая запись типа А (74,37) фиксирует отчисление доли в 3³/₄ хара от урожая с единственного в этом параграфе участка ха-та фараона (74,36) дому Амона-Чаифа. Справа в долевым параграфе, относящемся к землям именно этого дома, та же доля отмечена в долевой записи типа В (64,37). В таких записях долевое отчисление выражается не через прямую фиксацию отчисляемого зерна, как в долевых записях типа А, а косвенно, через трехчленную цифровую запись, первый член которой фиксирует участок земли в арурах¹⁹, второй — четвертую часть этого участка и третий — постоянную норму отчисления с одной аруры, равную 1²/₄ хара.

Гарднер доказал, что произведение второго и третьего членов всегда равно величине отчисления в соответствующей доле- вой записи типа А²⁰. В нашем примере $1\frac{2}{4} \times 2\frac{1}{2} = 3\frac{3}{4}$ (хара), что и значится в приведенной выше долевой записи типа А (74,37).

Установлено также, что величина долевого отчисления была стабильной и равнялась 71¹/₂% общего количества зерна, зафиксиро- ванного в третьем члене цифровой записи недолевого параграфа²¹.

При рассмотрении параграфов, посвященных ха-та фараона, выяснилось, что фиксация большинства участков сопровождается долевыми записями типа А, иными словами, с этих участков неизменно отчисляется определенным храмам доля урожая, рав- ная 71¹/₂%, и доли эти действительно фиксируются в долевых записях типа В долевым параграфов соответствующих храмов²².

Возникает вопрос, на каком основании храмы получали ста- бильную долю урожая с ха-та фараона. При попытке ответить на него желательно прежде всего установить, в чье распоряжение непосредственно поступала доля, фиксируемая в согласующихся до- левых записях типа А и В. В этом отношении интересные сведения можно почерпнуть из анализа долевым записей типа В.

Необходимо отметить, что в отличие от записей недолевым параграфов, в которых для составителей документа по характеру самих записей было не обязательно указание лица, ответственного за тот или иной комплекс или участок земли²³, в начале долевым записей типа В неизменно выписывалось лицо, за которым был закреплён зафиксированный в них участок (в приведенном при- мере — это земледелец Несипмен, см. 64,37).

К тому же многие долевые записи типа В свидетельствуют о том, что фиксируемые в них лица ответственны именно за данный, конкретный участок земли в отличие от лиц, записанных в не- долевым параграфах, которые, по всей видимости, осуществляли общий контроль над целыми комплексами участков земли²⁴.

Указывает ли подобное обстоятельство на то, что долевое отчисление поступало не вообще в распоряжение храма, а непо- средственно лицу, записанному в начале долевой записи типа В? Это предположение подтверждается тем, что долевые записи типа В находятся в параграфах, посвященных в основном отчислению доли от урожая с участков храмовой земли конкретным лицам²⁵, а также самим написанием некоторых долевым записей типа В среди записей, конкретно указывающих на лицо или лица, которым отчисляется доля.

Например:

63,37. Жрец-уаб Сетхшедсу вместе с его сыновьями 5.[1¹/₂?]
мз [1²/₄]²⁶.

63,38/39. Еще доля (kj ps) с участка ха-та фараона. . . 10²⁷.
5мз 1²/₄.

Здесь долевая запись типа В (63,38/39) фиксирует выделение доли жрецу-уабу Сетхшедсу с сыновьями, наряду с долей от участка земли, зафиксированной в предшествующей записи типа С (63,37), которая, безусловно, посвящена выделению доли этим лицам²⁸.

Итак, материал документа свидетельствует, что долевое от- числение, фиксируемое в согласующихся долевым записях типа А и В, поступает непосредственно в распоряжение лиц, записан- ных в начале долевым записей типа В, в подавляющем большин- стве случаев — земледельцев (^{cht}wtjw)²⁹. Естественно предполо-

жить, что они и обрабатывали числящиеся за ними конкретные участки земли и именно за это им и выделялось долевое отчисление. Понятна в таком случае и постоянная величина этого отчисления.

Как уже говорилось, для комплексов ха-та фараона в тексте А были характерны отчисления в пользу определенных храмов или, как теперь можно уточнить, в распоряжение представителей храмового персонала — людей, ответственных за обработку этих комплексов.

Следовательно, материал текста А свидетельствует о том, что участки ха-та фараона обрабатывались храмовыми земледельцами, иными словами, земли, обозначенные термином ха-та фараона, лишены собственного персонала.

Несомненно, урожай, собираемый с участков ха-та фараона, отчислялся в закрома государства³⁰. Отсюда следует сделать единственно возможный вывод: ха-та фараона — не одна из категорий царской земли, а форма отчисления части урожая с земель, находящихся в распоряжении храмов, в пользу царской администрации. Естественно, что выделение ха-та фараона как чистого дохода царя с этих земель имело для царской администрации чрезвычайно большое значение. Закономерна была и необходимость создания сводных списков ха-та фараона. Именно таким списком для своего района является текст В, но источником такого сводного списка должны были быть какие-то первоначальные документы. Текст А является, по-видимому, примером такого источника. В этом отношении показательным само расположение в нем параграфов о ха-та фараона в конце каждого сектора документа.

Создается впечатление, что записи участков ха-та фараона, рассредоточенные в пределах каждого большого сектора в параграфах, фиксирующих земли, закрепленные за храмами, в конце его сгруппировывались вместе в отдельные параграфы, образуя тем самым первоначальные ячейки сводного списка ха-та фараона, подобно тексту В.

Именно это и подтверждает сопоставление параграфов ха-та фараона текста А с соответствующими параграфами текста В.

Возьмем для примера § 44, первый параграф, посвященный ха-та фараона в тексте А, и сопоставим его с записями § 7 текста В.

	Текст А, § 44		Текст В, § 7
20,5.	Ха-та фараона под началом штандартноносца столицы Мернептаха.	10,2.	Ха-та фараона под началом штандартноносца столицы Мернептаха.
		10,3.	Район севернее стены Пачеси, на полях дома Ра, земли каит ³¹ 100 + x арур.

20,6.	Измерено на прибрежной земле севернее стены Пачеси.	10,4.	Район прибрежной земли севернее этого места (см. 10,3), на полях дома Ра, земли каит 10 арур.
20,7.	Участок земли земледельца Джухути 3 ма 5 мз 15		
20,8.	Доля дома Ра... 1 $\frac{1}{2}$ хара.		
20,9.	Измерено у пруда Хериб.	10,7.	Район пруда Хериб, на полях дома Ра, земли каит 12 арур.
20,10.	Его земля 5 мз 5 мз 25.		
20,11.	Доля дома Ра... 1 $\frac{3}{4}$ $\frac{1}{8}$		
20,12/13.	Измерено на прибрежной земле западнее новой земли Самет.	10,5.	Район прибрежной земли западнее новой земли Самет, на полях этого дома, земли каит 2 аруры.
20,14.	Его земля 2 мз 5 мз 10.		
20,15:	Доля дома Ра... $\frac{3}{4}$.		

Из приведенного сопоставления параграфов вытекает следующее: 1) заглавные строки параграфов совершенно одинаковы (20,5=10,2), иными словами, ха-та фараона, зафиксированная в § 44 текста А и в § 7 текста В, находилась под управлением одного и того же лица — штандартноносца столицы Мернептаха; 2) строки, фиксирующие места расположения участков земли ха-та фараона в § 44 текста А, полностью совпадают с соответствующими строками § 7 текста В (20,6=10,4 20,9=10,7 20,12/13=10,5); 3) согласно долевым записям типа А в § 44 текста А (20,8 20,11 20,15), ха-та фараона была расположена на землях дома Ра, на землях этого же дома находилась и ха-та фараона в § 7 текста В (10, $\frac{3}{4}$ 10,7 10,5); 4) и величина участков в обоих сопоставляемых параграфах или равна (2 аруры соответственно в стк. 20,14 и 10,5), или же в тексте В превышает величину участков ха-та фараона, зафиксированных в тексте А (10 и 12 арур в стк. 10,4 и 10,7 текста В по сравнению с 3 и 5 арурами в стк. 20,7 и 20,10 в тексте А).

Такая же закономерность проявляется при сопоставлении большинства параграфов, посвященных ха-та фараона, текста А с соответствующими параграфами текста В.

Так, при сопоставлении заглавных строк соответствующих параграфов оказалось, что в них записаны одни и те же лица: местный князь южного Шэ (А § 46.20,36=В § 13.15,24), местный князь Мерур (А § 45.20,16=В § 12.15,7), начальник царских помещений (А § 48.21,4=В § 21.19,8), вновь штандартносец Мер-

нептах³² (А § 113.43,12=В § 7.10,24), начальник жрецов (А § 114.43,16=В § 9.13,2), царский писец, начальник дома Усер-маатранехт (А § 201.72,34=В § 1.1,1), местный князь Сепермеру (А § 202.73,30=В § 15.16,21), начальник скота храма в доме Птаха (А § 203.73,37=В § 17.17,26), жрец дома Сета, владыки Сепермеру, Хи (А § 205.74,11=В § 23.19,28), начальник скота Рамес, который умер (А § 204.74,5=В § 19.18,18), жрец храма Амона в поселении Чапф (А § 207.74,34=В § 42.23,35).

В большинстве случаев при сопоставлении параграфов обоих текстов совпадают и строки, фиксирующие места расположения участков земли, а также и распределение их по храмам, о чем в отношении записей параграфов ха-та фараона в тексте А можно судить по долевым записям типа А, в которых эти храмы указываются.

Для сопоставления величины участков земли ха-та фараона согласующихся записей параграфов ха-та фараона текста А с записями текста В ниже нами приводится таблица этих участков.

Таблица сопоставимых участков ха-та фараона текстов А и В

Текст А			Текст В		
§	Строка	Участок	§	Строка	Участок
44	20,9	5	7	10,7	12
44	20,6	3	7	10,4	10
44	20,12	2	7	10,5	2
45	20,21	25	12	15,11	...
45	20,31	10	12	15,12	72
45	20,28	10	12	15,20	100
45	20,17	30	12	15,8	40
45	20,24	30	12	15,10	50
45	20,26	80	12	15,13	180
46	20,35	60	13	16,6	40
47	20,38	20	18	18,6	40
47	20,41	30	18	18,10	60
47	20,44	10	18	18,11	20
47	21,1	[20]	18	18,15	40
48	21,5	20	21	19,15	80
113	3,14	20	7	10,17	30
114	43,17	20	9	13,9	20
115	43,23	12	16	17,14	10
116	43,26	30	30	22,12	40
201	74,35	5	2	3,24	40
201	72,37	20	2	3,26	9
201	73,9	5	2	3,25	...
201	72,35	5	2	3,22	40

201	73,12	4	2	3,25	10
202	73,31	8	15	16,23	20
202	73,33	2	15	16,22	10
202	73,35	10	15	17,11	20
203	73,41	10	17	17,28	60
203	74,1	10	17	17,30	15
204	74,6	12	19	18,19	40
204	74,8	8	19	18,21	40
205	74,12	10	23	19,29	20
205	74,19	5	23	20,4	40
205	74,25	20	23	20,3	20
205	74,15	10	23	19,30	20
205	74,17	10	23	20,1	40
206	74,31	20	30	22,13	20
206	74,29	30	30	22,12	40
207	74,35	10	41	23,32	20

Согласно этой таблице, из 39 сопоставимых участков в обоих текстах 34 участка в тексте В превышают по величине соответствующие участки текста А или равны им (А § 44.20,12=В § 7.10,5 А § 114.43,17=В § 9.13,9 А § 205.74,25=В § 23.20,3 А § 206.74,31=В § 30.22,13) и только в трех случаях (§ 46.20,35 и В § 13.16,6 А § 201.72,37 и В § 3.3,26 А § 115.43,23 и В § 16.17,14), в тексте В зафиксированы участки, по величине меньшие, чем в тексте А.

Итак, результаты сопоставлений различных записей как в параграфах, посвященных землям, закрепленным за храмами, так и особенно в параграфах ха-та фараона в тексте А с записями текста В показывают, что связь этих двух документов не является случайной. Для уяснения причин этой связи рассмотрим подробно уже известный параграф 7 текста В. В нем зафиксировано около 60 различных участков ха-та фараона, и, как мы видели, только три из них имеют соответствия с § 44 текста А, фиксирующим ха-та фараона с земель дома Ра, в то время как в § 7 записан 31 участок ха-та фараона с земель этого дома (10,3—15, 23—30 11,1—3, 7—9, 11—16), один участок неизвестного храма в доме Ра (11,24), а также ха-та фараона с полей дома Амона-Ра (10,17—19, 11—17), дома Тота-Перуджа (10,16), храма в Абджу (11,4), дома Хоршефи (11,25 11,29), дома Птаха (11,5), Великого места в доме Птаха (11,6), с полей фараона (10,20—21 и 11,18). Следовательно, штандартносец столицы Мернептах был ответствен за ха-та фараона с большого комплекса земель различных храмов, а § 44 в тексте А служил материалом для § 7 текста В, фиксировавшего, по-видимому, полный комплекс ха-та фараона с земель, закрепленных за храмами, ответственность за которые нес штандартносец столицы Мернептах. Это в равной мере относится ко всем параграфам ха-та фараона в тексте А.

Итак, по отношению к тексту В текст А (в первую очередь параграфы, посвященные ха-та фараона) являлся своеобразным черновиком, на основании которого и составлялся текст В. Становится понятным, почему участки ха-та фараона в тексте В, как правило, превышали сопоставимые участки текста А, ибо в каждом конкретном районе в принципе могло быть несколько участков, обрабатывавшихся или находившихся под управлением различных лиц, но в то же время не зафиксированных в тексте А, который, как известно, дошел до нас не полностью. В этом отношении особенно характерен пример сопоставления § 47 текста А с § 18 текста В.

Текст А § 47	Текст В § 18
20,37. Ха-та фараона под началом жреца дома Хоршефи Нефера.	18,5. Ха-та фараона под началом жрецов дома Хоршефи. . .
20,38. Измерено в Паану южнее Неннесут.	18,6. Его поля: район Паану южнее Неннесут, на полях дома Хоршефи, земли каит 40 арур. . .
20,39. Участок земли земледельца Хоршефинехта 20 ма 5 ма 100.	
20,40. Доля [дома] Хоршефи. . . 7 ² / ₄ хара	18,7. Район северо-восточнее укрепления Ару, на полях этого дома, земли каит 80 арур. . . 18,8. Район восточнее озера Амамат, на полях этого дома, земли каит 104 аруры. 18,9. Район этого места, на полях этого дома, земли каит 20 арур.
20,41. Измерено у пруда Хиаи.	18,10. Район пруда Хиаи, на полях этого дома, земли каит 60 арур. . .
20,42. Его участок земли 30 ма 5 ма 150.	
20,43. Доля этого дома. . . 11 ¹ / ₄ хара.	
20,44. Измерено севернее вала Нехех.	18,11. Район вала Нехех, на полях этого дома, земли каит 20 арур.
20,45. Его участок земли 10 ма 5 ма 50.	
20,46. Доля этого дома 3 ³ / ₄ хара.	18,12. Район северо-западнее вала Рача, на полях

	этого дома, земли каит 40 арур.
18,13. Район южнее башни Рама, на полях этого дома, земли каит 40 арур.	
18,14. Район Пермаа, на полях этого дома, земли каит 60 арур.	
18,15. Район Хиаи, на полях этого дома, земли каит 40 арур.	
18,16. Район укрепления . . .	 15

21,1. Измерено в Хиаи

21,2. Его участок земли [20 ма 5 ма 100].

21,3. Доля этого дома 7²/₄ хара.

Как видно из сопоставления этих параграфов, оба они посвящены фиксации ха-та фараона с земель храма Хоршефи, причем в § 47 текста А конкретно указан ответственный за четыре записанных в нем участка жрец дома Хоршефи Нефер (А § 47.20,37), в сопоставимом же параграфе 18 текста В зафиксированный в нем комплекс ха-та фараона находится под контролем не одного определенного лица, как в тексте А, а нескольких неназванных жрецов дома Хоршефи (В § 18.18,5). Можно полагать, что в этом же районе располагались и другие участки, ответственными за которые были неизвестные нам жрецы данного храма наряду с известным уже из § 47 текста А Нефером. И действительно, при сравнении сопоставимых строк обоих параграфов (А § 47.20,39=В § 18.18,6 А § 47.20,42=В § 18.18,10 А § 47.20,44=В § 18.18,11 ³³ А § 47.21,2=В § 18.18,15) оказывается, что в § 18 текста В на тех же местах зафиксированы участки ха-та фараона, по величине вдвое большие, чем в § 47 текста А, а именно: 40 арур (В § 18.18,6), 60 арур (В § 18.18,10), 20 арур (В § 18.18,11) и 40 арур (В § 18.18,15) против 20 арур (А § 47.20,39), 30 арур (А § 47.20,42), 10 арур (А § 47.20,45) и 20 арур (А § 47.21,2) в тексте А. Наряду с сопоставимыми с текстом А участками в § 18 текста В записано еще семь участков ха-та фараона на землях дома Хоршефи (18,7 18,8 18,9 18,12 18,13 18,14 и 18,16), которые не имеют соответствий в § 47 текста А, но, по-видимому, таковые были в не дошедших до нас секторах текста А или же в другом, подобном документе.

Этот пример, пожалуй, наиболее наглядно показывает, что именно текст А служил исходным материалом для текста В или, вернее, текста, аналогичного ему, ибо сам этот документ не является непосредственной сводкой ха-та фараона в год составления текста А. Текст В, вероятнее всего, более раннего происхождения. Причину его написания на оборотной стороне папи-

руса Вильбур теперь нельзя установить с полной определенностью. Однако, как мы видели, связь его с текстом А настолько очевидна и близка, что, вероятно, из года в год, во всяком случае во время правления одного царя, отчисления ха-та фараона с земель храмов были в основном стабильными, а это позволяло, по-видимому, переписывать старый текст типа В для контроля на оборотной стороне нового текста типа А, внося в старый текст В некоторые необходимые изменения, и уже на основе этого исправленного документа приступать к составлению общего списка ха-та фараона с земель, закрепленных за храмами на данный год.

Действительно, текст В позволяет сделать такой вывод. Документ изобилует вставками, прочерками, исправлениями, внесенными в текст позже, нередко другими писцами, чего почти не обнаруживается в тексте А.

¹ The Wilbour Papyrus. Ed. by A. H. Gardiner. Vol. 1—4. Ox., 1941—1952.

² Четвертый сектор дошел до нас без конца.

³ Wilbour. II, с. 178.

⁴ Там же, с. 162—165, 175—178.

⁵ Арура (егип. stj. t) — мера площади, равная приблизительно 0,27 кв. м.

⁶ mh-tj — земельный локоть, равен $\frac{1}{100}$ аруры.

⁷ W. Spiegelberg. Rechnungen aus der Zeit Setis I. Strassburg, 1896, с. 38.

⁸ A. H. Gardiner. Late Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937, с. 87.

⁹ См.: W. Helck. Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. T. 2. Mainz, 1961, с. 275—278; И. А. Стучевский. Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта. М., 1962, с. 30—31; он же. Зависимое население древнего Египта. М., 1966, с. 95, 106; B. Menu. Le Regime juridique des terres et du personnel attache a la terre dans le papyrus Wilbour. Lille, 1970, с. 92—95.

¹⁰ Wilbour. II, с. 207.

¹¹ Там же, с. 189.

¹² W. Helck. Zur Verwaltung des mittleren und neuen Reichs. Leipzig—Köln, 1958, с. 100, 111.

¹³ Записи текста В, которые в какой-то степени могут служить обоснованием для такого утверждения, весьма малочисленны и недостаточно показательны для доказательства именно этого положения. Напротив, все записи, относящиеся к ха-та фараона текста А, и подавляющее большинство записей текста В фиксируют эту категорию на землях храмов, а не частных лиц.

¹⁴ hjr — мера зерна, равная 72 л.

¹⁵ По мнению Гардинера, зерно отчислялось в пользу светской администрации (Wilbour. II, с. 108). И. С. Лурье видит возможность отчисления этого зерна в закрома храмов (ВДИ. 1955, № 1, с. 106).

¹⁶ И. В. Виноградов. О так называемых «держателях земли» в папирусе Вильбур. — ВДИ. 1969, № 1, с. 31—43.

¹⁷ Перед вторым и третьим членами цифровой записи недолевого параграфа выписывался иероглиф jt — зерно, мера зерна (мз). Как установил Гардинер, здесь имелся в виду хар (hjr).

¹⁸ Т. е. дома Амона-Чанфа, находящегося в поселении Чанф (см. § 170. 64, 32).

¹⁹ Имеется в виду участок, который первоначально записан в соответствующем недолевом параграфе.

²⁰ Wilbour. II, с. 100.

²¹ Там же, II, с. 75.

²² Там же, с. 169—171.

²³ Нередко из заглавных строк недолевых параграфов известно только о принадлежности фиксируемого комплекса земли определенному храму, без обычного указания ответственного за эти земли лица (там же, с. 68).

²⁴ Там же, с. 198.

²⁵ И. В. Виноградов. О так называемых «держателях земли». . . , с. 36.

²⁶ В скобках восстановлены утраченные элементы записи типа С, которая отличается от долевой записи типа В только величиной второго члена, равного обычно $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ или 1 аруре, независимо от величины первого члена.

²⁷ Очевидная ошибка писца. Судя по второму члену записи (5 арур), первый должен быть в четыре раза больше, т. е. 20 арур.

²⁸ И. В. Виноградов. О так называемых «держателях земли». . . , с. 35.

²⁹ Весьма редко в начале долевых записей типа В фиксируются лица других профессий (жрецы, жрецы-уабы, писцы), однако и здесь ясно, что они ответственны за конкретные, единичные участки земли.

³⁰ Wilbour. II, с. 208.

³¹ В записях текста В термин «капт» (kjt) наряду с терминами «тени» (tnj) и «нехеб» (nhb) перед записями участков земли в арурах служит абстрактной шкалой урожайности, равной соответственно 5, $7\frac{1}{2}$ и 10 харам с 1 аруры (см.: ВДИ. 1969, № 4, с. 18—23).

³² В заглавных строках § 44 текста А и § 7 текста В он значится как «стандартоносец столицы».

³³ Здесь в тексте А (20, 44), по-видимому, дана более точная локализация участков земли.

Р. И. Рубинштейн

КНИГА МЕРТВЫХ И ОТНОШЕНИЕ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН К СМЕРТИ

Ни в одной стране древнего мира не была так развита вера в продолжение жизни после смерти, как в Египте. Поэтому среди древнеегипетских памятников письменности наибольшее количество относится к так называемой заупокойной литературе. Это в первую очередь Тексты пирамид, восходящие к Древнему царству, Тексты саркофагов эпохи Среднего царства и, наконец, Книга мертвых, окончательно сложившаяся в Новом царстве. К памятникам заупокойного культа следует также отнести росписи и надписи в гробницах, надгробные стелы и многочисленные книги, появившиеся в разное время и существовавшие наряду с Книгой мертвых, — Ам-Даут, Книга дыхания и др.

Все эти памятники чисто магического характера, их назначение — помочь человеку ожить после смерти, пребывать в течение «миллионов лет» в его «доме вечности» — гробнице. И, несмотря на веру в возможность продолжения жизни в царстве мертвых, древний египтянин не мог примириться и относиться к смерти как к переходу к вечной жизни. Кристенсен, точку зрения которого излагает Занде¹, пытается доказать, что египтяне считали смерть единственным средством, которое обеспечивает вечную жизнь, так как, прежде чем стать бессмертным, надо умереть. Но он тут же сам себе противоречит, ссылаясь на надпись Небнетеру (XXI династия): «Мимолетное мгновение, когда видишь солнце, дороже, чем вечное существование в загробном царстве». И Кристенсену пришлось добавить, что в представлении египтян о «вечной жизни» после смерти все же существовала некоторая двойственность.

Во всех письменных памятниках древних египтян (независимо от их характера — религиозно-магического или светского) красной нитью проходит основная мысль — нет ничего ужаснее смерти, нет в мире ничего прекраснее жизни на земле: «Смерть — это вечная ночь»²; «Смерть — это сон без пробуждения»³, «Смерть — это молчание»; «Смерть — это уничтожение тела и души»⁴. Тот,

кто умирает, лишается всего, чем он владел при жизни, он теряет свою семью, своих подчиненных, свое имущество. «Смерть — это великое одиночество»⁵; «Лучше половина жизни (полужизнь), чем полная смерть», — сказано в одном из писем XI династии⁶. Идеалом для египтян была долгая жизнь, не менее 110 лет. Это число неоднократно упоминается в самых разнообразных текстах, например в сказке папируса Весткар⁷. А на гробничных стелах очень часто встречается заключительная надпись, которая прямо указывает на ненависть к смерти. На стеле Хени, занимавшего высокий пост при дворе царя XI династии Антефе Великом, в конце надписи помещено обращение: «О вы, живущие на земле, любящие жизнь и ненавидящие смерть, проходя мимо этой гробницы, скажите: „Тысяча хлебов и пива, тысяча быков и гусей, тысяча воскурений и одежд, тысяча вещей всяких хороших для почтенного Хени, сына Хевит“»⁸.

Такие надписи часто встречаются на погребальных стелах. Поэтому в работах египтологов неоднократно указывается на ненависть к смерти⁹: «О вы, любящие жизнь и ненавидящие смерть». Но на необходимость произнести заклинания не обратили внимания¹⁰.

Однако сущность обращения к прохожему состоит в слове «скажи», т. е. прочти вслух все заклинание. Пока оно не произнесено, оно не действует. Только сказанное заклинание даст «живущему» в гробнице все перечисленное в надписи. Заключительная часть текста на стеле — такое же магическое изречение, из которых состоят все заупокойные тексты, и, подобно им, они должны быть сказаны. Это неопровержимо доказывает стоящий в начале каждого заклинания глагол «джед» — «скажи».

Естественный страх перед смертью восходит к очень далеким временам, к отношению первобытного человека к явлениям, которые ему были непонятны. Сон — подобие смерти, но он длится какое-то определенное время, после чего человек снова живет и действует. Смерть же вырывает человека из жизни. Он навсегда остается недвижим, значит, его жизненная сила в него не вернулась. Куда же она уходит? Что происходит с умершим, где он пребывает? Это было непонятно и необъяснимо для первобытного человека и потому страшно. Все, что находилось вне сферы привычного и понятного, все паводило на него ужас — ночная тьма, гром, молния, ураган и т. п., дикие звери и гады, духи, которыми населяла фантазия дикаря окружающий мир, и, наконец, сам покойный — его труп, который причислялся к духам. Он мог мстить за старые обиды и вообще вредить живым. Непонятна и причина смерти, т. е. болезнь, вызванная опять-таки каким-то духом, как воспринимал ее дикарь.

Страх перед умершим и боязнь вреда, который он мог причинить близким, были широко распространены в Египте. Чтобы умиловить покойного, родные писали ему письма с просьбой не навлекать на них несчастья или оказать в чем-нибудь помощь.

Подобные письма, изданные Гардинером и Зете¹¹, относятся к Среднему царству. Однако и в последующие эпохи такие же письма пишут родственники умерших. Сохранилось письмо жреца Пайноджема II¹² (XXI династия) к его покойной жене Несихонсу. Он просит ее не причинять вреда ни ему, ни его детям, обеспечить всем счастливую жизнь и продлить ее до глубокой старости. Сама же смерть воспринимается как ужасное, неотвратимое зло: «Приходит смерть, она похищает ребенка из объятий матери так же, как старого человека»¹³; «Она похищает сына у матери скорее, чем старика, который близок к ней. Все боятся ее, умоляют ее, но она не склоняет к ним своего уха»¹⁴; «Она не глядит на приношения, данные ей, чтобы умиловать ее»¹⁵. Эрман упоминает жалобу юной девушки, что смерть слишком рано взяла ее и не дала ей насладиться жизнью¹⁶.

В египетском языке насчитывается огромное количество слов и выражений, которые показывают, насколько велики были ужас, отвращение и ненависть к смерти. Полное перечисление этих терминов с указанием текстов, откуда они взяты, собрал Занде в своем труде, которому он дал характерное название «Смерть как враг»¹⁷.

Вера в загробную жизнь после смерти все же не могла преодолеть страха перед ней. Всегда оставалось сомнение, поможет ли магия действительно оживить умершего, не окажется ли он навеки погребенным во мраке и одиночестве, лишенным всех земных радостей и счастья видеть сияние солнца.

Подобные настроения характерны для таких исторических периодов, когда обостряются социальные противоречия, происходят глубокие изменения в общественной жизни, шатается установленный веками порядок. Это случилось в Египте после падения Древнего царства. Литературные произведения этого времени проникнуты скепсисом и разочарованием. Появляются сомнения в незыблемости всех устоев, теряется вера в божественное происхождение фараона, в существование загробного царства и в вечную жизнь после смерти.

В Среднем царстве появились произведения, в которых звучит сомнение в возможности вечной жизни в царстве мертвых. В «Песне арфиста» (XXII в. до н. э.) определенно выражено неверие в загробную жизнь:

... Места погребения — стены разрушены.
И мест этих нет, как не бывало.
Никто не приходит оттуда,
Чтобы рассказать нам об их существовании,
Чтобы укрепить наши сердца.

И далее после гимна наслаждению земной жизнью, которой надо пользоваться, пока живешь, песнь заканчивается наставлением:

Не печалься, пока не наступит день плача по тебе!
Не слышит жалоб тот, чье сердце перестало биться,
И плач не вернет никого из могилы.
Итак, праздный радостный день и не печалься,
Ведь никто не уносит с собой своих вещей.
И никто из ушедших туда не вернулся обратно¹⁸.

На настроении «Песни арфиста» сказались события, обусловившие падение Древнего царства. Войны и смуты, вызванные социальными противоречиями, привели к распаду единого деспотического царства на номы. Были разрушены многие гробницы, не пощадили и царские усыпальницы, поколебалась вера в божественное происхождение фараона.

В другом произведении этого времени, «Беседе разочарованного со своим духом», звучит та же мысль, которая выражена и в «Песне арфиста», хотя в целом оба произведения по своему содержанию и общему смыслу совершенно отличны друг от друга.

В «Беседе» человек, доведенный до отчаяния, решает покончить жизнь самоубийством, смерть представляется ему избавлением от земных страданий. Он сравнивает смерть с дуновением ветра в жаркий день, с выздоровлением после болезни, с ароматом лотоса, с возвращением домой после долгого пути. . . Дух всячески отговаривает человека от самоубийства. И доводы, которые он приводит, очень близки по содержанию к «Песне арфиста». Он отвечает разочарованному: «Разве ты не человек? Разве ты думаешь вечно жить? Зачем же хочешь кончить жизнь раньше времени? Если ты вспомнишь о погребении — это горе, это оплакивание, это огорчение для людей. Это исчезновение человека из его дома. . . Не выйдешь ты больше наружу, чтобы увидеть солнце»¹⁹.

Подобные настроения — скептицизм, недовольство существующим порядком — характерны для литературы Среднего царства. В это время особенно усилился рост имущественного неравенства, появилась большая прослойка бедняков, не имеющих возможности быть погребенными, как тот, «кто умирает на берегу, не оставив после себя близких, кого прикончила волна речная и зной, и беседуют с ним рыбы прибрежные»²⁰.

Б. А. Тураев считает автора беседы разочарованного «страдальцем, доведенным личными невзгодами до отчаяния»²¹. И. М. Лурье возражает Б. А. Тураеву, полагая, что это произведение выражает недовольство и протест против существующего порядка²². Тяжелая обстановка в стране в конце Среднего царства была вызвана обострением классовых противоречий и закончилась восстанием ремесленников, земледельцев и бедноты.

Иначе понимает бессмертие мудрец Дедефхор²³: человек после смерти становится прахом, его гробницы разрушаются, о нем забывают. Вечно живут в памяти потомков только люди, оставившие поучения. Их имена вспоминают, читая их книги. В этом литературном произведении вечная жизнь мыслится как память

о людях, оставивших после себя мудрые писания, в отличие от официальных религиозных воззрений, проповедуемых жрецами.

Скептицизм арфиста и разочарованного, взгляды Дедефхора противоречили интересам и жречества, и верхушки рабовладельческого общества. В некоторых произведениях появляются очень четко сформулированные представления и высказывания против подобных идей. В одном из наиболее ранних произведений — «Поучении Ахтоя Уахкара своему сыну Мерикара» — сказано: «Проходит жизнь на земле. Не долга она. . . Человек праведный живет для вечности. Избегает смерти тот, кто идет вместе с Осирисом. . . Не полагайся на долгие годы, смотрият они (судьи в загробном суде. — *P. P.*) на жизнь, как на один час. Дела их (людей. — *P. P.*) остаются после смерти, кладут дела в кучу рядом с ними. Вечность — это пребывание там (в загробном мире. — *P. P.*). Тот же, который достигает этого, не делая греха, будет подобен богу, свободно шагающему, как владыка вечности»²⁴.

В этом произведении не только подчеркнута мысль о существовании загробного царства, где жизнь длится вечно, но очень определенно выражено представление о воздаянии за земные дела на суде Осириса²⁵. Оно повторяется и в религиозной литературе, начавшей складываться в эпоху Среднего царства, когда в некоторых текстах саркофагов встречаются элементы отрицательной исповеди, получившей столь полное развитие в Новом царстве в 125-й главе Книги мертвых. В ее знаменитой «отрицательной исповеди» названы 42 греха, которые не совершил покойный во время жизни на земле. Таким образом при помощи магии утверждалась праведность умершего, что обеспечивало оправдание на суде Осириса, царя загробного мира.

Поступки, перечисленные в 125-й главе, которые согласно древнеегипетской морали считались грехами, отражают идеологию той среды, где она господствовала. Эта мораль типична для рабовладельческой и служилой знати — вельмож, чиновников всех рангов, писцов. Со 125-й главой связано заклинание 30-й главы Книги мертвых, произносимое при возложении на мумию амулета в форме сердца или скарабея. Смысл заклинания в том, чтобы сердце не свидетельствовало против покойного на суде Осириса. Произносимые изречения обеих глав во время погребального обряда обеспечивали полное оправдание покойному, независимо от того, заслуживал ли он его. Но это было доступно только тем, кто имел возможность заказать Книгу мертвых, амулеты и вообще оплатить весь ритуал погребения²⁶.

В Новом царстве заупокойная литература получает большое распространение. Именно в этот период появляется Книга мертвых; Тексты пирамид, начертанные на стенах царских усыпальниц, предназначались только для фараонов, а Тексты саркофагов находились в гробницах знати и были созданы только для них. Книга мертвых, написанная на листах папируса, была доступна уже более широкому кругу людей.

Книга мертвых, один из важнейших памятников древнеегипетской литературы, дает богатый материал для изучения погребального ритуала и представления о загробном мире. Она появляется впервые в середине II тысячелетия до н. э. и сохраняет свое значение вплоть до греко-римского периода. Хотя первые свитки папирусов Книги мертвых появляются в конце Среднего и главным образом в Новом царстве, целый ряд ее изречений восходит к более ранней заупокойной литературе — к Текстам пирамид и саркофагов.

Фактически Книга мертвых представляет собой развитие и усложнение этих двух памятников, значительно дополненных новыми изречениями, гимнами и молитвами различным богам.

Б. А. Тураев очень точно охарактеризовал значение Текстов пирамид и их роль в дальнейшем развитии заупокойной литературы древнего Египта: «В Текстах пирамид было найдено первое звено той непрерывной цепи заупокойных магических памятников, которая тянется на всем протяжении языческой цивилизации»²⁷.

Тексты пирамид представляют собой запись царского погребального ритуала, что очень убедительно доказала М. Э. Матье²⁸. В конце Древнего царства, когда намечаются первые признаки децентрализации египетской деспотии, усиливается независимое положение номархов, которые чувствуют себя самостоятельными правителями в своих номах. Они ставят себя почти наравне с царями и пишут после своего имени «анх, уджа, сенеб» — формула, бывшая раньше только прерогативой фараона. Так, например, Иха, номарх Гермopolitanского нома, в граффити на скалах Хатнубских каменоломен, сохранив полную титулатуру номарха перед своим именем, после него пишет знаменитую царскую формулу «да будет жив, здоров, благополучен»²⁹. Надпись этого номарха датируется концом VI династии. Очевидно, он был могущественным номархом, долгое время управлял номом (его надпись датирована 31-м годом его правления) и был достаточно богат, чтобы организовать большую экспедицию в Хатнуб за камнем³⁰.

В I переходный период номархи настолько чувствовали себя независимыми, что иногда даже свои имена вставляли в картуш, а на стенах их гробниц появляются изречения из Текстов пирамид; таким образом они воспринимали обряды царского погребального ритуала³¹.

Затем изречения пишут не только на стенах гробниц, но и на саркофагах: длинные прямоугольные ящики с плоской крышкой давали много места для надписей, получивших название Текстов саркофагов. Во время правления IX—X Гераклеопольских династий Тексты саркофагов широко распространяются³². Они появляются не только в гробницах номархов, но и простых египтян, происходит «демократизация» заупокойного культа. Она выражается в том, что каждый египтянин, независимо от его положения и состояния, уподоблялся богу Осирису, и, так же как он,

оживал после смерти в царстве мертвых. Поэтому во всех надписях, где упоминается покойный, перед его именем обязательно стоит «Осирис» (например, «Осирис Аменемипет»).

Таким образом вера в возможность после смерти ожить, как бог Осирис, распространяется на каждого египтянина³³.

До нас дошло очень большое количество надписей на саркофагах. Самое полное издание Текстов саркофагов, включающее все известное ранее и целый ряд новых, опубликовано А. де Буком в шести томах³⁴. Но это издание, вероятно, не охватывает всех текстов, вполне возможны находки новых, ранее неизвестных изречений Текстов саркофагов, которые послужат еще одним доказательством связи Текстов саркофагов с Книгой мертвых. Так, например, 472-е изречение, впервые опубликованное де Буком в шестом томе Текстов саркофагов, оказалось ранним вариантом 6-й (а также части 151) главы Книги мертвых. До этого 6-я глава была известна только из Книги мертвых.

Тексты пирамид были основным источником для Текстов саркофагов. Однако их нельзя считать копией Текстов пирамид, так как на саркофагах не только повторяются изречения из Текстов пирамид, но и появляются новые формулы, некоторые из них впоследствии целиком вошли в Книгу мертвых. Дополнение надписей на саркофагах характерно для конца Среднего царства, в то время как в более ранних преобладают изречения из Текстов пирамид. На основании этого Б. А. Тураев сделал закономерный вывод: «Таким образом, эти сборники (т. е. Тексты саркофагов) являются переходной стадией от пирамид к заупокойным папирусам Нового царства, содержащим в себе огромное количество текстов (до 400), свойственных только им»³⁵.

Примерно такой же точки зрения придерживается и Кеес, который пишет, что египтяне в течение всего периода своей трехтысячелетней истории не забыли ее начала. Возникшие в древнейшие времена формулы Текстов пирамид повторяются в египетской религиозной литературе во все времена: «Многие части Текстов пирамид сохранились в последующей, более поздней заупокойной литературе, хотя язык и написание их были уже непонятны. Некоторые отрывки сохранились в Текстах саркофагов (в переработке), их меньше в Книге мертвых в отдельных ее главах и в заглавиях, которые не всегда соответствуют содержанию текста»³⁶. Во времена XXV и XXVI династий они опять появились на стенах погребальных камер и на саркофагах³⁷. Но записи погребального ритуала на стенах саркофагов и погребальных камер, сплошь состоящих из Текстов пирамид и глав Книги мертвых, встречаются и в гробницах Нового царства³⁸.

Очень интересный материал для связи всей религиозной литературы с Текстами пирамид дает перекрестный указатель надписей, составленный Т. Г. Алленом³⁹. Он сопоставляет изречения Текстов пирамид не только с Текстами саркофагов и Книгой мертвых, но использует и другие религиозные папирусы,

надписи на стенах гробниц и на саркофагах, датируемые начиная с ранних периодов вплоть до греко-римского времени. Для всех этих изречений Аллен находит аналоги в Текстах пирамид, указывая при этом, где записано изречение, на каком материале (например, надпись на стене, на саркофаге, на папирусе и т. п.), и точно их датирует⁴⁰. Далее Аллен помещает изречения Текстов саркофагов и указывает на совпадающие с ними другие тексты, то же делается и для глав Книги мертвых⁴¹. Совпадений Текстов саркофагов с изречениями Текстов пирамид значительно больше, чем совпадений последних с Книгой мертвых. Однако целый ряд глав Книги мертвых, и при этом очень важных для погребального ритуала, восходит непосредственно к Текстам пирамид. Таковы в основном главы 171, 174 и особенно 178, которая состоит почти из 30 изречений Текстов пирамид. Связь между Текстами саркофагов и Книгой мертвых легко устанавливается при сопоставлении глав и изречений обоих памятников. Целый ряд глав Книги мертвых впервые появляется в надписях на саркофагах Среднего царства. Прежде всего это часть 1-й главы, глава 6, повторяющая в сокращенном виде 472-е изречение, глава 17 фактически создана в конце Среднего царства (правда, без глоссов, которые были вставлены уже в Книге мертвых) и т. д. Кроме такого полного повторения изречений Текстов саркофагов в Книге мертвых в обоих памятниках имеются и другие совпадения целого ряда формул и заклинаний.

П. Барге⁴² издал перевод всех 192 глав Книги мертвых. П. Барге называет их не главами, а «формулами». Правильнее было бы употреблять термин «изречение», как принято в Текстах пирамид и Текстах саркофагов. Именно этим выражением начинается всякое заклинание в Книге мертвых. В примечаниях к каждой формуле П. Барге приводит аналогии с другими заупокойными надписями, главным образом с Текстами пирамид и Текстами саркофагов. В 102 случаях названия и содержание изречений Книги мертвых совпадают с Текстами саркофагов⁴³, что убедительно доказывает непосредственную связь между этими памятниками.

Первая и еще далеко не полная публикация Книги мертвых — копия со свитка папируса, найденного в царской гробнице, появилась⁴⁴ в 1805 г. Это издание было известно Шампольону, считавшему, что содержание свитка — погребальный ритуал, согласно которому происходили обряды, сопровождавшие похороны.

В 1842 г. немецкий египтолог Р. Лепсиус опубликовал Туринский папирус под названием Книги мертвых⁴⁵, содержащий заклинания погребального характера. Он же разделел его на главы и пронумеровал в порядке следования их в Туринском папирусе. Заглавие «Книга мертвых» не очень удачно, оно не отражает действительного содержания памятника, а порядок глав типичен для Книги мертвых Позднего периода, когда он стал

почти каноничным. В других, более ранних списках порядок изречений варьируется. Однако в научной литературе название и нумерация глав сохранились до сих пор, так как это удобно при работе над текстами.

Лепсиус считал Книгу мертвых чем-то вроде путеводителя по загробному царству, который помогает умершему ориентироваться в преисподней и проходить через все врата и помещения подземного мира. Поэтому, как считал Лепсиус, Книгу мертвых клали на саркофаг, и, по-видимому, это определило данное название. В многочисленных работах, появившихся после издания Туринского папируса, в основном господствовала точка зрения Лепсиуса, иногда с некоторыми вариантами, но не менявшими по существу его определение. В издании 1886 г. Навиль оставляет заглавие «Книга мертвых»⁴⁶. Повторяет его Э. А. Бэдж, издавший папирус Британского музея. Он назвал свою работу «Главы выхода днем, или Книга мертвых», сохранив, таким образом, и заглавие Лепсиуса⁴⁷. Де Руже возвращается к концепции Шампольона и считает этот текст записью погребального ритуала, названный им «Погребальный ритуал древних египтян по текстам папирусов из Лувра»⁴⁸. Однако точка зрения де Руже не получила признания, и в последующих трудах египтологов в основном господствовала концепция Лепсиуса. С некоторыми вариантами и дополнениями она повторяется во многих последующих работах. Отдельные главы Книги мертвых все же считают имеющими чисто ритуальный характер⁴⁹. Во введении П. Барге⁵⁰ определяет Книгу мертвых как книгу молитв, сопровождающих покойного в гробницу.

Иную точку зрения выдвинула М. Э. Матье в докладе на 25-м Международном конгрессе востоковедов в 1960 г.⁵¹ Исходя из новых исследований, посвященных изучению Текстов пирамид⁵², где с большой убедительностью было доказано, что они являются ритуалом царского погребения, М. Э. Матье сопоставила с ними надписи в царских гробницах Нового царства и некоторые главы Книги мертвых. Подробный анализ аналогий с Текстами пирамид (а в некоторых случаях и саркофагов) позволил ей сделать вывод, что, подобно Текстам пирамид, Книга мертвых также является записью погребального ритуала, сопровождавшего похороны царя⁵³. Дальнейшей работе над Книгой мертвых, касающейся не только царей, но и простых египтян, помешала смерть М. Э. Матье. Однако совпадение содержания царских Книг мертвых с рядом других, принадлежащих вельможам, жрецам и т. п., позволяет считать и эти книги записью ритуала погребения.

Совпадению религиозных текстов с Текстами пирамид посвящена специальная работа Т. Г. Аллена⁵⁴. В ней приводится очень много глав из Книги мертвых, восходящих к Текстам пирамид (а некоторые из них одновременно совпадают и с Текстами саркофагов).

Итак, приняв концепцию М. Э. Матье о Книге мертвых как записи погребального ритуала⁵⁵, не забудем при этом, что весь этот обряд имеет магический характер.

З. Моренц цитирует в одной из своих работ⁵⁶ фразу, сказанную Х. Юнкером: «Заупокойные тексты — магические тексты». И действительно, все памятники, связанные с культом мертвых, — Ам-дуат, Книги дыхания, стелы, гробничные надписи, не говоря уже о Текстах пирамид, саркофагов и Книги мертвых, — представляют собой магическую литературу. По ней, особенно по Книге мертвых, можно судить о том, как египтяне представляли царство мертвых.

Какие же опасности поджидали умершего на том свете? От чего должны были спасти его заклинания, записанные в Книге мертвых? Многие изречения отвечают на вопрос, что представлялось египтянину самым страшным и опасным, чем обуславливалась боязнь смерти⁵⁷.

Вход в царство мертвых преграждало чудовище — змей Апоп, главный враг бога солнца Ра, опрокидывающий ладью Ра (гл. 7). Далее покойного встречают другие враги Ра (гл. 11 и 99): крокодилы (гл. 31—37), змеи и страшные животные (гл. 34—36), готовые его уничтожить. Чтобы попасть в «Ра-сетау» (царство мертвых), надо пройти через многочисленные врата, охраняемые всевозможными стражами в виде чудовищ, вооруженных пожами. Но не только это грозит покойному — его тело может истлеть (гл. 45), а он может умереть вторично (гл. 44, 46, 175, 176). Его тело может быть раздроблено и источено червями (гл. 164), а он сам может свариться в горячей воде (гл. 62) или сгореть в огне (гл. 69а). Нет надобности перечислять все заклинания Книги мертвых, которые должны спасти покойного от ужасов подземного мира, чтобы понять, на чем основан страх египтян перед ним. И все-таки самое страшное было не жить больше. Содержание большинства заклинаний Книги мертвых должно было обеспечить умершему вечную жизнь.

Магия не только охраняла умершего от всех чудовищ, но и позволяла вести спокойное, праздное существование и не работать на полях Осириса в его царстве⁵⁸, превращаться в любое существо и выходить днем, чтобы видеть солнце. Однако сомнения, характерные для литературы Среднего царства, проникают и в Книгу мертвых. В 175-й главе, написанной в форме диалога между богом Атумом и умершим, рисуется безотрадная картина загробного мира.

Покойный спрашивает Атума: «О Атум, как же меня должны привести в пустыню, где нет воды, где нет воздуха, которая очень глубокая, очень мрачна и безгранична?»

— Ты будешь жить там в блаженстве.

— Но там нет наслаждений.

— Я дам тебе там прославление (или восхваление) вместо воды, воздуха и наслаждения, блаженство вместо пива и хлеба» (гл. 175).

Само название 175-й главы «Закливание, чтобы не умереть снова» говорит о ее значении, а также о том, что магия охраняет покойного от повторной смерти в загробном царстве: ведь, если это случится там, то уже никакие силы не смогут его оживить. В 44-й главе снова повторяется: «Закливание, чтобы не умереть второй раз в царстве мертвых. . .» Заключительная часть 176-й главы (ее название такое же, как заглавие 175-й) представляет яркий образец магического заклинания, которое не только следует произносить, но и необходимо помнить: «Тот, кто знает это заклинание, будет духом неистощим. Он не умрет снова в царстве мертвых»⁵⁹.

Кроме страшных чудовищ, подстерегающих умершего в царстве мертвых, есть и другие возможности⁶⁰, которые могут лишить покойного вечной жизни, например забвение имени, что равносильно второй смерти, так как тот, кто не знает (или не помнит) свое имя, не существует. Ахтой III считает уничтожение имени самым страшным наказанием преступника. «Уничтожай, убей. . . соскреби имя его» [с памятников]⁶¹. Боязнь лишиться имени связана для египтянина с представлением, что «имя», т. е. название человека или вещи, это уже сам человек или вещь. Чтобы создать их, нужно только дать имя, произнести название. Для египтянина сказанное слово имело магическую силу, оно было всемогуще. Это представление отражено в древнейшем религиозно-философском трактате мемфисских жрецов⁶². Творцом мира, согласно этому документу, был мемфисский бог Птах: «Он назвал землю ее великим именем»⁶³. Этим самым он ее создал. В сотворении мира принимала участие и Эннеада, это боги Эннеады сделали «видение глаз, слушание ушей, воздух (т. е. дыхание) носа»⁶⁴. Но «великий Птах — это сердце и язык Эннеады»⁶⁵, и все, что существует на земле, было задумано в сердце и повторено языком. Так «сделано все питание и все яства при помощи слов, которые были задуманы в сердце и через язык выражены». «И так были сотворены все работы, и все искусства, и все действия рук, и хождение ног, согласно этому приказу, который был задуман в сердце и выполнен языком, который сделал назначение всех вещей»⁶⁶.

Без имени человек не существует, даже память о нем исчезает, и это лишает его вечной жизни в царстве мертвых. Вот почему египтянину так важно помнить свое имя, сохранить его вечно. Естественно, что именно поэтому в Книгу мертвых включена глава (25-я), названная «Изречение, чтобы не забыть свое имя в царстве мертвых»⁶⁷.

Многие главы Книги мертвых начинаются фразой: «Изречение, чтобы выйти днем». *Pg m hgw* («выйти днем») в данном контексте синоним слова *житъ*. Это значит ежедневно выходить из гробницы видеть солнце, а затем вечно пребывать в царстве мертвых, которое представлялось египтянину продолжением его земной жизни со всеми ее радостями, развлечениями и заботами.

Магический ритуал погребения — заклинания, произносимые жрецами, — оживляли мумию умершего и этим обеспечивали вечную жизнь в царстве Осириса, бога и царя мертвых.

Поэтому термин «воскресение из мертвых» искажает смысл египетской веры в загробную жизнь. Постоянно употребляемое египтологами выражение «воскресение», «Auferstehung», «resurrection», применимо к христианскому вероучению и чуждо египетским представлениям. Правильнее было бы сказать, что умерший *оживает*, а не *воскресает*, происходит «одушевление»⁶⁸ умершего при помощи магии, и главным образом магии произнесенного слова. Еще в Текстах пирамид не раз повторяются заклинания в повелительном наклонении: «Встань! Ты не умер»⁶⁹. Подобные выражения характерны как для Текстов саркофагов, так и для Книги мертвых. Чтобы не нарушать магию таких заклинаний, в этой литературе никогда не употребляется слово «умер» в положительном смысле, а всегда — в отрицательном⁷⁰. Это еще раз подтверждает веру в магию слова: назвать покойника мертвым, сказать про человека, что он умер, — значит утвердить его в состоянии мертвеца, лишить его возможности снова ожить.

Но возможность выйти днем и увидеть солнце египтянин не считал полным счастьем в своей вечной жизни. Он боится одиночества, не хочет лишиться близких, семьи, слуг, богатства. Самые подробные описания, что ждет умершего в царстве мертвых, не упоминают, встретит ли он там тех, кто умер до него; он не надеется увидеть оставшихся жить и соединиться с ними после их смерти. Умерший всегда один в своей гробнице. Но при помощи все той же магии ему создают обстановку его земной жизни. Благодаря этому обстоятельству до нас дошло множество гробничных росписей, которые дают подробное представление о всех сторонах жизни древнего Египта. Ярким примером именно такого назначения — окружить покойника привычной обстановкой — служат росписи и надпись Сети I в часовне в Абидосе, построенной для его отца, Рамсеса I⁷¹: «Я воздвиг ему место покоя для его Ка, расписал его изображениями. . . Его мать около него. Те, кто раньше окружали его, собрались перед ним. Возлюбленный брат царя стоит перед ним. Я, сын его, храню его имя живым. Мать бога, ее руки вокруг него, как руки Исиды вокруг Осириса. Она соединила его с его отцом [т. е. Осирисом]. Его братья и сестры на своих местах. Он радуется тому, что его окружают все его люди».

Эта надпись — не подпись к рисунку, это такая же магия, как росписи или рельефы на стене, которые создают умершему царю его обычную обстановку в кругу его семьи.

Таким образом, магические тексты, а в Новом царстве главным образом Книга мертвых, давали египтянину надежду на преодоление смерти, на продолжение вечной жизни в загробном мире. Единственное условие при этом — точное выполнение погребаль-

ных обрядов, записанных в Книге мертвых, и произнесение магических изречений.

На драматизированную форму погребальных обрядов обратили внимание К. Зете⁷² и Э. Дриотон, который видел в мистериях Осириса и в похоронном ритуале элементы театральных действий⁷³.

В некоторых главах Книги мертвых, подобно ремаркам в пьесах, указано, как надо произносить изречения (гл. 137), в других требуется сохранение тайны при исполнении обряда⁷⁴.

И. Шпигель описывает содержание погребальных обрядов, записанных на стенах пирамиды фараона Унаса. На основе анализа этих текстов И. Шпигель делает вывод, что жрецы в масках и специальных костюмах произносили изречения, сопровождая их соответствующими жестами. Таким образом, царские похороны происходили в форме драматических действий. Им придавался «сверхъестественный» (т. е. магический) характер, и они, по выражению И. Шпигеля, «служили мостиком для перехода от земной жизни к жизни на том свете»⁷⁵.

Во время ежегодных праздников, посвященных Осирису, исполнялись мистерии, которые в драматической форме изображали смерть Осириса, его оплакивание, похороны и превращение в бога царя загробного мира. Наследником земного престола Египта считался сын Осириса — Хор.

Тесная связь культа фараона с Осирисом повлияла на царский погребальный ритуал, близкий по содержанию и по форме с мистериями Осириса. Об этом можно судить по хорошо сохранившемуся тексту «Коронационных мистерий Сенусерта I». Они представляют собой подробный сценарий царских похорон с перечислением всех действующих лиц, исполняющих обряды, тексты произносимых ими речей и названия всех предметов, над которыми говорились заклинания⁷⁶.

М. Э. Матье привела в своей работе⁷⁷ целый ряд глав, где очень подробно записаны действия, выполняемые жрецами, тексты произносимых ими изречений и указания, как все это должно происходить. По существу, такие главы можно назвать «сценарием» погребального ритуала. Наиболее ярким примером этого является 151-я глава⁷⁸. Она представляет собой рисунок камеры, в которой завершаются похороны. В ее центре поставлено ложе с мумией, над ней распростер руки жрец в маске шакала — Анубиса, слева и справа сидят Исида и Нефтида, у каждой стены на постаментах лежат фетиши: столб джед, факел, статуэтка в форме мумии и фигурка Анубиса в образе шакала. Справа и слева от фетишей помещены изображения четырех сыновей Хора, по углам стоят ушебти и две птицы Ба — духовная сущность человека, в образе которой он «выходит днем».

Точность изображения подтверждается расположением предметов, находимых в гробницах при раскопках. Надписи около каждого персонажа или вещи — изречения, которые должны

говорить жрецы либо от имени богов, либо от себя как жреца, выполняющего свои особые функции⁷⁹. Исключением можно считать только заклинание над ушебти, его читает жрец от имени покойного. Оно начинается фразой: «Слова, сказанные Осирисом», и далее следует имя умершего. Только заклинание, сказанное самим владельцем ушебти, может заставить его работать на полях Осириса вместо покойного⁸⁰.

Рисунок заполняет почти всю главу, и для изречений остается мало места, поэтому некоторые в более полном виде повторяются в других главах: заклинание над фетишами — в 137-й, над ушебти — в 6-й.

Поздние вставки, молитвы и гимны, включенные в Книгу мертвых, лишили цельности записанный в ней погребальный ритуал. Нарушение его усугубляют также ошибки малограмотных писцов и повторно вписанные непонятые ими изречения.

Основная задача изучения Книги мертвых состоит в выявлении и отборе таких глав, которые относятся только к похоронным обрядам. Это позволит восстановить первоначальную запись погребального ритуала Книги мертвых, что опровергнет ее определение как путеводителя по загробному царству, сборника молитв и даже отрицания некоторыми учеными ее ритуального характера. Вернемся к первому взгляду на Книгу мертвых, высказанному гениальным египтологом XIX в. Ф. Шампольоном, что содержание свитка папируса (тогда еще не получившего названия Книги мертвых) — погребальный ритуал, согласно которому происходили обряды, сопровождавшие похороны.

⁷² J. Zandee. Death as an Enemy According to Ancient Egyptian Conceptions. Leiden, 1960, с. 1.

⁷³ C. Sander-Hansen. Der Begriff des Todes bei Ägyptern. København, 1942, с. 13.

⁷⁴ Там же, с. 12.

⁷⁵ Там же, с. 14.

⁷⁶ Там же, с. 6.

⁷⁷ Там же, с. 22.

⁷⁸ A. Erman. Die Literatur der Aegypter. Lpz., 1923.

⁷⁹ Р. И. Рубинштейн. Две стелы XI дин. — ВДИ. 1952, № 3, с. 137.

⁸⁰ J. Zandee. Death...

⁸¹ A. Gardiner and N. D. Garris Davis. The Tomb of Amenemhet. L., 1916, с. 118, примеч. 3 и др.

⁸² A. H. Gardiner and K. Sethe. Egyptian Letters to the Dead. L., 1928.

⁸³ A. H. Gardiner. Egypt of the Pharaohs. L., 1961, с. 322.

⁸⁴ A. Erman. Zwei Grabsteine aus griechischen Zeit. Festschrift für E. Sachau zum siebenzigsten Geburtstag. B., 1915, с. 103—112.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ J. Zandee. Death...

⁸⁹ W. M. Müller. Die Liebespoesie der Alten Aegypter. Lpz. 1899; A. Erman. Die Literatur der Aegypter. Lpz., 1923.

- ¹⁸ А. Егман. *Die Literatur der Aegypter*, с. 122.
- ²⁰ Там же, с. 125 и сл.
- ²¹ Б. А. Тураев. Египетская литература. М., 1920, с. 69.
- ²² И. М. Лурье. Беседа разочарованного со своим духом. — ТОВЭ, т. 1, с. 46.
- ²³ А. Н. Gardiner. *Hieratic Papyri of the British Museum*. Chester—Beatty Papyri. L., 1935.
- ²⁴ Р. И. Рубинштейн. Поучение праклеопольского царя своему сыну. — ВДИ. 1950, № 2, с. 126.
- ²⁵ Та же мысль почти точно повторяется на стеле Беки; см.: Е. Drioton. *Les confessions negatives*. Recueil Champollion. P., 1922, с. 352.
- ²⁶ Р. И. Рубинштейн. 125 глава «Книги мертвых». — «Ученые записки Пед. ин-та им. А. И. Герцена». Л., 1938, т. 11, с. 293—308; М. Э. Матвее. Из истории свободомыслия в Египте. — «Вопросы истории религии и атеизма». М., 1956, т. 3, с. 396—397.
- ²⁷ Б. А. Тураев. Египетская литература, с. 36.
- ²⁸ М. Э. Матвее. Тексты пирамид — заупокойный ритуал. — ВДИ. 1947, № 4, с. 30—56. Этому вопросу посвящены работы: Н. Rickе. *Bemerkungen zu den ägyptischen Baukunst des alten Reichs* und S. Schott. *Bemerkungen zum altägyptischen Pyramiden Kult*. — «Beiträge zur ägyptischen Bauforschung des Altertumskunde». Kairo, 1950, Hef 5.
- ²⁹ R. Anthes. *Die Felseninschriften von Hatnub*. Lpz., 1928, с. 23.
- ³⁰ Р. И. Рубинштейн. Возвышение Гераклеополя и борьба с Фивами за гегемонию, с. 43 (рук. канд. дис.).
- ³¹ Б. А. Тураев. Египетская литература, с. 56.
- ³² Н. Kees. *Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter*. B., 1956, с. 170 и сл.
- ³³ Там же, с. 172.
- ³⁴ A. de Buck. *The Egyptian Coffin Texts*. T. 1—6. Chicago.
- ³⁵ Б. А. Тураев. Египетская литература, с. 56 и сл.
- ³⁶ Н. Kees. *Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter*. B., 1956, с. 2.
- ³⁷ Там же, с. 9—10.
- ³⁸ М. Э. Матвее. Проблема изучения Книги мертвых. М., 1960, с. 6. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов.
- ³⁹ T. G. Allen. *Occurrences of Pyramid Texts with Cross Indexes of These and Other Egyptian Mortuary Texts*. Chicago, 1950.
- ⁴⁰ Там же, с. 12—27.
- ⁴¹ Там же, для Текстов пирамид с. 61—110, для Текстов саркофагов с. 110—135 и для Книги мертвых с. 137—149.
- ⁴² P. Barget. *Le livre des morts des anciens égyptiens*. P., 1967.
- ⁴³ A. M. Buck. *The Egyptian Coffin Texts*. T. 1, нр. 93, 94, 105; T. 4, нр. 335.
- ⁴⁴ Copie figurée un rouleau du papyrus trouvé dans un tombeau des rois publiée par M. Cadet à Paris 1805 (Description de l'Égypte. T. 2. Antiquité).
- ⁴⁵ H. Lepsius. *Das Totenbuch der Aegypter*. Lpz., 1942.
- ⁴⁶ E. Naville. *Das Aegyptische Totenbuch von XVIII Dynastie aus verschiedenen Urkunden gesammelt*. Bd I—II. B., 1886.
- ⁴⁷ S. A. Budge. *The Chapters Coming for by Day or Theben Recension of the Book of the Death*. L., 1910.
- ⁴⁸ E. de Rougé. *Rituel funéraire des anciens Égyptiens. Texte complet en écriture hiéroglyphique publiés les papyrus du Musée du Louvre*. P., 1861—1876.
- ⁴⁹ Б. А. Тураев. Египетская литература, с. 132; см. также: G. Taussing und T. Kerszt-Kratschman. *Das Grosse Ägyptische Totenbuch*. Kairo, 1969, с. 4.
- ⁵⁰ P. Barget. *Livre des morts des anciens égyptiens*, с. 2.
- ⁵¹ М. Э. Матвее. Проблема изучения Книги мертвых.
- ⁵² М. Э. Матвее. Тексты пирамид — заупокойный ритуал. — ВДИ. 1947, № 4, с. 30—36. Н. Rickе. *Bemerkungen...*; S. Schott. *Bemerkungen...*

- ⁵³ М. Э. Матвее. Проблема изучения Книги мертвых, с. 7.
- ⁵⁴ T. G. Allen. *Occurrences of Pyramid Texts...*
- ⁵⁵ М. Э. Матвее. Проблема изучения Книги мертвых, с. 5 и сл.
- ⁵⁶ S. Morenz. *Gott und Mensch im alten Ägypten*. Lpz., 1963, с. 146.
- ⁵⁷ Больше всего египтянин боялся умереть вторично в царстве мертвых.
- ⁵⁸ Р. И. Рубинштейн. О природе ушебти. — ВДИ. 1968, № 2, с. 80—89.
- ⁵⁹ Превращение в «ах» (3h) ожившей духовной сущности человека.
- ⁶⁰ Отделение головы от туловища, потеря сердца, разложение тела и тление и т. д.
- ⁶¹ Р. Рубинштейн. Поучение гераклеопольского царя своему сыну. — ВДИ. 1950, № 2, с. 126. Имя Эхатона — еретика — было стерто на многих памятниках.
- ⁶² J. H. Breasted. *The Philosophie of a Memfite Priest*. — ZAS. 1901, t. 39, с. 39 и сл.; A. E. Rman. *Ein Denkmal memphitischer Theologie*, Sitzb. Preussischer Akademie der Wissenschaften, 1911, с. 916—950; K. Sethe. *Dramatische Texte altägyptische Mysterien spielen*. T. 1. Lpz., 1928.
- ⁶³ K. Sethe. *Dramatische Texte...*, с. 3.
- ⁶⁴ Там же, с. 59.
- ⁶⁵ Там же, с. 47.
- ⁶⁶ Там же, с. 65.
- ⁶⁷ При этом следует помнить, что обряды, записанные в Книге мертвых, выполнялись при погребении и произносились жрецами вслух, что опять-таки связано с магией сказанного слова.
- ⁶⁸ «Одушевление» воспринималось египтянами как оживление человека во всей его сущности: тела, ка, ба, ах и имени.
- ⁶⁹ Руг., 657e, 792e и др.
- ⁷⁰ J. Breasted. *Development of Religion and Thought in Ancient Egypt*. N. Y., 1912, с. 91.
- ⁷¹ S. Schott. *Der Denkstein Sethas' I für die Kapelle Ramsess' I*. Göttingen, 1964, с. 81 и сл.
- ⁷² K. Sethe. *Dramatische Texte zu altägyptische Mysterienspielen*. Lpz., 1928.
- ⁷³ E. Drioton. *Le théâtre égyptien*. Le Caire, 1942.
- ⁷⁴ Конеч 161-й главы: «Никто из находящихся снаружи не должен знать [этого], так как это тайна его, незнающий не должен знать этого. Не делай [этого] ни ради кого-нибудь, для твоего отца или сына, которые снаружи от тебя. Это истинная тайна, никто не должен ее знать».
- ⁷⁵ J. Spiegel. *Der Auferstehungsritual der Unas-Pyramide*. Wiesbaden, 1971, с. 7.
- ⁷⁶ М. Э. Матвее. Древнеегипетские мифы. М., 1956, с. 67.
- ⁷⁷ М. Э. Матвее. Проблема изучения Книги мертвых, с. 2—3.
- ⁷⁸ Папирус Британского музея № 10010.
- ⁷⁹ Р. И. Рубинштейн. Погребальные обряды по 151 главе Книги мертвых. — Сб. Тутанхамон и его время. М., 1976, с. 129—143.
- ⁸⁰ Р. И. Рубинштейн. О природе ушебти, с. 84 и сл.

Н. А. Померанцева

ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ И КАНОНЕ В ИСКУССТВЕ АМАРНЫ

В истории и искусстве эпохи Нового царства выделяется сравнительно небольшой период Тель эль-Амарны, охватывающий семнадцатилетнее правление фараона Аменхотеп IV (Эхнатона). Этот период по сравнению с медленной, весомой поступью веков и тысячелетий, на протяжении которых формировалось мировоззрение и складывались традиции древнеегипетского искусства, кажется мгновением. Однако он оставил неизгладимый след в культуре Египта, резко выделяясь своим художественным стилем, присущим именно этой эпохе. Памятники, созданные в течение Амарнского периода, неоднородны по стилю: среди них выделяются статуи первых лет правления фараона, до 6-го года царствования, когда он, порвав с фиванским жречеством, перенес свою столицу во вновь отстроенный город Ахетатон.

Все искусство времени правления первой половины XVIII династии, кончая царствованием Аменхотепа III, развивалось под влиянием Фив. Религиозная концепция основной фиванской доктрины, связанной с культом Амона, приобретает конкретные жизненные формы, отвечая мирским деяниям: внешней и внутренней политике фараонов, их взаимоотношению со жречеством, интенсивному строительству и огромным пожертвованиям в честь бога Амона, которые способствовали притоку богатств в казну храмов. При сохранении в Египте политеизма почитание древнего солнечного бога в синкретической форме Амон-Ра приобретает значение общегосударственного культа. Амон становится могущественным покровителем фараонов, в его образе преобладает действенная сила, отодвигающая на второй план космические черты бога солнца. Возвышение культа Амона, за которым стояло оппозиционно настроенное к Аменхотепу III фиванское жречество, имело глубокие последствия. Стремясь сузить сферу влияния фиванского жречества, фараон подготавливал почву для более универсальной религиозной системы, которая бы отвечала общегосударственным интересам. Однако реформу в этом направлении осуществил сын и преемник Аменхотепа III — Аменхотеп IV.

Рис. 1. Статуя-колосс фараона Аменхотепа IV (Эхнатона) из храма Амона в Карнаке. Первая четверть XIV в. до н. э. Каир

Осуществление Аменхотепом IV монотеистической реформы привело к резкому изменению в области иконографии памятников изобразительного искусства. Проявленная в первые годы воцарения фараона терпимость к культам старых богов сказалась и в сохранении древних традиционных типов композиции, среди которых в первую очередь следует упомянуть статуи-колоссы фараона, венчавшие четырехметровые столбы в храме Амона в Карнаке, сменившего древнего бога Амона (рис. 1).

Несмотря на всю традиционность типа и наличие обязательных атрибутов, трактовка фигуры и лица совершенно выходит за пределы монументальной культовой скульптуры. Печатью индивидуальности внешнего облика фараона отмечено не только его лицо, но и телосложение.

В отличие от осирического типа статуй, где фигура изображалась во весь рост, колоссы Аменхотепа IV представлены поколенно. Обычно в скульптуре этого типа, принадлежащего к самым условным композициям, формы тела переданы в предельно обобщенном виде (см. осирические статуи Хатшепсут). Однако в колоссах Аменхотепа при всей их монументальности фигура детально проработана: подчеркнуто индивидуальное строение лица и склад фигуры, что нашло выражение в иной пропорциональной соотносительности частей и целого, отличающейся от общепринятой, канонической. При этом облик фараона существенно меняется, исчезает обычная идеализация, характерная для образов древнеегипетских правителей, ранее уподоблявшихся богам как их земное воплощение.

Отказ от идеализации в изображении фараона вылился в открытую форму протеста против прежнего официального искусства. Требование правдоподобия в передаче внешнего облика фараона отвечало стремлениям всего философско-религиозного

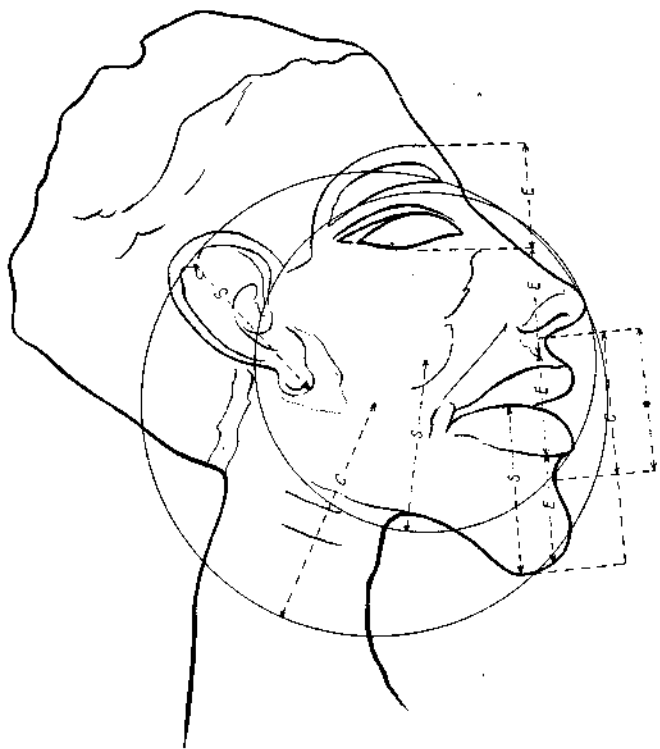

Рис. 2. Скульптурная модель с профилем Эхнатона. Берлин

направления эпохи Амарны. Не случайно, что в текстах того времени часто встречается слово «маат» — «истина».

Индивидуальные черты фараона преломляются сквозь призму известного художественного обобщения. Мастера, отбирая самое характерное и выразительное во внешнем облике Аменхотепа IV, вырабатывают на этой основе иконографические приемы изображения фараона, подчеркивая всякий раз удлинённый овал лица, своеобразную посадку головы на длинный шею, округлые бедра, выступающий живот и тонкие руки и ноги.

Скульптор изменяет ранее принятые для иконографии фараонов соотношения между отдельными чертами лица, утяжеляет нижнюю часть. Узкий разрез глаз, поставленных наискось к переносице, сочетается с тяжелыми, полуопущенными веками, придающими взгляду выражение некоторой меланхоличности. Характерный удлинённый овал лица подчеркивается диагональным направлением линии, идущей от подбородка к шее. Подобные изобразительные приемы закреплялись на специальных образцах — скульптурных моделях (рис. 2, 3).

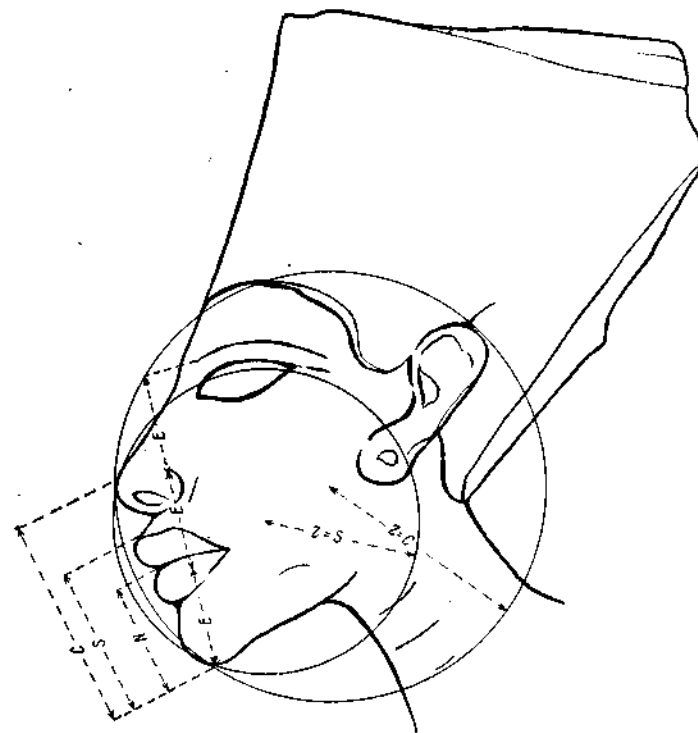

Рис. 3. Скульптурная модель с профилем Эхнатона. Лувер

Сохранилось сравнительно большое количество памятников с изображением головы фараона. В этих работах мастера старались найти необходимую степень художественного обобщения, чтобы передать ту меру заострения индивидуально-характерного в облике царя, которая бы отвечала новым требованиям эпохи с ее стремлением к правдоподобию. В процессе поиска новой иконографии в целях придания большей выразительности образу мастера увеличивали или уменьшали ту или иную деталь лица, удлиняли овал, утяжеляли подбородок, меняли наклон линии, идущей от лба к носу. По таким рабочим наброскам на основе индивидуальных черт создавались стилизованные изображения, подчас с сильно утрированными природными формами. Это привело к сложению определенных стилистических приемов исполнения портретов фараона. Однако при общности стилистических приемов портреты условного направления отличаются большим диапазоном в передаче внешнего облика фараона. Установившаяся в предшествующие эпохи каноническая закономерность в последовательности пропорциональных величин¹, фиксировавшая местоположение основных деталей лица — глаз, носа, рта,

Рис. 4. Рельеф из гробницы визира Рамоса с изображением его брата Аменхотеп с женой Майей.

подбородка (рис. 4), не могла выявить индивидуально-характерные черты облика Эхнатона. Эти особенности получили своеобразную стилизованную трактовку, вылившуюся в целом ряде устойчивых приемов изображения: мастера обычно располагали конец носа и подбородка по одной прямой, идущей либо по вертикали, либо наклонно, причем угол наклона варьировался в зависимости от

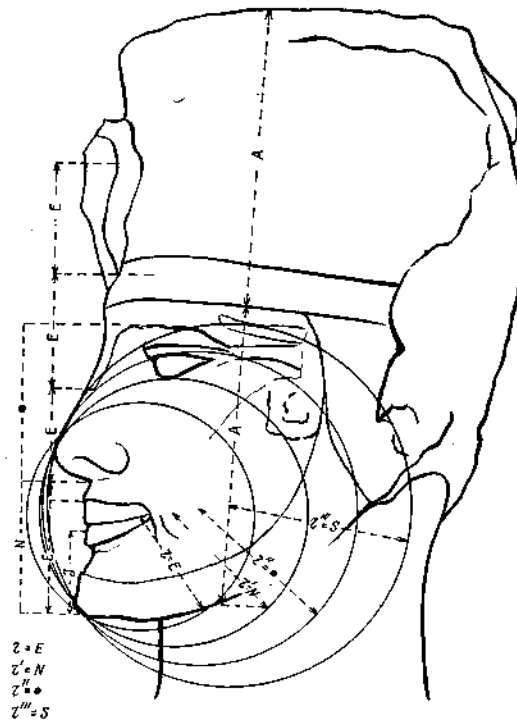

Рис. 5. Голова фараона Аменхотепа III из заупокойного храма в Фивах. Лондон

степени художественной стилизации форм. Линия от лба к носу также имела различный наклон. Выступающий вперед мешочкообразный подбородок подчеркивает диагональное направление линии, идущей к шее. Косо поставленные узкие глаза также усиливали динамику лица путем смещения привычных горизонталей поверхности.

Скульптурные модели с профильным изображением головы Эхнатона (рис. 2, 3) имеют резко выраженную утрировку черт лица. Деформация нижней части вызывает отступление от обычной канонической последовательности величин (ср. рис. 2, 3, 5), что приводит к видоизменению внешнего облика. Поскольку степень деформации черт в различных памятниках неодинакова, мы не можем говорить о сложении какой-либо новой канонической иконографии, ибо установленной определенной зависимости между расположением отдельных деталей лица, их размером и пропорциональными величинами не прослеживается.

Не случайно, что рабочие наброски и модели амарнских мастеров в подавляющем большинстве относятся к первым шести годам правления Эхнатона — периоду поисков и сложения новых сти-

Рис. 6. Женская статуэтка из Луара. XX в. до н. э. Первый период распада

листических черт иконографии фараона. В этой связи с особой остротой возникают проблемы художественных традиций, канона, композиции и стиля исполнения памятников в их осмыслении амарнскими мастерами. Такие компоненты нельзя рассматривать изолированно. Чтобы привести в соответствие философское осмысление образа и средства его художественного воплощения, необходим был определенный свод правил, который бы облакал в систему всю его многогранную сущность. Такой универсальной формой явился канон, охватывающий в искусстве древнего Египта широкий круг понятий, включая композицию памятников, иконографию образов, художественные и технические средства воплощения и систему религиозного мировоззрения, явившуюся философской базой канона.

Канон — это свод художественных правил, способствующих выявлению локальных черт в изобразительном искусстве, присущих именно данной системе культуры, и закреплению их в памятниках. Применение отдельно взятых приемов еще не есть канон. История искусств знает немало примеров внешнего следования традициям, когда памятники обнаруживают схожесть постановки фигур, традиционность поз при ярко выраженном различии образного содержания и пропорционального строения форм. Обычно такие явления сопутствуют историческим периодам, свя-

занным с ломкой общественного строя в так называемые «междоцарствия» или в эпоху сильных социально-философских перемен, к числу которых можно отнести и монотеистическую реформу Эхнатона.

Так, в I период распада, охватывающий промежуток между Древним и Средним царствами (VII—X династии, XXIII—XXI вв. до н. э.), в произведениях искусства ощущается стремление сохранить традиции прошлого, следуя принятым каноническим типам композиций, среди которых наиболее часто встречаются стоящие во весь рост фигуры или статуи с выставленной

вперед левой ногой в позе шага. Уже с первого взгляда в изображении женской фигуры ощущается какая-то необычность, что даже может вызвать сомнение в принадлежности этого памятника искусству древнего Египта (рис. 6). При традиционности позы в фигуре нарушены строго принятые для египетских памятников пропорциональные соотношения между размером всего тела и отдельных его частей. Таким образом, данный памятник заметно отличается от «классического» типа египетских фигур. Деревянные статуэтки I переходного периода не лишены своеобразной выразительности, притом что формы тела женской фигуры укорочены, голова слишком велика и тяжела, руки чрезмерно длинные, ноги массивны; пропорции мужской фигуры непомерно удлинены. Поскольку в обоих памятниках пропорции неклассические, при сохранении традиционности типа изображения они выглядят неканоническими. Однако здесь не представляется уместным предполагать наличие какой-либо иной канонической структуры, ибо отклонение от классических египетских пропорций не вылилось в определенную, четко прослеживаемую закономерность — ведь канон прежде всего предполагает именно закономерность явлений.

В отличие от памятников переходных исторических этапов и эпоху Амарны складывались и свои устойчивые черты стиля. Как мы уже наблюдали, отдельные композиционные заимствования встречались в амарнском искусстве на его самом раннем этапе. В основном же художественные приемы амарнских мастеров были направлены на поиски новых изобразительных средств в связи с намеренным отходом от принятых традиций и иконографии.

Задача данной работы состоит в том, чтобы попытаться раскрыть приемы и методы работы амарнских мастеров, найти соотношение между традиционным и новым и проследить сложение иконографии памятников и композиционных решений в русле эстетических принципов амарнского искусства.

Целый ряд внешних приемов иконографического сходства можно обнаружить между поздними памятниками времени Аменхотепа III и произведениями амарнских мастеров первых лет правления его преемника — Аменхотепа IV. При всем различии внешнего облика портретов отца и сына, философско-эстетического осмысления образов сходные приемы изображения присутствуют: в портрете Аменхотепа III из Британского музея (рис. 5) намечается построение портретной характеристики, хотя при этом мастер не порывает с принятой манерой условной идеализации. Пропорциональная структура строения лица не отступает от канонической; сравнивая данный памятник с рельефом из гробницы Рамоса (рис. 4), можно отметить, что расстояния от подбородка до носа и до линии раздела губ, от конца носа до уровня брови фиксируются одними и теми же пропорциональными величинами и окружность ($r = \cdot$) проходит через те же самые точки: конец носа, подбородок, линию века. Следовательно, соответствие одних

Рис. 7. Стела с изображением Эхнатона, Нефертити и принцесс. Каир

и тех же деталей лица установленным пропорциональным величинам носит закономерный характер.

Сравнивая портрет Аменхотепа III со скульптурными портретами Эхнатона, можно обнаружить в них сходство внешних приемов изображения: узкий разрез глаз, затененных полуопущенными веками, удлиненные косметические линии бровей, резко очерченный овал лица и четко обозначенные широкие губы. Черты лица Аменхотепа III остаются идеализированными, в то время как уже в портрете колоссов Аменхотепа IV из Карнака индивидуальность внешнего облика ярко выявлена.

После введения культа Атона Эхнатон провозгласил солнце «царствующим фараоном», заменив человекоподобных и сокологоловых солнечных божеств абстрактным символом в виде диска. В рельефах Амарны появляются новые сюжеты с изображением царской семьи, поклоняющейся Атону, от которого исходят лучи, оканчивающиеся кистями рук, осеняющих знаками жизни цар-

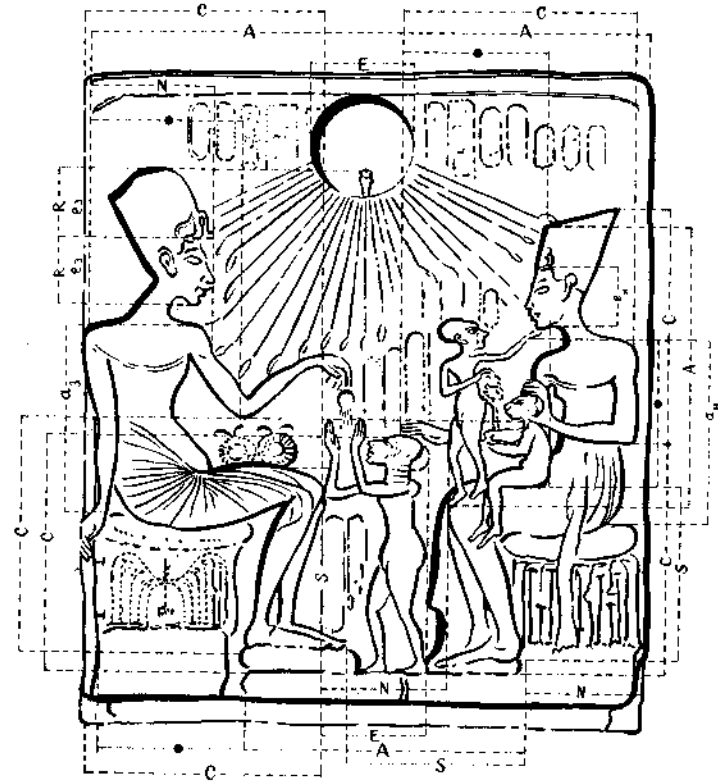

Рис. 8. Геометрическое построение композиции стелы с изображением Эхнатона, Нефертити и принцесс

ственную чету (рис. 7, 8, 9, 10). Утрирование внешних форм фигуры и портрета достигло здесь максимальной силы. Показывая царскую семью в обстановке дворцовых покоев, мастера вносят известную нотку лиризма в сюжеты сцен. Хотя принцип деформации как средство художественной выразительности продолжает применяться в практике работы, исполнительские приемы становятся заметно мягче, а контуры фигур и моделировка объемов — пластичнее.

Амарнские художники широко использовали в рельефе замкнутую композицию стел, где в пределах пространства, ограниченного поверхностью плиты, находили с помощью системы пропорциональных величин соразмерность между всеми элементами сцены.

Амарнские мастера избегали точного повторения композиций, внося варианты в трактовку близких по сюжету сцен. С этой точки зрения интересно сопоставить родственные по характеру

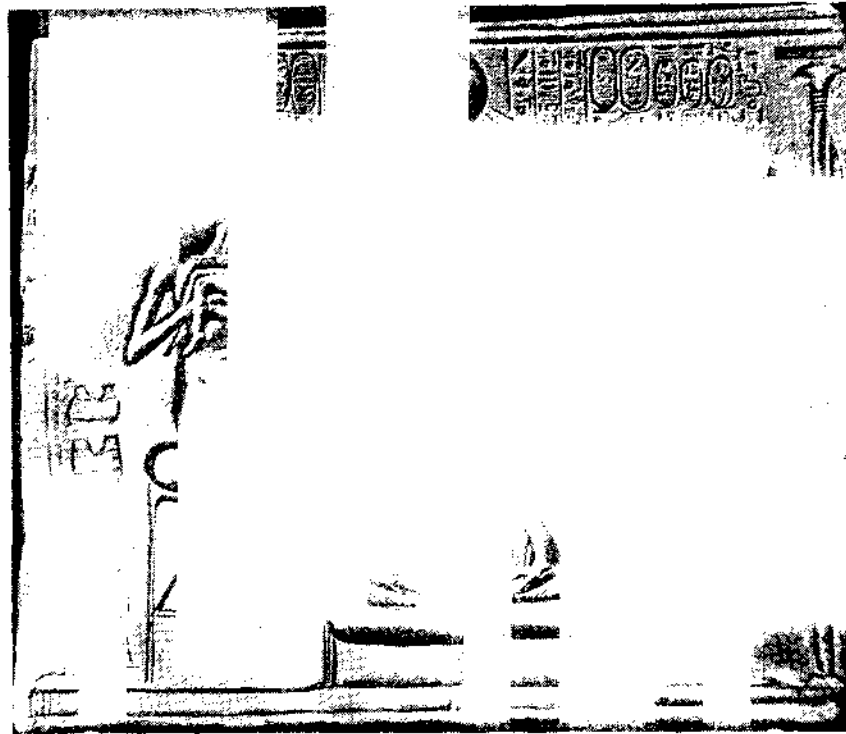

Рис. 9. Стела с изображением Эхнатона, Нефертити и принцесс. Берлин

изображения стелы из Каирского и Берлинского музеев. В основе построения композиции заложен принцип симметрии, хотя и в том, ни в другом памятнике нет буквального соответствия правой и левой частей. Ритмическим центром служит солнечный диск, через середину которого проходит вертикальная ось. Относительно нее фигуры Эхнатона и Нефертити расположены на равном расстоянии. И в то же время фигурка стоящей принцессы на Каирской стеле чуть сдвинута вправо. Изображение фараона в обоих памятниках крупнее, чем изображение царицы. Расположившиеся на коленях Нефертити две принцессы композиционно вписываются вместе с ней в одно поле прямоугольника, длинная сторона которого составляет сумму двух пропорциональных величин $A+S$, короткая — A . Подобным же образом фигура фараона вписывается в прямоугольник со сторонами $2C$ и A . Для принцессы, стоящей между Эхнатоном и Нефертити, отведен прямоугольник со сторонами C и E . Следовательно, приступая к работе над композицией стелы, художник, исходя из размера всей плиты, фиксировал участки, предназначенные им для изображений основных фигур, которых на Каирской стеле три, на Берлинской — две.

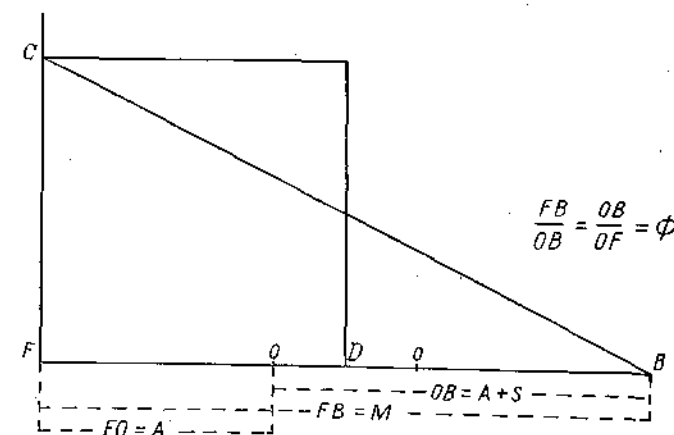
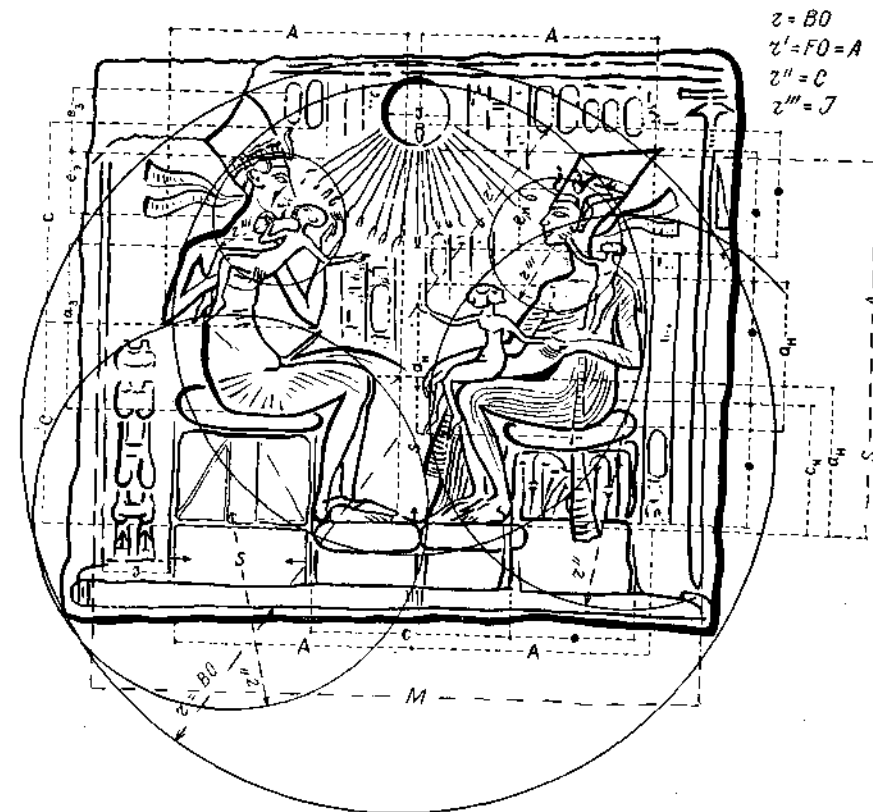

Рис. 10. Геометрическое построение композиции стелы с изображением Эхнатона, Нефертити и принцесс

На Берлинской стеле (рис. 10) изображение Эхнатона вписывается в прямоугольник со сторонами 2С и А, Нефертити — 3· и А. Сумма величин соответствовала основным делениям фигуры, фиксируя размер головы, торса и ног царицы, а для изображения Эхнатона определяя среднюю горизонтальную линию. Эти опорные точки, устанавливаемые из размера всей композиции, отмечали не только положение отдельных частей фигуры, но и высоту корон и подножий трона, которые не принимались во внимание при расчете пропорций фигур, согласно канонической структуре.

Расчет пропорций исходил из золотого сечения. На рис. 10 можно видеть треугольник CFB, в основании которого лежит отрезок (FB), равный длине стелы. Получаемые в результате деления стороны FB в золотом сечении (Ф) отрезки FO=A и O'B=A пропорциональной шкалы RDN и OB=A+S служат радиусами окружностей, в которые вписываются фигуры Эхнатона и Нефертити. Каждый из размеров пропорциональной шкалы может, в свою очередь, явиться радиусом соответствующей ему окружности, фиксирующей отдельные детали композиции. Так, малая окружность $r'''=I$ включает в себе лицо фараона с фигуркой принцессы и царицы с отметкой местоположения голов двух других принцесс. Подобные окружности испещрили бы всю стелу, если бы мы попытались нанести их на чертеж. Но уже из приведенных достаточно ясно, что каждая линия стелы, прямая или округлая, подчинена закону геометрической организации композиции, в основе которой заложены пропорции золотого сечения.

При построении фигур, помещавшихся на отведенном для них поле, мастер, вероятно, пользовался уже в какой-то мере установившимися соотношениями пропорциональных величин, определяющих их местоположение и размеры. Причем, сопоставляя пропорции фигур Эхнатона на рассматриваемых стелах, можно обнаружить, что одним и тем же элементам соответствуют и одинаковые величины. Так, длина спины от плеча до сидения на обоих памятниках составляет a_2 , длина ноги от колена до стопы — S, что совпадает с принятой канонической системой пропорций (ср. рельеф из гробницы Рамоса, рис. 4).

Приводя в соответствие с каноническими пропорциями фигур характерные особенности строения тела Эхнатона, мастер придает голове с ее специфической посадкой на длинной тонкой шее легкий наклон, фигуре с мягко очерченным контуром груди и живота — непринужденную позу, отставляя назад согнутые в коленях ноги. Тем самым за счет сокращения длины, получаемого благодаря наклону или сгибу, мастер сохраняет общее равновесие пропорций. Учитывая варианты в позах, художники не стремились к закреплению во всех деталях каких бы то ни было устойчивых положений и не подгоняли под схемы найденные в процессе творческой работы индивидуальные решения. При всей общности стилистических приемов памятники амарнского иску-

ства обнаруживают самостоятельность в трактовке близких по сюжету сцен. Варьируя порядок расположения фигур, их масштабные соотношения, позы и жесты, мастер расширял тематику произведений и вносил разнообразие в композицию.

К числу наиболее часто встречающихся со времени Амарны сцен можно отнести «Окно явлений», где главное место отводится изображениям фараона и царицы, раздающих знаки отличия своим приближенным. Такие сцены получили каноническую форму, используемую во многих гробницах амарнских вельмож. Менялись лишь имена и фигуры принимающих дары, основа же композиционного решения повторялась с незначительными вариантами в деталях.

Следует отметить, что условно определяемая тематическая линия «дворцового искусства» — сцены в царских покоях или торжественные выезды на колесницах — получила широкое развитие в Амарнскую эпоху. Сопровождающие фараона слуги все чаще стали изображаться в позе «почитания» — в полусогнутом положении (гробницы Мерира, Пареннефера). Повествовательная линия сюжета развивалась вторым планом в последовательно развертывающихся регистрах, где в нескольких эпизодах давалось пояснение к основной сцене. Большое место стало уделяться условной передаче пояснительных деталей — изображению фасада и интерьера дворца, сада и т. п. Соответственно общему замыслу композиции Эхнатон и Нефертити, совершающие основное действие в той или иной сцене, выделены большим размером среди других фигур. Традиционный принцип разномасштабности продолжает играть важную роль в смысловом раскрытии сюжета. Акцентируя главное звено, художник далеко не всегда помещает его в центре. К нему направлено действие всей развертывающейся по регистрам сцены. Однако в отличие от предшествующих эпох регистры идут не по всей поверхности стены, а прерываются в тех местах, где крупным планом показана основная сцена. Можно отметить в амарнских рельефах наличие основных компонентов, входящих в понятие канона, — приемы разномасштабности, построение композиций по регистрам, новые иконографические черты и пропорциональная соразмерность целого и частей. Нововведенные амарнскими художниками сцены приобретают тематическую и композиционную устойчивость; повторяемость их свидетельствует об установлении определенной канонической формы, не исключавшей вариантность и довольно значительные отступления в трактовке как основного сюжетного зерна, так и ряда деталей. Например, сцены с аналогичным сюжетом имеют и весьма близкую структуру композиционного построения (см. рельефы с изображением одноименной композиции «Окна явлений» из гробницы Мерира, Мерира II и Пареннефера). Следовательно, канон применительно к памятникам искусства Амарны (к пластике и росписям) проявлялся в строгом пропорциональном соподчинении целого и частного, где ни одно из сюжетных звеньев,

ни отдельные его детали не брались произвольно, вне пропорциональной зависимости и взаимосвязи с целым.

Что касается метода работы над круглой скульптурой, то мастера применяли приемы обработки блока с профильных сторон, нанося контуры фигуры, а затем вырезая ее силуэт. Примером может служить незаконченная статуэтка, изображающая коленопреклоненного фараона перед жертвенником. Подобная композиция, впервые встречающаяся в Амарне, получит дальнейшее развитие в памятниках XIX династии.

В первую половину правления Эхнатона, насколько об этом можно судить по сохранившимся памятникам, преобладающая роль выпала на долю рельефных композиций. Со второго этапа круглая скульптура стала занимать преимущественное положение. Несмотря на выдвинутое самим фараоном требование максимально точного воспроизведения индивидуальных черт, портретные образы Эхнатона и его дочерей не избежали известной типизации. Изображения принцесс близки между собой благодаря общности стилистических приемов (сравнить фрагмент дворцовых росписей Ахетатона с остраконом Капского музея, на котором представлена принцесса Бакетатон с уткой). Как видно, утрировались не только фигуры и портреты самого Эхнатона, подобные приемы распространялись и на изображения Нефертити и принцесс. Эти особенности явно ощущаются в рельефах пограничной стелы, где вопреки установленной традиции фараон и члены царской семьи показаны в чистом профиле в отличие от принятого изображения фигур, совмещавших профильные элементы с фасными. Что касается композиции памятника, то симметрия в расположении групп, направляющихся к солнцу, не нарушается, несмотря на неравные интервалы между фигурами правой и левой частей. Поскольку пропорции ритмически уравнивают всю композицию, такое отступление от буквальной симметрии почти не бросается в глаза. Напротив, избегая зеркального соответствия, мастер в пределах симметрии достигает известной свободы.

Стилистические приемы изображения основаны на отборе и закреплении характерных признаков индивидуального облика фараона. Однако устойчивость их проявлялась на протяжении первых лет царствования Эхнатона. Далее мастера отходят от утрированной манеры исполнения, работая в ином стиле, овеянном поэтической одухотворенностью образов, стремлением к раскрытию внутреннего мира человека.

На рельефах гробниц, созданных во вторую половину правления Эхнатона, и при его преемниках еще продолжали изображать царя и царицу в том иконографическом облике, который характерен для памятников первых лет эпохи Амарны. Однако той почти гротескной остроты, которой отмечены ранние произведения, здесь уже нет.

Круглая пластика второй половины царствования Эхнатона знаменует расцвет портретного искусства. Эта группа произведе-

ний представлена работами, отмеченными единым стилем исполнения и условно приписываемыми мастерской скульптора Тутмоса из Ахетатона.

Найденные незавершенные статуи, а также гипсовые отливки позволяют проследить процесс работы древнеегипетских мастеров над скульптурой. Скульптурный портрет восходит к традициям древнеегипетской погребальной маски. Мастера Амарны, использовавшие маски на промежуточных стадиях работы, шли по линии обобщения индивидуальных черт, всякий раз освобождая изображение от излишних деталей. Памятники, среди которых встречаются статуи, повторяющие канонические типы, не только внешне следуют традиционным позам изображения фигур, но и во многом возвращаются к канонической системе пропорций. Но подобный «возврат» не означал отказа от всего нового, что было создано художниками Амарны. Напротив, используя каноническую соразмерность в построении фигур, мастера изображают их соответственно эстетическим требованиям своего времени и согласно выработанным стилистическим приемам исполнения. Так, в статуэтке Нефертити из Берлинского музея, где ощущается уже возраст царицы, несмотря на всю каноничность позы, ясно прослеживаются веяния амарнского искусства, нашедшие отражение в пластической моделировке объемов, передаче портрета и возрастной характеристике. Следовательно, правила канона не только не связывали творческой инициативы художника, но способствовали раскрытию его индивидуальности в видении образа.

К передаче портретного сходства художники различных эпох подходили по-разному в зависимости от назначения памятников. Отсюда наличие нескольких направлений в пределах одного стиля и нескольких стилистических линий в пределах одной эпохи. Как и всякое великое искусство, культура Амарны выработала на основе теоретических предписаний и практики свои художественные принципы, подчинив требование правдоподобия творческому переосмыслению натуры. Индивидуальные особенности модели являлись лишь исходной предпосылкой художественной трансформации образа.

Система пропорциональных соотношений служила основой построения новых композиционных сцен. Специфика иконографии образов в одних случаях сочеталась с каноническими типами, в других — проявлялась в новых формах изображения, которые, в свою очередь, оказались устойчивыми и находили применение в целом ряде памятников. В процессе художественных поисков мастер изменял привычные соотношения в строении фигуры и черт лица, производя «сдвиг» пропорциональных величин, фиксировавших размеры тех или иных частей. В результате этого одни элементы чрезмерно увеличивались, вытягивались, другие сокращались, уменьшаясь в объеме и протяженности. Сами египетские мастера не воспринимали подобные изменения фигуры

и портрета как некий гротеск. Приемы деформации, проявившие известную устойчивость, получили значение традиционных, распространяясь на определенную группу памятников. Их нельзя назвать каноническими, ибо они не вылились в четко выраженную структурную закономерность. Канон же в его применении к амарнскому искусству не игнорировался художниками, но во многом был переосмыслен ими в отношении составляющих его компонентов. Все они в той или иной степени, в совокупности или по частям присутствуют в памятниках амарнской эпохи, способствуя логической убедительности, выразительному языку и своеобразию видения художников. Отсутствие одного из составных компонентов канона могло быть допустимо. И если не во всех памятниках прослеживается закономерность системы, то наличие пропорционально организованной, замкнутой композиции являлось строго обязательным. Амарнское искусство может служить наилучшим подтверждением универсальности правил канона, неисчерпаемых возможностей в применении пропорциональных соотношений, допускающих множество вариантов в пределах аналогичных сцен в создании новых композиций и иконографии образов. Следовательно, жизнеспособность канона проявилась в его гибком реагировании на все новые явления. В то же время канон служил своеобразным критерием отбора, закрепляя ценное и отбрасывая случайное. Все новое и лучшее, что было найдено и создано амарнскими мастерами, не разрушало основу канона — систему пропорций, ибо они присутствуют во всех без исключения памятниках древнеегипетского искусства. Специфические для амарнского искусства особенности передачи человеческой фигуры не получили дальнейшего развития, поскольку эти приемы исключительно отвечали условиям своего времени.

Эпоха Амарны, отмеченная длительными поисками передачи портретной характеристики образов, так и не создала единой иконографии. Портреты Эхнатона, Нефертити и принцесс отличаются большим разнообразием стиля исполнения.

Естественно, что при тех значительных изменениях индивидуальных черт каноническая структура пропорций не могла быть строго выдержана. В отдельных памятниках мастер, укрупняя такие детали, как нос или губы, вписывает их форму и размер в соответствующие пропорциональные величины путем изменения углов наклона или очертаний — во многих портретах линия от лба к носу идет отлого, благодаря чему нос значительно выступает вперед. Таким образом общее равновесие пропорций восстанавливается.

Не только портреты, но и новые по тематике сцены выполнялись художниками не в отрыве от традиционных методов работы, а в органичной связи с канонической структурой пропорций. В результате создается то поразительное равновесие формы, законченность композиционных построений, которое присуще памятникам древнеегипетского искусства.

Как мы уже могли убедиться, искусство Амарны не было стилистически однородным. Несмотря на кратковременность этого периода, наследие его не исчерпывалось ни в культуре ближайших преемников Эхнатона, ни в последующие века. И если при фараоне Тутанхамоне наступает реставрация культа Амона, то в области культуры амарнские традиции проявили исключительную стойкость. Можно без преувеличения сказать, что художественные принципы искусства Амарны пережили социально-религиозные преобразования своей эпохи.

¹ Система пропорциональных соотношений RDH — восемь величин, являющихся производными пропорций золотого сечения, выводятся соответственно наибольшему размеру композиции. Буквенные обозначения их A, C, S, •, N, E, J, R (в порядке убывания размеров величин) заимствованы из работы: A. Fournier des Corats. *La proportion égyptienne et les Rapports de Divine Harmonie*. P., 1957; подробнее см.: Н. А. Померанцева. Роль системы пропорциональных соотношений в сложении канона в произведениях древнеегипетской пластики. — Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973, с. 211—239.

С Я. Берзина

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ТАРА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В 1955 г. в одном из районов г. Керчи, поселке Войкова, по ул. Ванцетти, 9, во дворе детсада Коксохимического завода, при посадке деревьев была вскрыта яма с древними сосудами. Она была вырыта в насынном грунте и перекрыта известняковой плитой, обложенной камнями. Перекрытие находилось на глубине 0,30 м от современной поверхности. Границы ямы проследить не удалось. Сосуды стояли на глубине 0,90 м и занимали площадь $0,60 \times 0,55$ м.

В яме находились две амфоры и четыре кувшина¹. Целая амфора и два кувшина с фрагментированными горлами были замечены и вынуты еще до прибытия сотрудников музея². На месте, под частью перекрытия, остались только сосуды, раздавленные землей (рис. 1). В яму амфоры и кувшины в свое время были поставлены с вином: винный осадок сохранился на их стенках.

Детсад, во дворе которого была сделана находка, расположен на небольшом оплывшем и поврежденном кургане, высотой около 4 м. Он был насыпан на естественной возвышенности, южный и восточный склоны которой хорошо видны и сейчас. Этот курган находится в 3—4 км от руин боспорского города Мирмекия и входит в его некрополь. Курганная насыпь насыщена фрагментами античной керамики. Вероятно, это связано с близостью города и использованием его мусорной свалки. Курган, описываемый нами, один из немногих, сохранившихся непосредственно вблизи Мирмекия. При строительстве, разрушившемся здесь в 30-е годы, был снесен большой курганный могильник.

Яма с сосудами находилась в северной полё кургана. В этой же полё при строительстве здания детсада в 1938 г. была открыта гробница с саркофагом V в. до н. э.³ В 1956 г в южной полё кургана, на глубине 0,5 м от современной поверхности, в 34 м к юго-востоку от ямы-хранилища нами была раскопана еще одна гробница. Ее размеры $1,90 \times 0,57$ м. Гробница впущена в материк.

Рис. 1. Яма-хранилище с сосудами. Некрополь Мирмекия

Ее стенки сложены из небольших плит и отдельных известняковых камней, иногда в два ряда, один на другом. Дно выложено мелкими камнями. Перекрытие состоит из двух больших, грубо обработанных известняковых плит, приближающихся по форме к прямоугольнику, и обложено бутом. Гробница ориентирована северо-северо-запад. Кладка гробницы была нарушена. Могила, заполненная плотным, слежавшимся грунтом, оказалась ограбленной. Кости погребенных (обнаружено два черепа) разбросаны и перемешаны. Инвентарь отсутствовал.

Таким образом, в кургане кроме ямы с сосудами обнаружили два погребения. Возможно, под курганной насыпью имеются еще погребения. Яму с сосудами, очевидно, следует рассматривать как хранилище, связанное с какой-нибудь из могил. Обряд выделения запасов за пределы гробницы в яме с каменным перекрытием встречается на Боспоре впервые, но случай отдельного «захоронения» амфор или других сосудов с вином, пищей или ве-

Рис. 2. Светлоглиняная амфора из яме-хранилища. Некрополь Мирмекия

щами неоднократно засвидетельствованы в некрополях Северного Причерноморья⁴.

Найденные в яме-хранилище амфоры небольшие, узкогорлые, из светлой глины с крупными включениями пирита. Определены как южнопонтийские, а скорее всего синопские⁵. По своей форме они датируются первой половиной III в. н. э.⁶. На горле одной из них красной краской нанесены буквы А и Г (рис. 2)⁷.

Для нас особый интерес представляют кувшины (рис. 3). Они одинаковые по форме: короткое, суживающееся кверху горло, отогнутый наружу венчик, крутые плечи и яйцевидное тулово, заканчивающееся невысокой, полой внутри ножкой. По нижнему краю ножки идет валик, а на дне ее — небольшой конусовидный выступ на уровне валика. К горлу

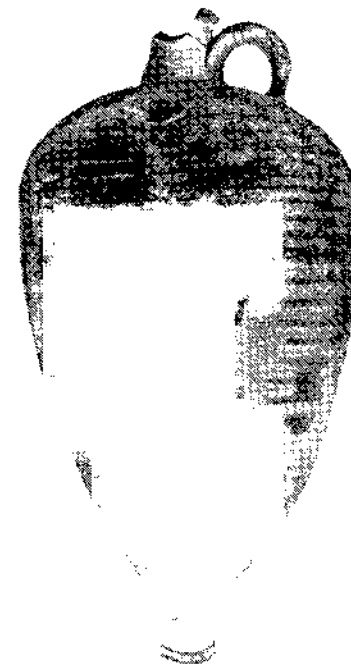
кувшина прилеплена непропорционально маленькая круглая ручка, раздвоенная сверху бороздкой (на одних — в виде впадины, на других — зазубрины). Кувшины реберчатые; начинаясь небольшими выступами у горла, узкие «ребра» опоясывают весь сосуд.

Кувшины сделаны из чистой, хорошо отмученной коричнево-розовой глины с мелкими слюдяными блестками. Снаружи они покрыты белой обмазкой, по которой в верхней части сосуда нанесена темная краска, имеющая на одних буро-черный, на других — красный цвет. В темную краску их, очевидно, окунали, держа за ножку, так как этой же краской покрыта внутренняя поверхность горла и верхней части стенок. При возвращении сосуда в нормальное положение темная краска полосками стекала вниз, образуя затеки. Вторичная окраска по цвету и по технике нанесения на сосуд может быть определена как поздний красный лак.

При всей тщательности изготовления кувшинов и их тонкости они представляли собой тару. Высота наиболее сохранившегося кувшина 0,43 м (высота горла 0,05 м), емкость — 5,5 л.

Подобные кувшины были найдены в большом количестве на Афинской агоре в слоях римского времени (I в. до н. э. — VI в. н. э.)⁸. М. Ланг, занимавшаяся специальным исследованием

Рис. 3. Тарный кувшин из яме-хранилища. Некрополь Мирмекия

этих находок, прослеживает, как с течением времени изменяются глиняное тесто, формы и пропорции сосудов. Вначале это большие кувшины обычного вида. Со временем они приобретают форму одноручных амфор, которые и зафиксированы в Мирмекии. На позднем этапе кувшины становятся веретенообразными и на горлышке появляются две ручки-прилепа. Мирмекийские кувшины относятся к группе, датируемой М. Ланг II—III вв. н. э.⁹.

Все кувшины исследуемого типа безусловно не афинского происхождения, но М. Ланг затруднялась определить место их производства. В 1955 г., когда была опубликована статья, она могла привести только две аналогии за пределами Афин, обе в Восточном Средиземноморье: фрагмент горла из Тарса и целый кувшин

I в. н. э. с Кипра. Г. Робинсон добавил к этим местонахождениям публикации материалов из нубадских некрополей Кустула и Балланы (IV—VI вв. н. э.), из укрепленного римского лагеря в Западной Вестфалии на трансрейнской дороге (рубеж нашей эры) и из поселения раннеримского времени на Пиренейском полуострове. Это не уточнило вопрос о происхождении кувшинов, только подтвердилась их основная восточносредиземноморская приписка. Однако американская исследовательница определила направление поисков. Дешифровка граффити, нанесенных на кувшины, показала, что основная масса надписей содержит даты актийской эры. «Использование актийской эры слишком широко распространено, по крайней мере в Восточном Средиземноморье, чтобы помочь в определении места производства. Единственный возможный ключ к решению загадки — интерпретации граффити МА, встреченного на двух кувшинах и могущего быть египетской мерой емкости»¹⁰.

Керамическим производством Египта римского времени никто не занимался. По письменным источникам известно о гончарных мастерских этого времени в Александрии, Фиваиде, Сомоло, Хамаре и др.¹¹. Несмотря на широкое развитие гончарного дела в Египте, практически вся его продукция потреблялась внутренним рынком¹². Не удивительно, что последующие публикации материалов раскопок в Восточном Средиземноморье прибавили

к сводкам Ланг и Робинсона мало нового: всего шесть кувшинов с территории Израила¹³. В то же время массовый материал из раскопок римских слоев провинциальных египетских городов и поселений начали публиковать только в последнее время, да и то не всегда и не полностью. Обычная местная керамика из римской Александрии не изучалась вообще. Сплошной просмотр опубликованных материалов в доступных нам изданиях выявил ряд подобных кувшинов: один из некрополя Гермополя (I—III вв. н. э.)¹⁴, один из городища Гераклеополя (IV в. н. э.)¹⁵ и несколько десятков из некрополя Гермоны (IV—V вв. н. э.)¹⁶. Таким образом, исследуемые нами кувшины были обнаружены на территории римского Египта.

Прояснить действительное положение вещей помогают находки в той же долине Нила, на территории Северного Мероэ — Верхней Нубии. В силу целого ряда причин массовый материал здесь учитывался и публиковался значительно лучше. Тарные кувшины были открыты в некрополях у Фараса¹⁷, Караного¹⁸, Кустула и Балланы¹⁹, Гемаи²⁰.

Из нубадского некрополя близ Гемаи известны три одноручных кувшина. Один с граффити 6 ИК. Среди небольшого количества вещей, опубликованных из раскопок некрополя Фараса (древний Пахорис), известен один такой же кувшин, найденный в поздне-римской могиле. Это веретенообразная модификация с двумя ручками.

Очень много кувшинов поздних типов найдено в Кустуле и Баллане. В IV—VI вв. н. э. здесь был некрополь царского рода нубадов: каменные гробницы с насыпанными курганами. Специальные помещения в этих гробницах были заставлены тарой с вином. Один из самых распространенных видов тары составляли исследуемые нами кувшины. Тип такого кувшина был воспроизведен и в бронзе.

Наибольшее значение имеют находки в Караного, где был некрополь мероитского города Аниба. Крайние хронологические рамки некрополя I—IV вв. н. э., основная масса захоронений относится к III в. н. э. Многие могилы были разграблены еще в древности. Среди сохранившегося инвентаря обнаружено пять целых тарных кувшинов. На одном из них (гробница № 187) имелось греческое граффити РПА (184 г. актийской эры, или 154 г. н. э.) и мероитская надпись.

Итак, кувшины исследуемого типа составляют массовый материал среди находок римского и нубадского времени в Северном Мероэ (Верхняя Нубия). Употреблялись они здесь в качестве винной тары. Вино на этой территории — предмет роскоши, привозимый издалека, так как виноделие в долине Нила по природным условиям ограничивалось первым порогом²¹. В Мероитское царство вино доставлялось в основном из Египта²². О торговых операциях такого рода свидетельствуют сохранившиеся остраконы-расписки римской таможни в Сиене (совр. Асуан)²³. Одна

из таких расписок (от 96 г. н. э.) говорит о ввозе из Египта в Мероэ 1500 тарных емкостей вина, другая (от 150 г. н. э.) — 200. Показателем также кувшин II в. н. э. из Караного, на котором поставили свои отметки отправитель и получатель. В связи со всем вышесказанным египетское происхождение исследуемых кувшинов представляется безусловным. Можно установить определенное место производства их в Египте.

Все известные нам кувшины составляют весьма небольшую и своеобразную группу, что свидетельствует об одном месте их изготовления. В то же время заметные различия в глине и форме позволили М. Ланг выделить три типа: два ранних и один поздний, где смешиваются черты первых двух. Она пришла к выводу, что эти кувшины были сделаны в разных мастерских. Одновременное же существование нескольких мастерских в одном месте, причем пользующихся глиной из разных карьеров, предполагает большой город с развитым ремесленным производством, а наличие торговых пометок — массовое производство, рассчитанное на вывоз за пределы города. Таким условиям в римском Египте отвечал только один город — Александрия.

Массовый материал из римских слоев Александрии никогда не публиковался. Однако существует целый ряд данных эллинистического и римско-византийского времени, позволяющих восстановить картину керамического ремесла Александрии в целом. В Александрии выявлено два комплекса по изготовлению керамики, действовавших в одно и то же время (IV—V вв. н. э.): один на берегу Мареотийского озера²⁴, другой — у святилища Менаса²⁵. Находясь на большом расстоянии друг от друга, они, естественно, брали глину из разных карьеров. Как показало исследование И. Г. Шургая, александрийские гончары использовали глину двух видов: аллювиальную и мергельную, дающих разное тесто. Гамма цветов и структура глины, описанные И. Г. Шургая, полностью совпадают с теми же показателями у исследуемых кувшинов, как представленных М. Ланг, так и найденных в Северном Причерноморье. Все это позволяет считать местом производства египетских тарных кувшинов Александрию.

Находка 1955 г. в Мирмекийском некрополе впервые засвидетельствовала этот тип тары в Северном Причерноморье вообще, на территории Боспорского царства в частности. В 1956 г. на юго-западном участке другого боспорского города, Танаиса, на раскопе 4, в слое римского императорского времени была найдена тарная емкость такого же кувшина (рис. 4)²⁶. Последующие раскопки Танаиса дали значительное количество подобных находок. На раскопе 6, заложенном к западу от рва, окружавшего основной четырехугольный городища, за сезоны 1964—1972 гг. обнаружены многочисленные выразительные фрагменты таких кувшинов (горла, ножки, ручки, корпус с ножками) и, наконец, раздавленный, но полностью собирающийся кувшин. Всего здесь было примерно девять кувшинов типов m, n, o (по классификации

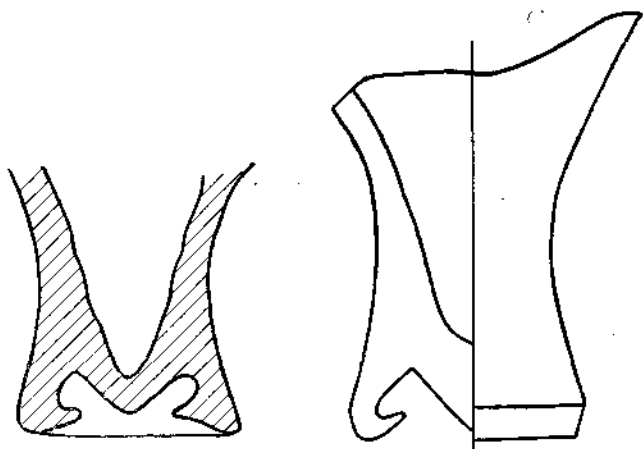

Рис. 4. Ножка тарного кувшина. Городище Танаиса

М. Ланг), «тонкой глины», с белым ангобом и красным или бурочерным лачком. Все они происходят из слоев, хорошо прослеженных стратиграфически и датированных бесспорным амфорным материалом и монетами концом II—первой половиной III в. н. э. В то время на открытой раскопом площади размещались три городские усадьбы. Они погибли примерно в 240 г. н. э. Раздавленный кувшин находился на полу помещения (VV) одной из этих усадеб²⁷.

За пределами Боспорского царства, в Ольвии, в зернохранилище 11, в 1963 г. в одной яме был найден обломок горла с частью ручки такого кувшина. В 1964 г. в яме 57 этого же зернохранилища были обнаружены два раздавленных, но впоследствии полностью восстановленных кувшина, датировемых, согласно М. Ланг, II и II—III вв. н. э. (соответственно таблица 79 о, d)²⁸. Здесь, так же как и в Мирмекии, оказались две южнопонтийские амфоры первой половины III в. н. э. с пометками, сделанными красной краской. Основная масса керамики в яме относится к III в. н. э. Присутствие здесь кувшинов более раннего времени связано, вероятно, с их вторичным использованием — в них хранили зерно.

Перечисленные выше находки позволяют говорить о вывозе вина из Египта в Северное Причерноморье, по крайней мере на Боспор и в Ольвию, во II—III вв. н. э.

Торговые отношения Египта с Северным Причерноморьем восходят к VII—VI вв. до н. э. Контрагентом греческих колоний Понта Эвксинского в тот период выступал Навкратис. Налаживание непосредственных связей с Египтом относится уже к эллинистической эпохе. Ко времени Агафархида (Diod. III, 34,7) сложился прямой путь, ведущий из Азовского моря через Родос

в Александрию и далее в Мероз. Для корабля, идущего без задержек, он занимал до Александрии 14 дней. Археологические находки подтверждают существование такого пути и позволяют установить отдельные отрезки маршрута. Так, вазы стиля Гадра, которые изготавливались в Александрии для погребальных целей, найдены (за пределами владений Птолемеев) на Кипре, Родосе, в Афинах, Ольвии и на Боспоре²⁹. Топография находок александрийских тарных кувшинов I в. до н. э.—III в. н. э. показывает, что и в римское время торговый маршрут, связывающий Александрию и Северное Причерноморье, не изменился.

Торговыми отношениями Александрии с Ольвией занимается И. Г. Шургай³⁰. Базируясь на изучении и систематизации ваз стиля Гадра, найденных в Северном Причерноморье, автор пришел к выводу о главенствующей роли Ольвии в экономических и культурных связях с Александрией в эллинистический период. Доводы автора не представляются, однако, убедительными. Что касается собственно археологического материала, то находки ваз стиля Гадра вместе с их местными подражаниями в Северном Причерноморье в целом дают столь малые арифметические величины, которые не могут использоваться в качестве основания для сравнения каких-либо регионов. В целом же материал, собранный автором по региону Ольвии — Тире, действительно свидетельствует о существовании связей с Александрией. Но без сравнения со столь же полно собранным материалом по Боспору он не доказывает ольвийского (или ольвийско-тирского) приоритета. Комплексы археологических памятников и письменных источников Ольвии — Тире, с одной стороны, и Боспора — с другой, сравниваются Б. Б. Пиотровским³¹ и М. А. Коростовцевым³². Б. Б. Пиотровский подчеркивает в своей статье изобилие египетских и подражающих им предметов из Керчи по сравнению с Херсонесом и Ольвией — Тирой от VII в. до н. э. по III в. н. э. М. А. Коростовцев, обобщивший археологические находки и письменные источники, считает, что связи Александрии с Боспором в эллинистический период были более интенсивными, чем с другими районами Северного Причерноморья.

Деловая активность торговцев-мореплавателей из Северного Причерноморья в эллинистическом Египте привела к распространению культа греко-египетских божеств на Боспоре, в Ольвии и Херсонесе. Это явление отразилось в надписях, скульптуре и очень своеобразной группе археологических памятников: бронзовых перстнях с изображениями богов и богинь птолемеевского Египта и самих божественных Птолемеев. Подавляющее большинство из этих находок приходится на Боспор.³³

Особенно усилились связи Египта и Боспора в римский период. Массовые находки свидетельствуют о постоянных торговых отношениях с Александрией, откуда привозили стеклянную посуду от самой дорогой³⁴ до «ширпотреба»³⁵, ароматические масла³⁶, настовые и фаянсовые украшения и амулеты³⁷, сердоликовые

бусы³⁸, фигурные керамические сосуды³⁹, терракоты⁴⁰, резные поделки из слоновой кости⁴¹, изделия художественного бронзового литья⁴². На боспорском рынке были в ходу монеты, чеканенные в Александрии⁴³.

Находки александрийской винной тары не только увеличивают список товаров, поступавших на Боспор. Они уточняют наше представление о характере этой торговли. В самом деле, сотни штук стеклянной посуды или бальзамариев с благовониями, тысячи бусин и амулетов могли быть доставлены на одном корабле за один раз. Хозяин груза, отправляя его в путь, не должен был беспокоиться о продаже своего товара. Александрия практически была монопольным производителем парфюмерии в Средиземноморье⁴⁴ и одним из основных производителей стекла в Восточном Средиземноморье⁴⁵. Отправка кувшинов с вином требовала, во-первых, других корабельных емкостей, а во-вторых, хорошего знакомства с рыночной конъюнктурой. В отличие от Ольвии, жившей всегда привозным вином, на Боспоре производили свое, и в больших количествах⁴⁶. Кроме того, вино постоянно завозилось сюда из южнопонтских городов⁴⁷. Находки александрийской винной тары свидетельствуют о постоянстве торговых связей Александрии с Боспором в первые века нашей эры.

Судя по археологическим находкам, торговые связи Боспора с Александрией продолжались и в V—VI вв. н. э.⁴⁸

¹ Вещи поступили в Керченский музей. Инв. номер К 9440.

² Раскопки велл В. Э. Кунина и С. Я. Берзина.

³ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. — МИА. 1952, № 25, с. 214.

⁴ Например, ОАК за 1873 г., с. VII, XIII, XXI; ОАК за 1904 г., с. 34; АДЖ, с. 138.

⁵ И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. — ВДИ. 1951, № 3, с. 115; В. Ф. Гайдукевич. — ВДИ. 1951, № 3, с. 190; М. Л. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 335; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. М., 1960, с. 33 и сл.

⁶ Г. И. Мосберг. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. — СА. 1946, т. VIII, с. 115, рис. 4, 1; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1933—1940 гг. — МИА. № 25, 1952, с. 97, рис. 114, 4; он же. Илурат. — МИА. 1958, № 85, с. 36, рис. 20, 2; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора; Д. В. Деопик, О. Ю. Круг. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками. — СА. 1972, № 3, с. 101.

⁷ Ср.: Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, с. 72, рис. 28; Г. И. Мосберг. К изучению...; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. М., 1961, табл. 13, 4.

⁸ The Athenian Agora. Vol. 5. H. S. Robinson. Pottery of the Roman Period. Chronology. Princeton, 1959, с. 17 и сл.

⁹ M. Lang. Dated Jars of Early Imperial Times. — «Hesperia». Athens, 1955, № 4, с. 277—285. См. Pl. 79, n.

¹⁰ M. Lang. Dated Jars... с. 281; МА — сокращение от MATION.

¹¹ A. C. Johnson. Roman Egypt to the Reign of Diocletian. Baltimore, 1936, с. 7341.

¹² A. C. Johnson, L. C. West. Byzantine Egypt: Economic Studies. Princeton, 1949, с. 113—116.

¹³ E. Meyers e. a. Ancient Synagogue Excavations at Khirbet Shema. Upper Galilee, Israel 1970—1972. Durham, 1976, с. 237—238, табл. 7, 23, № 26—27; N. Avigad. Beth Shecarim. The Archaeological Excavations during 1953—1958. Vol. 3. The Catacombs 12—23. Jerusalem, 1971, с. 147, рис. 94, 12A и 12B; B. Bagatt. Excavations in Nazareth. Vol. 1. From the Beginning to the XVII-th Century. Jerusalem, 1969, с. 701 и сл., рис. 220, 4; S. J. Saller. Excavations at Bethany (1949—1953). Jerusalem, 1957, с. 311, рис. 62, 412.

¹⁴ Hermopolis, 1929—1939. Hildesheim, 1959, табл. 37 m, 247, § 63.

¹⁵ W. M. F. Petrie. Roman Ehnasya. L., 1905, табл. XXXIII, 132.

¹⁶ O. H. Myers, H. W. Fairman. Excavations at Armant, 1929—1931. — «Journal of Egyptian Archaeology». L., 1931, vol. 17, p. 3—4, табл. XLVI, L, LI; R. Mond, O. H. Myers. The Bucheum. Vol. 3. L., 1934, табл. CXLVIII—CXLIX, K, L, M.

¹⁷ F. Ll. Griffiths. Oxford Excavations in Nubia. — «Annals of Archaeology and Anthropology. University of Liverpool». 1924, vol. 11, № 2, тип 48.

¹⁸ Ch. L. Wooley, L. Randell-Maciver. Karanog. The Romano-Nubian cemetery. Philadelphia, 1919, vol. II, табл. 105, рис. XXXIII; vol. I, G 113 (с. 132—133), G 152 (с. 138—139), G 189 (с. 146—147), G 187 (с. 146—147), G 434 (с. 188—189).

¹⁹ W. B. Emery. The Royal Tombs of Ballana and Qustul Cairo, 1938, vol. I, с. 39, № 13, с. 355, cat. № 781; vol. 2, табл. III, 13A, B, C; табл. 93 B.

²⁰ O. Bates, D. Dunham. Excavations at Gammal. — Harvard African Studies. Vol. 8. Cambridge, 1927, с. 54, 61, 91 и сл.; 105 и сл.; табл. 30, 2, B; табл. 64, рис. 17, рис. 18.

²¹ W. Y. Adams. The Vintage of Nubia. — «Kush». Khartoum, 1966, vol. 14, с. 262—283.

²² И. С. Каннельсон. Напата и Мероэ — древние царства Судана. М., 1970, с. 280.

²³ U. Wilcken. Griechische Ostraca aus Agypten und Nubia. Bd 2. Lpz., 1899, № 43, 150.

²⁴ И. Г. Шургая. Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (конец IV—I вв. до н. э.). Л., 1966, с. 7.

²⁵ К. М. Kaufman. Die heiligen Stadt der Wüste. Kempten, 1921.

²⁶ Любезное сообщение и рисунок А. К. Коровиной, начальника раскопа.

²⁷ Материалы собраны и представлены в мое распоряжение Д. В. Деопиком, которому приношу искреннюю благодарность. Согласно его сообщению, в 1974 г. в раскопе 14, на территории подвала (D), были найдены один целый кувшин в слое первой половины III в. н. э. и фрагменты трех кувшинов в слое II—III вв. н. э. В сезон 1975 г. на территории Танаиса откопали еще семь кувшинов.

²⁸ Г. М. Мелентьева. Ольвийский керамический комплекс первых веков н. э. — КСИА. М., 1969, № 116, с. 26—27.

²⁹ И. Г. Шургая. Импорт Александрии в Северное Причерноморье. — ВДИ. 1965, № 4, с. 126—140.

³⁰ И. Г. Шургая. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху. — ВДИ. 1972, № 3, с. 17—29; см. также: И. Г. Шургая. О греко-египетском культе в Северном Причерноморье. — История и культура античного мира. М., 1977, с. 206—210.

³¹ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. — СА. 1958, № 1, с. 20—27.

³² М. А. Коростовцев. Древнеегипетские находки в СССР. — «Вестник истории мировой культуры». М., 1957, № 2, с. 72—80.

³³ О. Я. Неверов. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа. (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье). — ВДИ. 1974, № 1, с. 106—115.

³⁴ М. И. Ростовцев. Стекланные расписные вазы позднеэллинистического времени и история декоративной живописи. — ИАН. 1914, вып. 54, с. 1, 119, 120; Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. — МИА, № 103, с. 210—236; она же. Стекланные сосуды из Танаиса. — Древности Нижнего Дона. М., 1965, с. 202—239; Н. З. Кунина. Группа полихромных стекланных сосудов из некрополя Пантикапея. — СА. 1970, № 3, с. 224—228.

³⁵ Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. — Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 134—176; она же. О стекланных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. — СА. 1971, № 4, с. 85—101.

³⁶ Н. З. Кунина, Н. П. Сорокина. Стекланные балзамарии Боспора. — Труды Государственного Эрмитажа. Т. 13. Л., 1972, с. 146—177.

³⁷ Указать все находки и публикации в одной сноске просто невозможно. Наиболее полную библиографию по этому вопросу см.: Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972, с. 143—144, 179 и сл.

³⁸ Там же, с. 146.

³⁹ V. F. Gaïdukevici. Das Bosporanische Reich. В., 1971, с. 421.

⁴⁰ И. Б. Клейман. Декілька греко-эгипетських теракот Одеського археологічного музею. — Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. Т. 149. Серія історичних наук, вип. 7, 1959, с. 147—151; Терракоты Северного Причерноморья. Ч. 1 и 2. М., 1970, с. 18, 95 и сл.; Терракотовые статуэтки. Ч. 3. Пантикапей. М., 1974, с. 13, 30.

⁴¹ М. Быстрикова. Коптские костяные пластинки IV—V вв. — СГЭ. 1961, вып. 21, с. 35—39; она же. Коптские костяные пластинки с изображением охотничьих сцен. — СГЭ. 1968, вып. 27, с. 63—65; она же. Коптские костяные пластинки со сценами Нильского пейзажа. — СГЭ. 1973, вып. 36, с. 51—54.

⁴² И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 208; Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 1. М., 1974, с. 143 и сл.

⁴³ И. Т. Кругликова. Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований. — КСИА. 1962, № 103, с. 7, рис. 2; Н. И. Сокольский. К истории северо-западной части Таманского полуострова. — IV conference internationale d'études classiques des pays socialistes. София, 1963, с. 18; Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., с. 149.

⁴⁴ J. I. Miller. The Spice Trade of the Roman Empire, 20 B. C. to A. D. 641. Ок., 1969.

⁴⁵ Наряду с Сидоном.

⁴⁶ V. F. Gaïdukevici. Das Bosporanische Reich, с. 378—380.

⁴⁷ Там же; И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем.

⁴⁸ И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время, с. 208; М. Быстрикова. Коптские костяные пластинки.

Н. А. Мещерский

ЕГИПЕТСКИЕ ИМЕНА В СЛАВЯНО-РУССКИХ МЕСЯЦЕСЛОВАХ

В нашей филологической науке все заметнее усиливаются интерес и внимание к вопросам ономастики, и в частности к антропонимике, т. е. к изучению собственных имен людей. Назовем работы Т. Н. Кондратьевой, В. А. Никонова, Н. А. Петровского, А. В. Суперанской, В. А. Тагуновой¹. Укажем также на неоднократно переиздававшуюся книгу писателя-лингвиста Л. В. Успенского «Ты и твое имя»². В трудах названных авторов наряду с другими затрагиваются проблемы этимологии и толкования первоначального нарицательного значения русских личных имен. Однако, к сожалению, далеко не всегда сведения, сообщаемые в этих работах, в должной степени научно обоснованы.

Раздел ономастики несколько лет назад был включен в факультативные курсы для учащихся средних школ РСФСР по русскому языку. Изложение этой темы в пособиях, предназначенных для его проведения, тоже не свободно от некоторых досадных неточностей³.

Цель статьи — рассмотреть этимологию и первоначальное нарицательное значение имен, встречающихся в старинных славяно-русских месяцесловах и других календарных пособиях, если эти имена могут быть возведены к древнеегипетскому или образовавшемуся на почве последнего (в III в. н. э.) коптскому языку.

Древнеславянский и древнерусский письменно-литературные языки принадлежали к восточносредиземноморскому (иначе — восточнохристианскому) культурно-историческому кругу языков, который образовался в эпоху перехода от античности к средневековью в странах юго-востока Европы, Передней Азии и северо-востока Африки. Центром названного культурно-исторического региона являлся мир эллинистической Греции (впоследствии Византии) с его общегреческим языком койне; к периферии культурного региона примыкали такие языки, как коптский и эфиопский (с юга), сирийский, армянский и грузинский с востока, готский и, наконец, древнеславянский с севера и с северо-востока. От древне-

славянского литературно-письменного языка в процессе его развития на различных ареалах ответвились такие его изводы (или варианты), как древнерусская разновидность церковнославянского языка, болгарский и сербский изводы того же языка; к ним примыкает старорумынский извод языка, использовавшийся в Молдавии и Валахии в XIV—XVII вв.⁴

Непрерывно обновлявшиеся экономические, политические и культурные связи между народами, говорившими и писавшими на вышеперечисленных языках, повлекли за собою их тесное взаимодействие в течение всего периода средневековья. Это взаимодействие частично осуществлялось непосредственно между народами и их языками, главным же образом благодаря грекам и их языку. Греческий язык византийской эпохи был для этих народов авторитетным источником как язык Нового завета⁵.

С наибольшей ясностью такого рода межъязыковые контакты прослеживаются в области ономастики, и особенно в сфере личных имен людей. Благодаря этому во все древнеславянские и древнерусские месяцесловы, минеи, прологи и другие сборники текстов с календарным построением проникают антропонимы не только из греческого языка (а таких личных имен подавляющее большинство во всех этих памятниках), но также из других языков того же культурно-исторического круга: коптского, сирийского, грузинского; отдельные имена входят из латинского и древнееврейского языков в связи с переводами ветхозаветных книг Библии.

Предметом нашего рассмотрения будут толкования собственных имен людей египетского (коптского) происхождения в месяцесловах древнеславянских и русских (взятых в широком значении этих терминов). Наиболее полным для нас источником представляются материалы, собранные в широко известном справочном своде «Полный месяцеслов Востока», составленном в последние десятилетия XIX в.⁶

Египетская (или коптская) языковая принадлежность того или иного календарного имени определяется как на основе экстралингвистических указаний (исторические сведения о первых носителях этих имен), так и на основе их этимологического состава, если имена образованы от корней позднеегипетского или коптского языков.

Интерес к истолкованию нарицательных значений иноязычных антропонимов возник в средние века уже на византийской почве, где книжниками составлялись специальные словари-ономастиконы для пояснения первоначальных значений негреческих, преимущественно древнееврейских или арамейских, собственных имен, встречающихся в традиционных памятниках письменности, в первую очередь в Библии. Греко-византийские словари-ономастиконы были положены в основу подобных же справочников, создававшихся славяно-русскими авторами в средние века. К таким лексикографическим памятникам, бытовавшим в древней Руси, относятся: «Речь жидовска языка», «О именех, глаголемых жидовь-

скимъ языкомъ», «Толк о неразумных словесах», «Толкование неудобъ познаваемой речи» и т. п.⁷

Сначала в таких словарях-справочниках ограничивались пояснением лишь имен древнееврейского или арамейского происхождения (например, Адам, Авраам, Исаак), заимствуя истолкования этих антропонимов из той же Библии и не пытаясь приводить толкования для имен из греческого или латинского языков. Не выделялись и имена египетского происхождения.

К XVI в. древнерусские лексикографы обратили внимание на пояснения нарицательных значений и для имен греческого происхождения, среди которых иногда встречались и имена египетские. Видную роль в русской лексикографии XVI в. сыграли труды Максима Грека (Триволиса), составившего наряду с другими своими работами и такой памятник, как «Толкование именом», дошедший до нас в трех редакциях, в нескольких десятках списков⁸.

Впоследствии толкования имен, предложенные Максимом Греком, приводились и в разных азбуковниках, создававшихся или переписывавшихся в Московском государстве в XVI—XVII вв., и в словарях, издававшихся в те же столетия в Юго-Западной Руси, например в известном «Лексиконе» Памвы Беринды⁹.

Максим Грек, уроженец г. Арта в Эпире, основательно изучил античную филологию у себя на родине, а затем в Италии, где получил образование под руководством учителей-гуманистов. Он был выдающимся знатоком родного для него греческого языка, хорошо владел латинским и церковнославянским языками. Проявил он себя и как вдумчивый лексиколог и этимолог. Как исследователь, Максим Грек нередко предпочитал скромное *ignotus* фантастическим и недостаточно обоснованным предположениям. Он не смущался тем, что порою отказывался от истолкования имен, этимология которых представлялась ему неясной (например, Игнатий, Сергей). Но при объяснении имен, которые могут быть отнесены к группе греко-египетских, т. е. образованных в эллинистическом Египте в результате смешения египетских и греческих языковых элементов, Максим Грек показывал полную осведомленность. Так, он следующим образом объясняет значение имени Исидор: «Исидоръ исисин даръ, а Исисъ бѣина была в величѣй чести оу египтянех во время идолослужения»¹⁰. Подобным же образом истолковывает Максим и имя Серапион: «Серапионъ египетска пословица, Сарапис оу них бѣъ был чѣтнъ зело, и сего ради и дѣтем своим даяху имя таково»¹¹.

В случаях же встречи с именами целиком египетскими или коптскими Максим Грек, не владея этими языками, истолковывал первоначальное значение антропонимов применительно к этимологии греческого языка, исходя из сходства звучаний. Так, например, имя Пахомий истолковано: «тлъсть плечима»¹². Очевидно, это имя Максим Грек производил от греческого *παῦς* —

широкий, толстый и 'bra — плечо. Данное толкование перешло в дальнейшем и в азбуковники и в «Лексикон» Памвы Беринды¹³.

Коптское имя Патермуфий Максим Грек объясняет как сочетание трех греческих слов: πατήρ μου θεός и переводит: «От(е)ц мой б(о)жественный»¹⁴.

Этимологические традиции, заложенные в трудах Максима Грека, оказались очень устойчивыми. Позднейшие календари XVIII—XX вв. в большинстве своем повторяют толкования Максима Грека или следуют его образцам в методике объяснения имен. Наиболее полным и авторитетным для всех создателей справочников такого рода был уже названный нами «Полный месяцеслов Востока», в котором указатели имен святых снабжены толкованиями «на основании лексикона Папе, греко-французского Александра, греко-русского Коссовича, еврейского Драхе и других»¹⁵.

Египтологи данный вопрос почти не рассматривали. Н. С. Петровский упоминал о проникновении египетских элементов лексики в современный русский язык, указывая на область ономастики и приводя такие («ныне уже архаические имена»), Пафнутий, Пахом, Онуфрий, Таисия, Псой». Он дает этим антропонимам правильные этимологические толкования, основанные на материалах египетского и коптского языков¹⁶. Н. С. Петровский обращает также внимание на отдельные имена египетского происхождения, вошедшие в европейские языки в древнееврейской их передаче по Библии (например, Моисей, Сусанна)¹⁷.

Перейдем же к более подробному рассмотрению собственных имен (антропонимов), которые либо признаются египетскими в вышеназванных источниках, либо могут быть определены как египетские или коптские по указанным нами лингвистическим или экстралингвистическим признакам. При этом будем придерживаться следующего порядка в их анализе: а) рассматриваемое имя с его фонетико-морфологическими и орфографическими вариантами; б) календарная дата, соответствующая «памяти» данного имени в источниках; в) толкование данного имени, принятое в источниках; г) раскрытие этимологии данного имени на основании египетских и коптских языковых материалов. Мы используем при этом египтологические и коптологические научные исследования и пособия¹⁸.

Приводим рассматриваемые имена в порядке русского алфавита.

1. Амма (мученица) — 4 января¹⁹. Этимология и значение в ПМВ не раскрыты. Имя **ΑΜΑ**²⁰ в коптском языке может выступать как обращение к женщине монашеского звания, женская параллель к обращению **ΑΠΑ** (отец). Бесспорных доказательств в пользу египетского происхождения нет. Возможно древнее заимствование в коптский язык из сирийского.

2. Аммон, Амму (преподобный итрийский) — 4 октября²¹ там же Амму (диако́н ираклийский) — 1 сентября; там же Аммон (епископ) — 26 января. Толкование в ПМВ: «егип. или греч. песчаный»²². Очевидно, это имя этимологи производят

от греч. ἄμμος — «песок, песчаная пыль»²³. Толкование Н. А. Петровского: «др.-евр. Амон — искусный мастер, художник» (?! — Н. М.)²⁴. В действительности Амон — хорошо известное имя египетского божества, первоначальное значение которого, видимо, связано со словом «тайный», «сокровенный» (*imn*)²⁵.

3. Аммоний — то же имя с эллинизированным словообразовательным суффиксом -ιος (преподобный в субботу сырную)²⁶. Особого толкования имени Амон в ПМВ нет.

4. Амой (преподобный египетский) — в субботу сырную²⁷. Возможно, что это лишь графический вариант (искажение) имени Амон. В коптских материалах нам не встретилось.

5. Амонафа, Амонафа (преподобный египетский) — в субботу сырную²⁸. То же имя — 12 декабря. В ПМВ нет толкования. Очевидно, это одно из теофорных имен с первой частью — именем бога Амона, типа древнеегипетского Аменемпе. По предположению египтолога Ранке, это коптский эквивалент древнеегипетского антропонима Амоннахт (Амон силен)²⁹.

6. Анувий (преподобный египетский) — 6 июня³⁰. Толкование в ПМВ отсутствует. Н. А. Петровский правильно толкует от греческого имени древнеегипетского бога Анубиса³¹.

7. Варсонофий (преподобный) — 4 октября и 29 февраля³². Варианты: Варсанофий — 14 марта и Варсануфий — 6 февраля³³. В ПМВ и других русских календарях толкования этого имени нет. Его первая часть «Вар-» (ср. араб. bag «сын») могла бы вызывать ассоциации с рядом подобным же образом построенных сирийских личных имен: Вартимей, Варлаам, Варфоломей, Варнава и т. п. Однако в египетском и в коптском языках хорошо засвидетельствованы имена: **ORCANTOY**³⁴, **OTERSHENTOF**, **VERSHENTOF**³⁵. Древнеегипетская этимология: wrs nfr «добрый страж».

8. Исидор (преподобный пелусиотский) — 4 февраля³⁶. В ПМВ названы и другие носители этого имени³⁷. Толкование дается в соответствии с объяснениями Максима Грека, что может быть признано правильным (см. с. 119)³⁸.

9. Исидора (юродивая, преподобная тиренсвйская) — 10 мая³⁹. Женская параллель к предыдущему имени с той же этимологией.

10. Калуф (точнее, Коллу — египетский мученик) — 10 мая. Там же толкование: «может быть (по греческим минеям) Аколуб — сопровождающий, егип. имя»⁴⁰. В коптском обычно: **KALLOUTENS**, род. пад. **KALLOUTOUT**⁴¹.

11. Коприй (мученик египетский) — 9 июля; (преподобный египетский) — 9 июля⁴². ПМВ толкует: «навозный, нечистый (от греч. κόπρια)». Эта этимология может быть признана верной, однако следует иметь в виду, что в древнем Египте Коприй (Хепру) — это имя священного жука, скарабея, изображения которого украшали перстни и печати (ср. совр. русское «жуковина»). Это был символ солнца. Иероглиф священного жука-

скарабея обозначал бытие. В коптском засвидетельствовано имя **КОПРИ**, связываемое с именем бога Ра⁴³.

12. Манефа (греч. Μανεῖς — мученица палестинская) — 13 ноября. В ПМВ истолкование: «данная часть евр.»⁴⁴. Толкование вызывает сомнения, поскольку данное имя — несомненный женский дериват известного египетского мужского имени Манефон (греч. Μανεῖς). Это имя носил известный египетский жрец-историк IV в. до н. э. — начала III в. до н. э. Этимология из древнеегипетского Mr-n-Dhutj «возлюбленный (богом) Тотом»⁴⁵.

13. Моисей («пророк и боговидец») — 4 сентября; (преподобный египетский) — 28 августа⁴⁶. В ПМВ читается обычная библийская этимология имени по книге «Исход» (гл. 2, 10), где приводятся слова дочери фараона, спасшей из воды еврейского младенца: «из воды взят». Это же толкование имени Моисей дает и Иосиф Флавий (Древности иудейские. II, 9, 6). В действительности это имя, по-видимому, было нарицательным названием ребенка в древнеегипетском языке (mšj)⁴⁷. Возможно, ложная этимология образовалась на почве древнееврейского языка⁴⁸.

14. Нонна (праведная, мать Григория Назианзина (Богослова), умершая в 372 г. н. э.) — 5 августа⁴⁹. В ПМВ имя истолковано: «богу посвященная, чистая, святая (егип.)». Это же толкование принято А. В. Суперанской⁵⁰. Однако ни в египетском, ни в коптском не удастся найти семантического соответствия. Первая носительница имени не имела ничего общего с Египтом, будучи обительницей Каппадокии (на востоке Малой Азии). Общепринятая этимология ошибочна. В том же ПМВ читаем и другое объяснение этого имени: «Иные думают, что это имя египетское, но в IV в. его, как видно из примера Нонны сей, употребляли греки в Малой Азии. У позднейших сие слово употребляется в значении: чистой, чистая, посвященная богу, у итальянцев оно значит: дед, бабка»⁵¹. Добавим, что в немецком языке оно применяется в нарицательном значении к монахине вообще. Во всяком случае, мнение об египетском происхождении имени Нонна следует отвергнуть как необоснованное.

15. Онуфрий (с эпитетом «Великий», пустынный египетский) — 12 июня⁵². В ПМВ толкуется: «относящийся к священному быку»⁵³. Это совершенно неверно. Правильное объяснение находим у Н. С. Петровского: «Постоянно находящийся в состоянии благодати»⁵⁴. Это постоянный эпитет бога Осириса. На египетской и коптской почве имя это было одним из распространеннейших антропонимов⁵⁵.

16. Ор (преподобный фиваидский) — 7 августа⁵⁶. В ПМВ оставлено без толкования. В позднейших календарях не ограничивается от омофонного древнееврейского имени (одного из современников и родственников Моисея с этимологией «свет») ⁵⁷. Н. А. Петровский производит от греч. ὄρος «гора»⁵⁸. В действительности широко распространенное древнеегипетское и коптское теоформное имя (сын бога Осириса и Исиды)⁵⁹, коптское **ГОР**⁶⁰.

17. Орсисий (преподобный египетский) — в субботу сырную⁶¹. В ПМВ оставлено без толкования. Это весьма распространенный антропоним египетского и коптского языков: **АРСИСИОС** («Гор сын Исиды») ⁶².

18. Пансий (с эпитетом «Великий», преподобный египетский) — 19 июня⁶³. В ПМВ приводится толкование «детский» (от греч. «дитя»). Это же пояснение находим и у Н. А. Петровского⁶⁴. На самом деле это коптское имя **ПАИСЕ**, этимология: «принадлежащий Исиде» **ПА** — определенный артикль мужского рода, **ИСЕ** — коптская форма имени названной богини⁶⁵.

19. Памва (Памво — пустынный нитрийский) — 18 июля. По-видимому, вариант того же имени: Памвол (мученик египетский) — 5 июня⁶⁶. Первое из имен в ПМВ приводится с толкованием: «пастырь всех, сокращенное от παρβόλος греч.». В действительности это весьма популярное на египетской и коптской речевой почве имя **ПАВОО**. Этимология: «Тот, кто из Омбоса» (город в Верхнем Египте)⁶⁷.

20. Патапий (преподобный египетский) — 8 декабря. В ПМВ нет толкования⁶⁸. В «Лексиконе» Памвы Беринды объяснено: «непотковень»⁶⁹. В действительности это хорошо засвидетельствованное египетское и коптское имя **ПАТАПЕ**. Хойзер поясняет его этимологию: «тот, кто с (большой) головой»⁷⁰. Ср. русское прозвище Голован, Головатый.

21. Патермуфий (Патермуфий — преподобный египетский) — 9 июля; (мученик египетский) — 9 июля и 17 сентября⁷¹. ПМВ оставляет без толкования. Своеобразное объяснение Максима Грека мы приводили выше (с. 120). В коптском документировано **ПАТЕРМОУТЕ** и другие варианты⁷². Древнеегипетская этимология P3 t3 Rnn-t «принадлежащий (богине) Реннута». Этой же богине посвящался 8-й месяц египетского календаря — фармуфи⁷³. Появление антропонима может быть объяснено так: «ребенок, родившийся в названном месяце».

22. Пахомий (с эпитетом «Великий» — преподобный египетский) — 15 мая⁷⁴. ПМВ оставляет имя без толкования. В других источниках повторяется толкование, данное Максимом Греком. Оно приводится и у Н. А. Петровского и у Л. В. Успенского (см. с. 117). В действительности это, несомненно, коптское имя **ПАГООН**⁷⁵ с вариантом **ПАГОНОО** (Пахом Великий). Этимология имени «орел». Русская народно-разговорная форма имени без греческого суффикса -ий, -ос, возвращает нас как будто к исконному коптскому Пахом. Но, очевидно, это возникло как непроизвольный акт речи.

23. Пафнутий (мученик египетский) — 25 сентября; (преподобный египетский) — 25 сентября, 15 февраля и в субботу сырную⁷⁶. ПМВ не дает толкования. В коптском имя многократно засвидетельствовано с этимологией: «тот, кто принадлежит богу», «божий»⁷⁷.

24. Шама (вариант — Шамунъ — преподобная дева) — 3 марта ⁷⁸. Толкование ПМВ: «егип. мать, питательница». В данном объяснении могло отразиться значение коптского обращения к монахине: **ШАА**. Однако мы скорее склонны согласиться с толкованием Хойзера: «(ТА)-ШАА» «происходящая из (египетского) нoma ШАА» (ср. современное арабское географическое название Файюм) ⁷⁹.

25. Пиннуфрий (преподобный египетский) — в субботу сырную ⁸⁰. Без толкования в ПМВ. У Шпигельберга раскрывается как соответствие египетскому **ПНОТТИОС** ⁸¹. Хойзер дает коптскую параллель — **ПНОТТЕ** с этимологией: «принадлежащий богу» или «принадлежащий Онуфрию» ⁸².

26. ПОР (преподобный нитрийский) — в субботу сырную ⁸³. ПМВ не дает толкования. В коптском ПОР засвидетельствовано с этимологией: «принадлежащий Гору» ⁸⁴. О имени «Гор» см. с. 122.

27. Питирун (преподобный египетский) — в субботу сырную ⁸⁵. В ПМВ без истолкования. Возможно, что в данном случае мы находим имя Питирим, образовавшееся уже на русской почве по аналогии с семитизированными образованиями на -им: «херувим, серафим» и др. В коптском прямого соответствия нет. По всей видимости, ПИ можно истолковать как определенный артикль мужского рода (см. имена с этой частью выше). Вторая же часть, возможно, греч. τήρων. Ср. мученик Феодор Тирон — 17 февраля. Эпитет святого от глагола τήρω — «охраняю». Значение имени Питирун: «принадлежащий Тирону (охраняющему)».

28. Пулий (мученик) — 18 февраля ⁸⁶. ПМВ оставляет имя без толкования. Очевидно, это образовавшееся в коптском языке смешанное египетско-латинское имя **П(И)ОУАЛОС** с этимологией: «принадлежащий Иулию».

29. Псой (ученик преподобного Пахомия) — 9 августа ⁸⁷. ПМВ толкует: «мясо на чреслах». Этимология, возможно, восходит к греческому ψα или ψαῖа «поясница» ⁸⁸. В действительности это египетское и коптское имя **ПШАА** (ПШАИС), этимология которого «принадлежащий Шай» (богине судьбы) правильно раскрыта в книге Н. С. Петровского ⁸⁹.

30. Сеннуфрий (преподобный египетский) — 25 марта ⁹⁰. ПМВ этимологии не объясняет. Вероятно, это известное коптское имя **ШЕНОТТЕ** с этимологией: «сын божий» ⁹¹. Имя — одно из самых распространенных у коптов благодаря первому его носителю — основоположнику коптской аскетической письменности.

31. Серапион (мученик) — 24 мая, 13 июля, 11 и 13 сентября ⁹². (преподобный нитрийский) — 7 апреля, 14 мая и в субботу сырную. ПМВ приводит правильное истолкование, впервые предложенное еще Максимом Греком (см. с. 119): «от Сераписа, егип. бога».

32. Сивел, Савел, Солев (мученик египетский) — 5 августа ⁹³. ПМВ толкования не предлагает. Коптская этимология тоже неясна. Возможно, образовано от коптского глагола СВНА «падать» ⁹⁴.

33. Сисой (с эпитетом «Великий», преподобный египетский) — 6 июля ⁹⁵. ПМВ оставляет без истолкования. Н. А. Петровский в качестве возможной этимологии дает: «от еврейского числительного šiši «шестой» ⁹⁶. В коптском обычно документированное имя **ШИХОИ** (вариант **ШИХОИ**), что этимологизируется как относительное прилагательное от существительного «голова». Значение: «(тот), кто с (большой) головой» ⁹⁷.

34. Сусанна (в книге пророка Даниила — праведная; в Евангелии — мироносица) — в неделю с. отец и в неделю мироносиц ⁹⁸. ПМВ дает объяснение: «белая лилия». Так же раскрывает значение этого египетского имени Н. С. Петровский, возводя его к древнеегипетскому sšn; коптское **ШООШЕН** — «лилия». Очевидно, в древнееврейском название растения заимствовано из египетского ⁹⁹.

35. Таисия (святая египетская) — 8 октября; (блаженная) — 10 мая ¹⁰⁰. ПМВ оставляет без истолкования. В коптском известно женское имя **ТАИСС** с этимологией: «принадлежащая Исиде», это женская словообразовательная параллель к имени Паисий (Та — артикль женского рода) ¹⁰¹.

36. Тиеой (преподобный фиваидский) — в субботу сырную ¹⁰². ПМВ не предлагает этимологии. В коптском документировано имя **ТИТВОИ** или **ТИТВОИ**. Может рассматриваться как фонетико-графический вариант имени Сисой. Греч.: Τίτοϋς, Τιθοϋς ¹⁰³.

37. Фармуфий (преподобный египетский) — 21 апреля ¹⁰⁴. ПМВ приводит толкование: «название месяца по-египетски». Толкование это правильно. См. имя Патермуфий.

38. Финеес (святая) — 12 марта ¹⁰⁵. ПМВ приводит толкование: «медный рот» (так! возможно, вместо rog) евр. В действительности это древнееврейское имя, этимология которого может восходить к древнеегипетскому P} nhsj со значением «эфиоп», «житель Нубии» ¹⁰⁶.

* * *

Итак, почти четыре десятка имен в славяно-русском традиционном антропонимическом фонде объединяют историю и культуру русского народа с историей и культурой древнего (дохристианского) и коптского (христианского) Египта. Этими именами наш язык обязан древнеславянским переводным памятникам.

Среди проанализированных имен большая часть собственно египетских или коптских, ряд имен смешанных, греко-египетских, латино-египетских или еврейско-египетских.

К сожалению, наши справочные пособия в большинстве случаев не дают правильного объяснения происхождению и значению этих имен. Пусть значительная часть их ныне воспринимается как архаичная и неупотребительная. Заметим, что и в прошлом значительная доля таких имен, как Онуфрий, Пахомий,

Пафнутий и др., давалась только монахам при постриге. Но все же это след давних культурно-исторических связей. Невнимание к этим именам, а тем более необоснованное фантазирование по поводу их происхождения и значения непростительно!

¹ Т. Н. Кондратьева. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967; В. А. Никонов. Личные имена в современной России. — «Вопросы языкознания». 1967, № 6, с. 102—111; Н. А. Петровский. Словарь личных имен. М., 1966; А. В. Суперанская. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964; В. И. Тагунова. Из жизни личных собственных имен. — Питания ономастики (Материалы II Республиканской нарады з питань ономастики). Київ, 1965 (АН УРСР. Інститут мовознавства); сб. Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970; см. также: С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, и др.

² Л. В. Успенский. Ты и твоё имя. Изд. 1-е. Л., 1960; Изд. 2-е. Л., 1962; Изд. 3-е (в собрании сочинений в двух томах). Л., 1972.

³ Русское слово как предмет языкознания. М., 1972, с. 73—79, 149—155; Методические указания к факультативному курсу «Русское слово как предмет языкознания». М., 1972, с. 74—85.

⁴ См.: Н. А. Мещерский. К вопросу о культурно-исторической общности литературно-письменных языков. — «Вестник Ленинградского гос. университета». 1973, № 14, с. 103—110.

⁵ Н. А. Мещерский. Древнеславянский общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов. — «Вестник Ленинградского гос. университета». 1975, № 8, с. 132—140.

⁶ Сергей архиепископ Владимирский. Полный месяцеслов Востока. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1—2. Владимир, 1901.

⁷ См.: Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963.

⁸ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 97—100.

⁹ Лексикон словенороский Памви Беринди. Київ, 1961 (изд. 1-е. Киев, 1627).

¹⁰ Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 320.

¹¹ Там же, с. 320.

¹² Там же, с. 326.

¹³ Толкование это через позднейшие календари дошло до наших дней. Оно воспроизведено Л. В. Успенским: Пахомий — «широкоплечий» (то же значение, что и у имени Платон). Русская форма Пахом у писателей XIX в. стала любимым именем плечистых «мужиков-бородачей». Л. В. Успенский. Ты и твоё имя. Изд. 1-е, с. 285.

¹⁴ Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси... с. 326.

¹⁵ Архиепископ Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 2, с. 579 (далее — ПМВ).

¹⁶ Н. С. Петровский. Египетский язык. Л., 1958, с. 81.

¹⁷ Там же, с. 81—82.

¹⁸ W. Spiegelberg. Ägyptische und Griechische Eigennamen aus Mumienetiketten der Römischen Kaiserzeit. Lpz., 1901 (далее — W. Spiegelberg. Eigennamen...); W. Spiegelberg. Koptisches Handwörterbuch. Heidelberg, 1931 (далее — W. Spiegelberg. Handwörterbuch); W. E. Crum. A Coptic Dictionary. Ox., 1939 (далее — W. E. Crum. Dictionary); G. Heuser. Die Personennamen der Kopten. Bd 1 (Untersuchungen). Lpz., 1929 (далее — G. Heuser. Personennamen).

¹⁹ ПМВ. Т. 2, с. 629.

²⁰ Здесь и далее воспроизводится коптское письмо.

²¹ ПМВ. Т. 2, с. 538.

²² Там же.

²³ См.: И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958, с. 18.

²⁴ Н. А. Петровский. Словарь личных имен, с. 47.

²⁵ R. O. Faulkner. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxf., 1962, с. 21.

²⁶ ПМВ. Т. 2, с. 583.

²⁷ Там же, с. 583.

²⁸ Там же, с. 583.

²⁹ Данной консультацией я обязан другу филол. наук А. И. Еланской.

³⁰ ПМВ. Т. 2, с. 585.

³¹ Н. А. Петровский. Словарь личных имен, с. 48.

³² ПМВ. Т. 2, с. 587.

³³ Там же, с. 683.

³⁴ W. Spiegelberg. Eigennamen... с. 20.

³⁵ G. Heuser. Personennamen. Bd 1, с. 19.

³⁶ ПМВ. Т. 2, с. 598.

³⁷ Там же, с. 638.

³⁸ См. также: W. Spiegelberg. Eigennamen... с. 16.

³⁹ ПМВ. Т. 2, с. 598.

⁴⁰ Там же, с. 602.

⁴¹ W. Spiegelberg. Eigennamen... с. 18; G. Heuser. Personennamen, с. 20.

⁴² ПМВ. Т. 2, с. 604.

⁴³ G. Heuser. Personennamen, с. 61.

⁴⁴ ПМВ. Т. 2, с. 607.

⁴⁵ См.: В. В. Струве. Манефон и его время. — «Записки Коллегии востоковедов». Л., 1928, т. 3, вып. 1.

⁴⁶ ПМВ. Т. 2, с. 610.

⁴⁷ Н. С. Петровский. Египетский язык, с. 81.

⁴⁸ W. Gesenius. Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch. 8 Auflage. Lpz., 1878, с. 512—513.

⁴⁹ ПМВ. Т. 2, с. 611.

⁵⁰ А. В. Суперанская. Как вас зовут... с. 89.

⁵¹ ПМВ. Т. 2, с. 312.

⁵² Там же, с. 612.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Н. С. Петровский. Египетский язык, с. 81.

⁵⁵ См.: W. Spiegelberg. Eigennamen... с. 20; G. Heuser. Personennamen, с. 18 (с вариантом отембре).

⁵⁶ ПМВ. Т. 2, с. 621.

⁵⁷ W. Gesenius. Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch, с. 22.

⁵⁸ Н. А. Петровский. Словарь личных имен, с. 62.

⁵⁹ W. Spiegelberg. Eigennamen... с. 5, 10.

⁶⁰ G. Heuser. Personennamen, с. 19, 60 и др.

⁶¹ ПМВ. Т. 2, с. 612.

⁶² G. Heuser. Personennamen, с. 60.

⁶³ ПМВ. Т. 2, с. 612.

⁶⁴ Н. А. Петровский. Словарь личных имен, с. 80.

⁶⁵ G. Heuser. Personennamen, с. 62.

⁶⁶ ПМВ. Т. 2, с. 612.

⁶⁷ G. Heuser. Personennamen, с. 45 и др.

⁶⁸ ПМВ. Т. 2, с. 213.

⁶⁹ Лексикон словенороский Памви Беринди, л. 444.

⁷⁰ G. Heuser. Personennamen, с. 45.

⁷¹ ПМВ. Т. 2, с. 613.

⁷² W. Spiegelberg. Eigennamen... с. 19; G. Heuser. Personennamen, с. 16, 45.

⁷³ W. Spiegelberg. Eigennamen... с. 94.

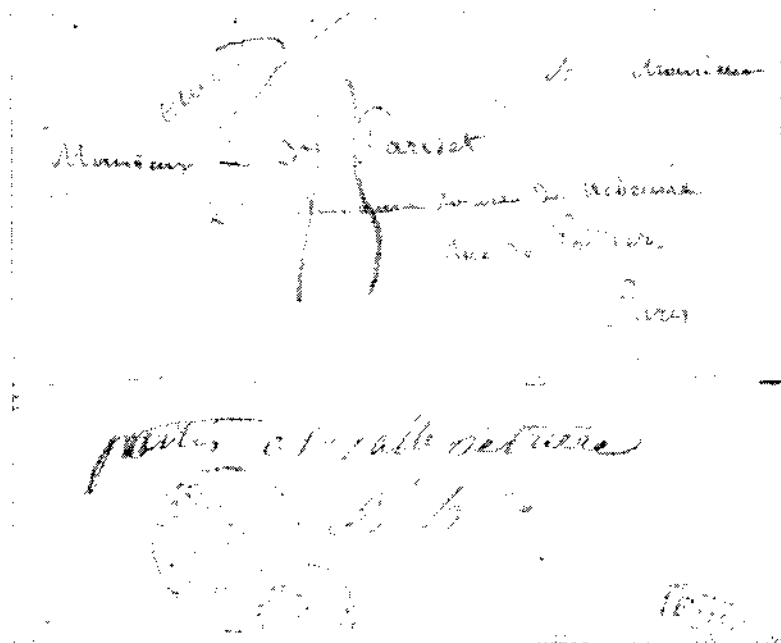
- ПМВ. Т. 2, с. 613.
⁷⁵ G. Heuser. Personennamen, с. 17, 73 и др.
⁷⁶ ПМВ. Т. 2, с. 613.
⁷⁷ G. Heuser. Personennamen, с. 18.
⁷⁸ ПМВ. Т. 2, с. 614.
⁷⁹ G. Heuser. Personennamen, с. 65.
⁸⁰ ПМВ. Т. 2, с. 614.
⁸¹ W. Spiegelberg. Eigennamen. . . , с. 31.
⁸² G. Heuser. Personennamen, с. 47.
⁸³ ПМВ. Т. 2, с. 614.
⁸⁴ G. Heuser. Personennamen, с. 47.
⁸⁵ ПМВ. Т. 2, с. 614.
⁸⁶ Там же, с. 614.
⁸⁷ Там же, с. 615.
⁸⁸ Ср.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 2, с. 1800.
⁸⁹ Н. С. Петровский. Египетский язык, с. 81; см. также: G. Heuser. Personennamen, с. 43.
⁹⁰ ПМВ. Т. 2, с. 85 и 649.
⁹¹ См.: W. Spiegelberg. Handwörterbuch, с. 109; W. Sigm. Dictionary.
⁹² ПМВ. Т. 2, с. 617.
⁹³ Там же, с. 237 и 618.
⁹⁴ W. Spiegelberg. Handwörterbuch, с. 111.
⁹⁵ ПМВ. Т. 2, с. 618.
⁹⁶ Н. А. Петровский. Словарь личных имен, с. 89.
⁹⁷ G. Heuser. Personennamen, с. 19, 43 и др.
⁹⁸ ПМВ. Т. 2, с. 619.
⁹⁹ Н. С. Петровский. Египетский язык, с. 81.
¹⁰⁰ ПМВ. Т. 2, с. 619.
¹⁰¹ G. Heuser. Personennamen, с. 61.
¹⁰² ПМВ. Т. 2, с. 620.
¹⁰³ G. Heuser. Personennamen, с. 43.
¹⁰⁴ ПМВ. Т. 2, с. 621.
¹⁰⁵ Там же, с. 621.
¹⁰⁶ W. Gesenius. Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch с. 685 а. См. также: G. Heuser. Personennamen, с. 17.

И. С. Кацнельсон

ТРИ ЗАПИСКИ Ф. ШАМПОЛЬОНА ИЗ СОБРАНИЯ АВТОГРАФОВ АКАД. Н. П. ЛИХАЧЕВА

В данной статье впервые публикуются записки Ф. Шампольона. Они хранятся в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР в коллекции автографов обширного собрания акад. Н. П. Лихачева, которое поступило туда из Института книги, документа и письма¹. Когда и где они были приобретены Н. П. Лихачевым, установить не удалось.

Содержание этих наспех набросанных записок скорее всего разочарует тех, кто занимается изучением научной деятельности Ф. Шампольона, но, быть может, дополнит несколькими штрихами облик этого гениального труженика науки, рано ушедшего из жизни. Действительно, две из них свидетельствуют о присутствии ему стремлении помочь людям, будь то содействие в устройстве на работу или лишь ходатайство об осмотре Лувра. Третья записка в какой-то степени характеризует отношение Ф. Шампольона к друзьям и к официальным мероприятиям, в которых ему как члену Института и профессору Коллеж де Франс приходилось принимать участие. Письма не датированы. Однако на двух имеются почтовые штемпеля, позволяющие установить время отправления. Третье письмо, дату и адресат которого определить не удалось, видимо, относится примерно к этому же времени.

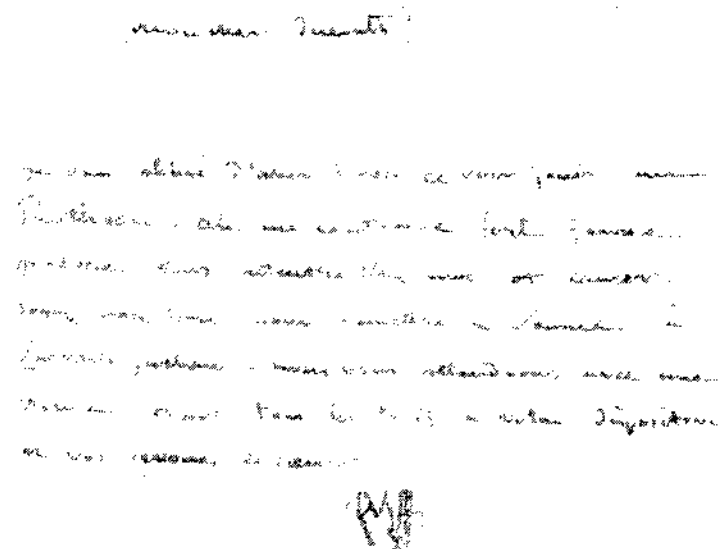

A Monsieur le Dr. Pariset.
Académie Royale de Médecine,
Rue de Poitiers, Paris
(16 Décembre 1830).

Mon cher Jumath!

Je suis obligé d'aller dîner ce soir jeudi au Panthéon. Cela me contrarie fort. J'eusse préféré vous attendre chez moi et causer. Soyez assez bon pour remettre cette soirée à samedi prochain. Nous vous attendrons avec une dinde, étant tous les trois à votre disposition et vos dévoués du cœur.

J. F.

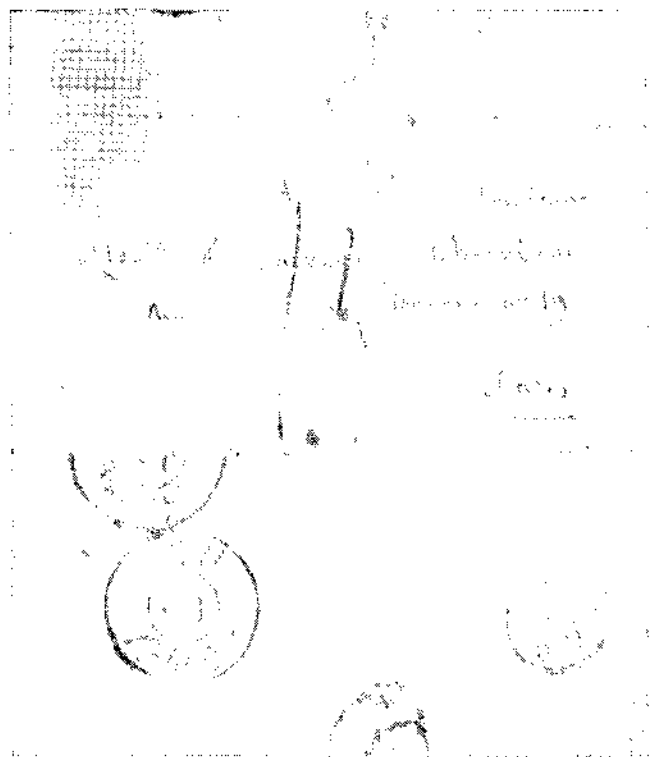
Господину доктору Паризе².
Королевская медицинская
академия,
ул. Пуатье, Париж
(16 декабря 1830)³.

Дорогой Жюмат!

Сегодня вечером, в четверг, я должен идти на обед в Пантеон. Меня это очень огорчает. Я предпочел бы принять Вас у себя и поговорить. Будьте столь любезны и перенесите свой визит на ближайшую субботу. Будем Вас ждать с индейкой. Все трое в Вашем распоряжении и преданные Вам всем сердцем.

Ж. Ш.

A Monsieur Salvador Cherubini.
Rue Faubourg-Poissonnière 19,
Paris
(15 Avril 1831).

Je vous écris deux mots pour vous prier, de ma part et de celle de mon frère, Mr. Deletre, notre chef, de recommander à l'attention de Mr. Oudard, directeur des Domaines de la Couronne, Mr. le docteur Touret, postulant une place de chirurgien adjoint des Ecuries du Roi.

Monsieur Touret qui a emporté tous les prix à l'Académie de Médecine est compris pour la place qu'il demande sur le travail qui va être mis incessamment sous les yeux du Roi: un mot de Mr. Deletre en sa faveur à Mr. Oudard assurerait son affaire. Je serai très reconnaissant de cette recommandation pour un sujet qui en est tout à fait digne.

Toujours à vous de coeur
J. F. Champollion le jeune

بسم الله الرحمن الرحيم

يا رجل

Je vous écris deux mots pour vous prier, de ma part et de celle de mon frère, Mr. Deletre, notre chef, de recommander à l'attention de Mr. Oudard, directeur des Domaines de la Couronne, Mr. le docteur Touret, postulant une place de chirurgien adjoint des Ecuries du Roi.

Mr. Touret qui a emporté tous les prix à l'Académie de Médecine est compris pour la place qu'il demande sur le travail qui va être mis incessamment sous les yeux du Roi: un mot de Mr. Deletre en sa faveur à Mr. Oudard assurerait son affaire. Je serai très reconnaissant de cette recommandation pour un sujet qui en est tout à fait digne.

Toujours à vous de coeur

J. F. Champollion le jeune

Je suis très reconnaissant de cette recommandation pour un sujet qui en est tout à fait digne.

Господину Сальвадору
Керюбини⁴.
Ул. Фобур-Пуассонье, № 19,
Париж
(15 апреля 1831)⁵.

Я пишу Вам пару слов, чтобы от моего имени и от имени моего брата просить Вас попросить нашего шефа г-на Делетра⁶ рекомендовать г-ну Удару, директору коронных уделов, г-на доктора Тузе, который хотел бы занять место помощника хирурга при Королевских конюшнях.

Г-н Тузе⁷, получивший все награды в Академии медицины, имеет все основания занять просимую им должность на работе, которая немедленно предстанет перед глазами Короля. Одно слово в его пользу, сказанное г-ном Делетром г-ну Удару, решило бы его дело. Я был бы Вам очень благодарен за эту рекомендацию человека, вполне ее достойного.

Преданный Вам всем сердцем

Ж. Ф. Шампольон Младший

Très cher Tyran (l'un des 430)

Je vous ai fait demander le nom de l'une de ces personnes qui voulait une carte d'entrée pour le Louvre, présumant que c'était un artiste qui voulait aller y travailler. Il n'y a de cartes d'entrée que pour eux.

Mais puisque c'est un simple curieux: vous pouvez lui dire en général que les ordres sont déjà donnés au Louvre pour que tout lui soit ouvert en se nommant tout simplement; bien entendu qu'il peut venir accompagné de toutes les personnes qui lui seraient agréables.

Toujour tout à vous

J. F. Champollion le jeune

Мой очень дорогой Тиран
(один из 430)

Я спрашивал Вас имя того человека, который хотел получить постоянный пропуск в Лувр, думая, что речь идет о художнике, намеревавшемся там работать. Постоянные пропуска выдаются только им.

Très cher Tyran (l'un des 430)

Je vous ai fait demander le nom de l'une de ces personnes qui voulait une carte d'entrée pour le Louvre, présumant que c'était un artiste qui voulait aller y travailler. Il n'y a de cartes d'entrée que pour eux.

Mais puisque c'est un simple curieux: vous pouvez lui dire en général que les ordres sont déjà donnés au Louvre pour que tout lui soit ouvert en se nommant tout simplement; bien entendu qu'il peut venir accompagné de toutes les personnes qui lui seraient agréables.

Toujour tout à vous

J. F. Champollion le jeune

Но поскольку речь идет о человеке, просто проявившем интерес к картинам, Вы можете ему сказать, что в Лувр уже дано указание и ему будет все открыто, надо только, чтобы он назвал свое имя. Само собой разумеется, что он может взять с собой всех, кто ему приятен.

Преданный Вам
Ж. Ф. Шампольон Младший

² Доктор Этьен Паризе, врач и литератор, приобрел известность благодаря своим трудам по эпидемиологии. Секретарь Академии медицинских наук. Познакомился с Ф. Шампольоном в 1828 г. в Египте. Во время Реставрации занимал должность цензора, что сильно его скомпрометировало в глазах прогрессивных кругов.

³ Датируется по почтовому штемпелю.

⁴ С. Керубини — сын известного композитора Л. Керубини. Во время экспедиции в Египет был секретарем Ф. Шампольона, дружеские отношения с которым сохранил до смерти ученого.

⁵ Датируется по почтовому штемпелю.

⁶ Барон Делетр — министр двора Луи-Филиппа.

⁷ Сведения об этих лицах найти не удалось.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ	— М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914
ВДИ	— Вестник древней истории
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
ОАК	— Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.
СА	— Советская археология. М.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ТОВЭ	— Труды отдела Востока Эрмитажа. Л.
ASAE	— Annales du Service des Antiquités de l'Egypte. Le Caire.
ÄZ	— см. ZÄS
BMFA	— The Bulletin of the Museum of Fine Arts. Boston
CM	— Le Musée du Caire. Catalogue général des antiquités égyptiennes. Le Caire
FIFAO	— Fouilles de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. Le Caire
HWb.	— A. Erman und H. Grapow. Ägyptisches Handwörterbuch. Lpz., 1921
JEA	— The Journal of Egyptian Archaeology. L.
JNES	— The Journal of Near Eastern Studies. Chicago
MMFAO	— Mémoires publiés par les Membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. Le Caire
MDAIK	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Kairo — Wiesbaden
PM	— B. Porter and R. B. Moss. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. T. 1—7. Ox., 1927—1951; Новое изд. T. 1—3. Ox., 1960—1977.
Pyr.	— Тексты пирамид
RDH	— Rapports de Divine Harmonie.
Rec.	— Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. P.
RSO	— Rivista degli studi orientali. Roma
Urk.	— Urkunden des ägyptischen Altertums
Wb.	— A. Erman und H. Grapow. Ägyptisches Wörterbuch. T. 1—5. B., 1955
ZÄS	— Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Lpz. — B.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
<i>Б. Г. Гафуров.</i> Гениальное открытие Франсуа Шампольона	4
<i>М. А. Коростовцев.</i> Пятьдесят лет египтологии в СССР	6
<i>Ж. Позенер</i> (член Института, Франция). Ф. Шампольон и расшифровка ператического письма	11
<i>И. С. Кацнельсон.</i> Франсуа Шампольон и Россия	18
<i>А. I. Elanskaia.</i> La construction dite «construction adverbiale» et le rôle de <i>сѣт/мѣт</i> en copte	29
<i>Y. N. Zawadowski.</i> Les systèmes d'écriture égyptienne et méroïtique: parallèles et conclusions	34
<i>М. А. Коростовцев.</i> Попытки обозначения гласных в поздней иероглифике	37
<i>О. Д. Бергев.</i> «Золотое имя» египетского царя	41
<i>И. В. Виноградов.</i> Данные папируса Вильбур о ха-та фараона . . .	60
<i>Р. И. Рубинштейн.</i> Книга мертвых и отношение древних египтян к смерти	72
<i>Н. А. Померанцева.</i> К вопросу о традициях и каноне в искусстве Амарны	88
<i>С. Я. Берзина.</i> Александрийская тара в Северном Причерноморье .	106
<i>Н. А. Мецкерский.</i> Египетские имена в славяно-русских месяцесловах .	117
<i>И. С. Кацнельсон.</i> Три записки Ф. Шампольона из собрания автографов акад. Н. П. Лихачева	129
Список сокращений	137

Ж. Ф. ШАМПОЛЬОН И ДЕШИФРОВКА ЕГИПЕТСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Н. В. Баранова*
Младший редактор *Н. А. Кочнева*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *Б. Л. Резнико*
Технический редактор *Э. С. Теплякова*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 13692

Сдано в набор 16.03.79. Подписано к печати
29.11.79. А-02916. Формат 60×90^{1/16}. Бумага
типографская № 2. Гарнитура обыкновенная
новая. Печать высокая. Усл. п. л. 8,75.
Уч.-изд. л. 9,36. Тираж 3750 экз.
Зак. № 208. Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я лин., 12

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В 1980 году выйдут:

История древнего Востока: (Зарождение древнейших классовых обществ и первых очагов цивилизации). 48 л.

Мероэ (история, история культуры и искусства, язык древнего Судана): Сб. статей. Вып. 2. 12 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».